ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

выпуск XXXV
Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион
2016 – 2017 гг.

МОСКВА
2017

«Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития»
издается с 1998 года
под руководством
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Индекс **65047** в подписном каталоге
«Издания научно-технической
информации» агентства «Роспечать»

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ №ФС 77-34876 от 29.12.2008

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для публикаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по **истории** и **политологии**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Мосяков Д.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Малетин Н.П.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Астафьева Е.М.

РЕДАКТОРЫ
Астафьева Е.М., Другов А.Ю., Симония А.А.,
Соколов А.А., Фомичева Е.А.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Акимов А.В.	Другов А.Ю.
Захаров А.О.	Канаев Е.А.
Колотов В.Н.	Костюнина Г.М.
Мазырин В.М.	Малетин Н.П.
Пале С.Е.	Рогожин А.А.
Соколов А.А.	Симония А.А.
Фомичева Е.А.	Федоровский А.Н.

ISSN 2072-8271

© ИВ РАН, 2017
© Редколлегия, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Мазырин В.М. Новый этап экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии 5
Рогожин А.А. Экономическое сотрудничество стран ЮВА и США – современное состояние и перспективы 26
Канаев Е.А. Проблема Южно-Китайского моря: новые категории анализа 32
Бэ Бумки Китай, территориальные споры на морях Восточной Азии и Морской шелковый путь XXI века 45
Муратшина К.Г., Иванова А.Е. Сотрудничество Китая со странами ЮВА в сфере образования как проявление политики «мягкой силы» и средство решения ключевых внешнеполитических задач..... 58
Рогожина Н.Г. Финансирование терроризма в странах Юго-Восточной Азии 70
Лебедева Н.Б. Индия – АСЕАН: двадцать пять лет спустя (грани отношений и внешние факторы)..... 78

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Попов А.В. Центральный Сулавеси (Часть II)..... 102
Петрова О.Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений 131
Ефимова Л. М. Российско-индонезийские отношения: исламский вектор 147
Бектимирова Н.Н. Новые акценты во внешнеполитической стратегии Камбоджи..... 159
Муранова А.П. Мьянма: активизация экономической деятельности США, 2011-2016 гг. 170
Соколов А.А. Современная образовательная миграция из Вьетнама: возможности и вызовы..... 184
Новакова О.В. Политика КПВ по отношению к Вьетнамской Католической Церкви в годы политики «обновления» (1986-2016)..... 206

Рубан Л.С. «ПЕТРОНАС» – энергетический лидер Малайзии 227

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Пракапович Н.В. США и политика «умиротворения» Юга Филиппин (1901-1913 гг.) 238
Милославская Т.П. Истоки радикального ислама 258

КУЛЬТУРА

Шмелева И.Н. *Басак*: синтетическая форма кхмерского театра 266

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кукушкина Е.С. К итогам осенне-зимнего цикла заседаний научного семинара общества «Нусантара» 273
Панарина Д.С. Встреча с делегацией Республики Филиппины в ИВ РАН (26 мая 2017 г.) 281

ПРИЛОЖЕНИЯ

Аннотации, ключевые слова 283
Summaries and Keywords 289
Сведения об авторах 294

С условиями публикации
можно ознакомиться на сайте http://sea.ivran.ru/
Адрес редакции: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12,
Институт востоковедения РАН,
Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании
E-mail: sea-apd@bk.ru, uva6254535@yandex.ru

© ***Мазырин В.М.***
ИДВ РАН

НОВЫЙ ЭТАП ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

Введение

В декабре 2015 г. возник принципиально новый интеграционный формат в Юго-Восточной Азии (ЮВА) – Сообщество АСЕАН. Это событие важно с учетом повышения роли стран-членов Ассоциации в мировой экономике. Они образуют емкий рынок с населением около 630 млн человек (третий по размеру в мире) и объемом внешней торговли в 2,5 млрд долл. (7,1% мирового экспорта и 6,3% мирового импорта), ВВП свыше 2,5 трлн долл. (седьмое место в мире), показывают высокую экономическую динамику[1].

По оценке многих экспертов, сближение в экономической сфере идет быстрее, лучше подготовлено и больше стимулируют объединительные процессы в ЮВА, чем в сфере политики–безопасности и в социально-культурной сфере, которые составляют две другие части сообщества[2].

Цель проекта стран АСЕАН – в течение 10 лет создать высоко конкурентную экономику с единой производственной базой и открытой торгово-инвестиционной системой. При условии структурных реформ ожидается, что к 2025 г. ее рост достигнет 7,1% и будет дополнительно создано 14 млн рабочих мест[3]. ЭСА призвано показать миру серьезность этих намерений. За 2016 г. были запущены новые планы действий во многих секторах, нацеленные на стимулирование торговли, продовольственной безопасности, развитие малого и среднего бизнеса, производственной кооперации.

* Данная статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 16-27-09001 по теме «Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам».

Компоненты или «опоры» ЭСА

Формирование экономического сообщества АСЕАН (ЭСА) члены этой организации начали десять лет назад, приняв в 2007 г. Дорожную карту ЭСА. Этот стратегический план, включавший 17 основных целей (табл. 1) и 506 конкретных мер, был в основном выполнен в 2015 г. За первые 4 года (2008-2011 гг.), по оценкам Секретариата АСЕАН, он был реализован на 68,2%, к апрелю 2015 г. достигнуты 90,5% показателей[4].

Таблица 1

Основные цели строительства экономического сообщества

Общий рынок и производственная база	Экономическая конкурентоспособность	Выравнивание экономического развития	Интеграция в глобальную экономику
1. Свободное движение товаров	8. Конкурентная среда (политика)	14. Развитие малого и среднего бизнеса	16. Согласованная внешнеэкономическая политика
2. Свободное движение услуг	9. Защита потребителя	15. Инициатива интеграции АСЕАН	17. Участие в международных цепочках
3. Свободное движение капитала	10. Охрана интеллектуальной собственности		
4. Свободное движение инвестиций	11. Развитие инфраструктуры		
5. Свободное движение квалифицирован. рабочей силы	12. Улучшение налоговой системы		
6. Интеграция в приоритетных секторах	13. Развитие электронной торговли		
7. Продовольствие, сельское и лесное хозяйство			

Источник: ASEAN Economic Community Scorecard: Performance and Perception. Sanchita Basu Das ed. Singapore, 2013. P.X.

Строительство ЭСА ведется в 4 основных направлениях, которые формируют «опоры» сообщества, как их назвали в АСЕАН.

1. **Формирование общего рынка**

Первая из этих ключевых опор – **образование общего рынка и общей производственной базы.** Таким путем решено обеспечить свободное движение товаров, услуг, инвестиций и капитала, квалифицированной рабочей силы, интеграцию в приоритетных секторах и в традиционных отраслях (сельское, лесное, водное хозяйство). За 2008-2011 гг. эта часть программы выполнена на 66,5 %[5].

1.1. Свободное движение товаров

Главной составной частью будущего общего рынка является *свободное движение товаров*, регулируемое Соглашением стран АСЕАН о свободной торговле товарами (ATIGA) с 2010 г. Это соглашение ратифицировано и выполняется большинством членов Ассоциации – Брунеем, Вьетнамом, Индонезией, Камбоджей, Лаосом, Малайзией, Мьянмой, Филиппинами, Сингапуром (кроме Таиланда). Для его реализации созданы различные механизмы, облегчающие движение товаров через границу: документ о таможенном декларировании, модель обработки грузов, перевозимых воздушным путем, система таможенного транзита и др.

По мере формирования ЭСА ввозные пошлины на товары и услуги в нем сокращаются до нуля, все отрасли экономики открываются. Это должно обеспечить всестороннюю интеграцию региона, ускорить экономический рост стран-членов. В 2012 г. шесть основателей АСЕАН применяли нулевой тариф к 99,1% товарных позиций, а менее развитые страны – к 67,6%, в то же время следующая по уровню льгот ставка – 0-5% охватила 98,6% позиций[6].

Члены АСЕАН добились большого успеха, опустив средний тариф во внутрирегиональной торговле товарами до 0,9% (в 2000 г. 4,4%). Группа шести более развитых стран обнулила тарифы с 2010 г. по всем позициям за исключением аграрных продуктов – к ним применяется ставка в диапазоне 0-5% в Индонезии, Малайзии, Филиппинах и Таиланде, что противоречит Соглашению ATIGA. Четыре менее развитые страны (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма) снизили средний тариф за 2000-2013 гг. с 7,3 до 1,8%.

Хотя второй группе (ВКЛМ) предоставлены льготы, в частности возможность не обнулять тарифы до 2018 г., эксперты опасаются, что выполнить это требование будет трудно. Вьетнамский ученый Фам Ши Тхань считает большим испытанием для своей страны задачу обнулить тарифы на 7% чувствительных товарных позиций (400 тарифных линий), вошедших в список временный исключений. Местный бизнес хочет дольше сохранять высокий уровень защиты ряда производств, чтобы иметь время для повышения своей конкурентоспособности. Однако по некоторым товарам, несмотря на протекционизм, не удается этого добиться[7].

Льготные тарифные ставки пока не удается использовать для облегчения товародвижения в полном объеме, ввиду проблемы подтверждения страны происхождения товара. Эти льготы могут получить товары, минимальная доля местного компонента в которых достигает 40%, что подтверждается сертификатом происхождения формы Д или изменением подгруппы тарифной классификации (на уровне 4 знаков) вследствие обработки товара. Зачастую достичь и, соответственно, доказать нужную степень переработки или локализации производства не удается.

Вследствие этого, хотя стоимость экспортных товаров, использующих режим сводной торговли, выросла с 9,2 до 26 млрд долл. за 2005-2010 гг., их доля в товарообороте между странами АСЕАН оставалась невысокой – на уровне 0,5% у Мьянмы, 13,4% у Вьетнама, 22,6% у Таиланда и 47% у Камбоджи[8]. Снижение тарифных барьеров в ЗСТ слабо содействует доступу на рынок как внутри Ассоциации, так и ее внешних партнеров. Это видно на примере участия Вьетнама в составе АСЕАН в зонах свободной торговли со странами Восточной Азии (табл.2). Большинство произведенных им товаров имеет низкий удельный вес национального / субрегионального компонента.

Таблица 2

Уровень использования льготных тарифов в зонах свободной торговли АСЕАН + 1 в экспорте Вьетнама в 2006-2011 гг., %*

ЗСТ	2006	2007	2008	2009	2010	2011
АФТА	7,10	9,41	12,76	11,41	14,11	20,20
АЯФТА	н/д	н/д	н/д	27,81	30,52	31,23
АКФТА	н/д	н/д	н/д	79,05	65,97	90,77
ААФТА	н/д	н/д	н/д	н/д	8,89	15,91
АИФТА	н/д	н/д	н/д	н/д	2,39	7,37
АКФТА	8,89	6,30	9,83	21,70	25,23	23,11

Источник: Министерство промышленности и торговли Вьетнама: Vo Tri Thanh. Managing Domestic Consensus for ASEAN Community-Building in Vietnam // Moving the AEC beyond 2015. Op. cit. P.185.

Примечания: * рассчитано как отношение стоимости экспортных товаров, получивших преференции в рамках ЗСТ, к общему объему поставок партнерам соответствующих ЗСТ

Еще один сдерживающий фактор заключается в том, что в рамках обычной торговли – на основе режима наибольшего благоприятствования – партнеры уже заметно снизили средний таможенный тариф, например, Камбоджа с 16 до 14,2%, Вьетнам до 9,8%. Это ослабило стимулы к получению более низких ставок ЗСТ, связанных с рядом сложностей. Помимо подтверждения происхождения товаров проблемы вызывает различие соответствующих режимов в соглашениях о свободной торговле с разными странами и иные причины. Так, предприятия Вьетнама и других менее развитых стран не могут эффективно использовать преимущества каждой ЗСТ ввиду неспособности удовлетворить более строгие технические требования этих зон к качеству ввозимых товаров. В итоге экспортеры менее развитых стран АСЕАН отдают предпочтение торговле с Китаем, Японией и Кореей, как более крупными рынками, чем с партнерами внутри АФТА [9].

Работа по снижению наряду с тарифами также *нетарифных барьеров* ведется на основе режима упрощения торговли и рабочей программы, которая охватывает вопросы таможенного оформления, торговые процедуры, стандарты товаров и сертификаты соответствия, санитарные и фитосанитарные нормы. Предприняты шаги по отмене дополнительных импортных сборов, взаимному признанию и гармонизации стандартов качества, стимулированию конкуренции, облегчению доступа на национальный рынок, отказу от количественных ограничений (квот).

Однако нетарифные барьеры сохраняются, как на границе между странами АСЕАН, так и после ее прохождения, хотя предусматривалось, что к 2012 г. они будут сняты наиболее развитыми членами Ассоциации, а в промежутке 2015-2018 гг. – менее развитыми. По сути, эти барьеры имеют протекционистский характер: почти половина всех тарифных линий содержит как минимум 1 нетарифный барьер. Не достигнута также прозрачность и единообразие нетарифных мер регулирования торговли, не приняты региональные правила и механизмы, соответствующие мировым образцам. Без преодоления нетарифных ограничений АСЕАН не сможет создать единый рынок в будущем.

Особенно применением нетарифных ограничений отличаются Индонезия и Вьетнам, тогда как Камбоджа и Таиланд – обратный пример. Постоянная потребность правительств в защите национальной промышленности обусловлена тесными связями между правящими элитами и местным бизнесом, сдерживающими региональную интеграцию. Среди ограничений такого рода превалируют обязательное лицензирование и технический контроль, т.е. проверка стандартов качества (она охватывает 32% всех нетарифных барьеров), а также прямые запреты (21%). Эти меры чаще применяются в химической и смежных отраслях (21%), машиностроении (18%), пищевой промышленности (12%)[10].

Также не выполнена задача по запуску Национального единого окна таможенного оформления на всей территории ЮВА. Пилотный проект с участием Индонезии, Малайзии, Сингапура и Таиланда позволил запустить в этих странах но-

вый механизм, хотя налицо недостаток координации участников или нехватка соответствующих людских ресурсов. Менее развитые страны (ВКЛМ) находятся на начальном этапе работы.

Меры по либерализации торговли в рамках АФТА дали пока скромные результаты с точки зрения активизации **внутри**региональной торговли. Ее удельный вес в общем товарообороте стран АСЕАН вырос с 19 до 26% за 1993-2008 гг., а затем упал до 24%. Выше всего он у Филиппин, Индонезии, Камбоджи, ниже у Брунея, Сингапура, Малайзии (табл.3), т.е. у более развитых стран. По товарным группам доля такой торговли выше всего по автомобилям, ГСМ и натуральным маслам, духам и косметике и ниже в ключевых группах экспорта типа электрооборудования, машин, запчастей[11]. Достигнутый уровень внутрирегиональной торговли для ЮВА достаточно высок, хотя несравним с ЕС, где он равняется 60%. Оценивая это «отставание», следует учитывать, что структура торговли между членами АСЕАН носит скорее конкурентный, чем взаимодополняющий характер.

Таблица 4

Доля внешней торговли стран АСЕАН в пределах ЮВА

Страна	1993	1996	2000	2005	2010	2012
АСЕАН-10	19,2	21,5	22,0	25,7	25,4	24,3
Бруней	-	47,6	36,3	28,8	20,6	19,8
Вьетнам	-	-	-	22,8	17,0	16,8
Индонезия	11,8	13,8	18,5	23,1	27,4	25,1
Камбоджа	-	-	22,6	19,8	22,8	27,6
Лаос	-	-	-	58,2	57,1	37,9
Малайзия	24,1	25,0	22,7	25,8	26,2	27,4
Мьянма	-	-	44,1	87,7	48,6	39,3
Сингапур	23,3	25,7	26,0	28,9	27,2	26,6
Таиланд	13,8	17,0	17,4	20,0	22,5	20,9
Филиппины	9,2	14,6	15,7	18,1	25,4	21,1

Источник: ASEAN Secretariat Statistical Database (статистика Секретариата АСЕАН)

Другим показателем движения в нужном направлении служит растущая открытость стран АСЕАН в торговле товарами, измеряемая соотношением объема импорта к ВВП, хотя эта тенденция неустойчива. В предкризисный период (1997-2008) она выросла с 13 до 16% по Ассоциации в целом и с низких значений до 14% в группе ВЛКМ. Лидерами по открытости являются Сингапур (42% в 2005 г., 29% в 2012 г.) и Камбоджа (16/29%). Затем средний показатель в АСЕАН снизился до 12%, в том числе до 13% в группе более развитых стран и вырос до 16% в группе ВКЛМ[12].

О позитивных изменениях говорит индекс интенсивности внутрирегиональной торговли. Хотя за 1990-2012 гг. он упал с 3,8 до 3,6, но остается значительно выше, чем в ЕС, где был равен 2 в 2012 г. Значит, члены Ассоциации активнее развивают торговлю внутри своего региона. Одновременно индекс вырос в торговле с КНР, что отразило усилия по развитию ЗСТ АФТА наряду с КАФТА. Исследователи рассчитали и эффект совокупного воздействия мер либерализации торговли на темпы и устойчивость роста экономик стран ЮВА. Применив метод компьютерного моделирования (Computable General Equilibrium), учитывающий чистую выгоду от эффектов свободной торговли – не только прямую, но и косвенную, они дали прогноз, что ЭСА обеспечит прирост регионального ВВП на уровне 5,2% в год, а если будут созданы ЗСТ со всеми ее ведущими торговыми партнерами, то вдвое больше [13].

1.2. Рынок услуг

Либерализация в сфере услуг пока идет медленно, несмотря на 15 лет выполнения Рамочного соглашения о свободной торговле услугами (AFAS). Впрочем, обязательства в этой сфере и не предусматривали либерализация в полном масштабе. Причина в том, что это профильное соглашение списано с аналогичного соглашения ВТО (ГАТС), которое, по мнению ряда экспертов, не создает заметных стимулов для либерализации[14]. К тому же осторожность в реформировании и вправду востребована: сфера услуг – очень чувствительный сектор, так как в значительной мере не только создает ВВП стран ЮВА, но и обеспечивает занятость.

AFAS включает 7 пакетов обязательств по либерализации таких секторов, как дистрибуция услуг, оказание бизнес и профессиональных услуг, строительство, образование и здравоохранение, охрана окружающей среды, морской транспорт, телекоммуникации и туризм. Самым сложным считается пакет № 3, ставящий задачу повысить доступную для покупки иностранным капиталом долю собственности на территории стран ЮВА или так наз. коммерческого присутствия. Сейчас этот предел ограничен 70% акционерного капитала компании. Обязательства по соглашению выполнили 8 членов АСЕАН, не выполнили Вьетнам и Филиппины[15]. Следовательно, они не спешат открывать указанные сектора даже для конкурентов-соседей. Более медленно происходит либерализация торговли финансовыми услугами (четвертый пакет), как особенно ответственной сферы.

1.3. Движение капитала

С 2012 г. действует Всеобъемлющее инвестиционное соглашение стран АСЕАН (ACIA), которое ратифицировано 8 членами организации (кроме Индонезии и Таиланда). Оно нацелено на получение инвесторами как внутри стран-членов, так и из-за рубежа, больших выгод и защиты своих интересов. Однако соглашение выполняется слабо, поступает много жалоб на непрозрачность процедур, особенно в Индонезии, Малайзии, Таиланде и Вьетнаме. По этой причине членам АСЕАН сложно соревноваться за привлечение ПИИ в регион с Китаем, а внутри Ассоциации с Сингапуром, получающим более половины иностранных инвестиций.

С целью обеспечить более свободный перелив капиталов в ЮВА в 2009 г. введен специальный план действий по созданию единого рынка капитала. В частности, усилия направлены на либерализацию трансграничных продуктов и услуг в инвестиционной сфере, взаимное признание дипломов специалистов, выработку взаимосвязанных обменных курсов и развитие рынка облигаций. С целью придания мобильности капиталу внутри региона также снят ряд ограничений на движение средств на капитальных счетах. И факты подтверждают, что большинство членов АСЕАН не ограничивает ни ввоз, ни вывоз иностранно-

го капитала. Там, где ограничения сохраняются, готовятся дополнения в местное инвестиционное законодательство. Также ведется интенсификация реформ на фондовом рынке с целью регулирования притока портфельного капитала. Смягчаются лимиты на использование иностранной валюты, включая платежи по транзакциям и текущие переводы.

Всё это важно и само по себе, и для повышения официального рейтинга, так как согласно международным инвестиционным индексам, высоко стоящие в них страны привлекают больше ПИИ (табл. 3).

Таблица 3

Инвестиционная привлекательность стран АСЕАН

Страна	**Рейтинг по ЛВБ, 2014**	**Рейтинг по ГК, 2014-15**	**Рейтинг по логистике***	**ПИИ**, млрд $**	**Доля в общем объеме ПИИ,%**
Бруней	101	28	-	9,1	1,2
Вьетнам	78	68	48 (69)	59,1	8,0
Индонезия	114	34	53 (66,7)	81,1	11,0
Камбоджа	135	95	83 (55,8)	6,9	0,9
Лаос	148	93	131 (44,5)	2,1	0,3
Малайзия	18	20	25 (83)	72,5	9,8
Мьянма	77	134	145 (40)	9,9	1,3
Сингапур	1	2	5 (96,2)	382,5	51,7
Таиланд	26	31	35 (77,8)	93,9	12,7
Филиппины	95	52	57 (64,2)	22,3	3,0
Всего АСЕАН				739,5	100

Источник: WB Doing Business 2014; World Competitiveness Index 2014-2015; WB Logistics Performance Index 2014; The ASEAN Statistical Yearbook 2013.

Примечания: ЛВБ – индекс легкости ведения бизнеса (Ease of doing business)

ГК – индекс глобальной конкурентоспособности

* за 2014 г., в скобках показатель в сравнении с лидером рейтинга – Германией (100%)

** объем ПИИ в долл. США и их доля показаны суммарно за период 2010-2012 гг.

Крайне важно для стран АСЕАН и создание системы финансовых гарантий на случай кризисов. В этом отношении очень полезна Чиангмайская многосторонняя инициатива по оформлению валютных своп-соглашений, начавшая работать в 2010 г. Сумма этих соглашений расширилась до 120 млрд долл. благодаря участию Японии, Республики Корея и Китая. Участие этих стран также важно в части реализации Инициативы азиатского рынка облигаций, местный выпуск и обращение которых, особенно в деноминированном виде, очень поощряется. В рамках этого плана создается механизм кредитных гарантий и инвестирования.

1.4. Движение рабочей силы

Движение рабочей силы между странами ЮВА подвергается либерализации в последнюю очередь, что понятно ввиду остроты проблемы занятости в странах ЮВА, отличающихся высокой демографической активностью. Пока либерализацией охвачен только квалифицированный персонал, хотя регулирующие его прием правила по отдельным профессиям содержат много исключений и оговорок. Задача создания единого рынка рабочей силы также не ставится, что нельзя не признать разумным для этого региона подходом. Страны АСЕАН договорились о взаимном признании дипломов об образовании, профессиональной подготовки и стажа работы, лицензий и сертификатов, выданных в этих странах (режим 4). Такие соглашения действуют в восьми сферах, включая инженерное дело и строительство, домашний уход, бухгалтерские и надзорные услуги, общее медицинское лечение и стоматологию.

Соглашения не предусматривают полной либерализации, а лишь поощряют мобильность специалистов на добровольной основе, что позволяет участникам избегать излишних обязательств. Более того, многие из них, например, Таиланд, применяют ограничения к иностранной рабочей силе. Это вызвано негативными последствиями либерализации рынка труда для менее развитых стран. Например, из Вьетнама квалифицированные рабочие стремятся уехать в Сингапур, Малайзию и Филиппины, чтобы получать более высокую заработную плату[16].

При этом руководящий персонал компаний из стран дальнего и ближнего зарубежья рассматривает Вьетнам как идеальное место для развития своей карьеры, поскольку зарабатывает здесь больше, чем дома. Это двойной проигрыш: страна лишается и так недостаточного количества квалифицированных рабочих и несет дополнительную нагрузку по найму менеджеров высшего звена за рубежом ввиду нехватки собственных.

2. Превращение ЮВА в экономически конкурентоспособный регион

Второе из условий формирования ЭСА и его опора – превращение ЮВА в экономически конкурентоспособный регион. В 2012 г. оно было выполнено на 69,2%. На этом направлении стоит задача достичь международных стандартов в части политики конкуренции, защиты прав человека, развития инфраструктуры, прежде всего, транспорта, и ИТК услуг, поставок электроэнергии, улучшения взаимосвязей между членами Ассоциации, а также налоговой системы и электронной торговли.

2.1. Политика конкуренции

Соблюдение принятых на Западе норм и правил конкуренции – относительно новое требование для ряда членов АСЕАН, признаваемое ими чрезвычайно важным для создания единого рынка. В некоторых странах (Малайзия, Филиппины и Бруней) до этого не было антимонопольных законов и регулирующих конкуренцию институтов. Сингапур, Индонезия, Таиланд и Вьетнам имеют такие законы и создали независимые органы, обеспечивающие конкуренцию в экономике. Следовательно, установить единый порядок на региональном уровне сложно. Поэтому пришлось создавать рабочую группу для изучения мировых практик и координации политики конкуренции на региональном уровне, разработать конкретные рекомендации, издать специальный справочник. Вместе с тем, эксперты АСЕАН считают, что в долгосрочной перспективе возможна лишь ограниченная координация и кооперация в данной сфере.

2.2. Развитие инфраструктуры и взаимосвязанности

Для повышения конкурентоспособности любой стране нужно развивать инфраструктуру, так как высокие транспорт-

ные и логистические издержки мешают взаимодействию между членами Ассоциации и внутри их экономик. Как показывает составляемый ВБ Индекс логистических услуг (табл.3), между членами АСЕАН существует большой разрыв в этой сфере: по данным 2014 г. показатель, например, Сингапура в мировом рейтинг был на 1/3 выше, чем у Вьетнама, и в 2 раза выше, чем у Мьянмы[17]. Преодолеть этот разрыв не простая задача: модернизация базовой инфраструктуры напрямую зависит от уровня экономического развития страны.

С 2010 г. АСЕАН реализует мастер-план *развития взаимосвязи* между странами-членами, которым предусмотрено улучшить сообщение между ними за счет развития физической инфраструктуры, взаимодействия институтов и людей. С участием АзБР создан Инвестиционный фонд АСЕАН с начальным капиталом 485 млн долл. и активно внедряется механизм ГЧП для реализации ключевых инфраструктурных проектов[18]. Из этого фонда решено вкладывать по 60 млрд долл. ежегодно в развитие инфраструктуры в период 2010-2020 гг.

Для обеспечения интегрированной и эффективной логистики в зоне АСЕАН подписаны и реализуются три многосторонних соглашения: по воздушным перевозкам, полной либерализации аренды воздушных судов, облегчению транспортного сообщения между членами Ассоциации. Первые два открыли путь к созданию единого авиационного рынка в регионе.

Выполняется мастер-план АСЕАН, нацеленный на определение единой политики и целей развития *информационно-телекоммуникационных услуг* в регионе. Это направление интеграции очень актуально и выгодно с учетом его бурного развития в последнее десятилетие.

Энергетическая безопасность вызывает все большую обеспокоенность в ведущих экономиках мира, в т.ч. в АСЕАН. Для ее обеспечения создается единая энергосистема, принято Соглашение о нефтяной безопасности, чтобы и отдельные члены Ассоциации, и она в целом уверенно находили выход из чрезвычайных ситуаций, минимизировали свои риски в этой сфере.

2.3. Защита прав человека

Это направление включает защиту прав потребителей и прав интеллектуальной собственности, которая традиционно не развита в ЮВА.

Защита прав потребителя ведется на основе региональной инициативы и в духе строительства сообщества, ориентированного на интересы народа. Создан специальный Координационный комитет и другие механизмы для реализации этой политики, выработана соответствующая Дорожная карта.

Для *охраны интеллектуальной собственности* в АСЕАН формируются необходимая правовая и административная система, справочный он-лайн ресурс для бизнеса и других заинтересованных сторон. Запущен первый региональный проект единого порядка получения патентов на изобретения, который призван облегчить эту задачу для предпринимателей, особенно мелких и средних.

3. Сокращение разрыва в уровне развития стран ЮВА

Сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития стран ЮВА – еще одно неотъемлемое условие создания ЭСА (до 2012 г. выполнено на 66,7 %). Задача решается, в частности через поддержку малого и среднего бизнеса, как основы частного хозяйства. Работа в этом направлении организована на основе Дорожной карты по развитию малого и среднего бизнеса (2004-2014 гг.) и «Инициативы по интеграции АСЕАН». Последняя, рассчитанная изначально на 2009-2015 гг., осуществляется в 12 приоритетных отраслях и призвана сделать выбранные отрасли катализатором экономического объединения региона.

В целом этой программой практически без изъятий охвачен первичный сектор – сельское, водное и лесное хозяйство, переработка получаемого ими сырья, в т.ч. производство каучука и древесины. Такой подход обусловлен как специализацией многих региональных экономик, так и снижением продовольственной безопасности на мировых рынках вследствие глобального финансового кризиса. Ассоциация создала Интегрированный механизм продовольственной безопасности и раз-

вернула среднесрочный Стратегический план действия в этой сфере.

Во вторичном секторе приоритет отдан автомобилестроению, текстильной (включая пошив одежды) и электронной промышленности, т.е. тем сферам, где страны ЮВА шире вовлечены в транснациональные цепочки создания стоимости. В третичном секторе охват шире других: он включает воздушные перевозки, логистику в целом и связь, здравоохранение, информационные технологии, туризм. Единые системы создаются в первую очередь в сегментах физической инфраструктуры, в которых выделены автомобильные и железнодорожные магистрали, газотранспортные и электрораспределительные сети.

Приведенный перечень показывает, что члены АСЕАН подошли к выбору приоритетных направлений интеграции осторожно и выборочно, сделав ставку на те сферы, которые требуют совместных усилий и меньше затронуты конкуренцией. Решено также активнее координировать макроэкономическую и финансовую политику[19], однако, что показательно, без создания наднациональных органов управления.

Взаимодействие затруднено схожестью хозяйственных возможностей, преимуществ и специализации ряда членов Ассоциации. Страны АСЕАН следуют экспорториентированной модели развития с опорой на обрабатывающую промышленность. Самые передовые из них естественным образом переносят в менее развитые страны трудоемкие отрасли производства (как сегодня во Вьетнам), что определяет пути и перспективы специализации и промкооперации в ЮВА.

В рамках второй фазы работы в 2011-2015 гг. внимание было сосредоточено на развитии инфраструктуры и человеческих ресурсов, ИКТ, туризма, снижении бедности и повышении качества жизни, укреплении рыночных институтов. Например, в сфере туризма решалась задача активизации контактов между специалистами путем взаимного признания их дипломов, выработки единых профессиональных стандартов и программ обучения. Успешно выполняется Стратегический план АСЕАН по развитию туризма.

По оценкам экспертов, избранные сферы не полностью соответствуют ключевым приоритетам менее развитых стран

ЮВА (ВКЛМ) и новым соглашениям о ЗСТ на двусторонней и региональной основе. Так, ряду членов АСЕАН, особенно Вьетнаму, необходимо бороться с последствиями климатических изменений, но эта задача не включена в программу. Видимо, при ее разработке сказалось желание принять общую и дающую быстрый результат дорожную карту для всей группы стран, из-за чего долгосрочные нужды ряда из них не были учтены в должной степени.

Успехи в деле сокращения разрыва оцениваются по разнице в душевом доходе между членами Ассоциации: если она сокращается, значит, искомый результат близок. Пример Вьетнама показателен: его отставание от более развитых членов АСЕАН явно уменьшается, хотя в сравнении с еще более отстающими (и Индонезией) его показатели ухудшились, что тоже подтверждает успех программы. Известный вьетнамский экономист Во Чи Тхань почему-то этого не видит, зато беспокоится о росте разрыва с Китаем (с 1,7 раз в 2000 г. до 2,3 раз в 2013)[20], хотя данный тренд является закономерным. Также показательно и противоречивое изменение индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), составляемого Программой развития ООН (ПРООН).

Указанные разрывы (табл. 4) серьезно сдерживают процесс интеграции, делает потребность хозяйственной кооперации особенно неотложной. Поэтому задачи интеграции реализуются, в первую очередь, через помощь более развитых стран отстающим государствам региона на основе специального рабочего плана. Этот план построен с учетом потребностей группы ВЛКМ во внешней поддержке и призван обеспечить ее способность к участию в программах АСЕАН, выполнять национальные программы устойчивого и долгосрочного развития, обеспечивать совместные и адекватные действия в интеграционном поле.

Таблица 4

Уровень социально-экономического развития стран АСЕАН

Страна	Душевой ВВП, долл., 2014 г.*	Разрыв* 2014 (2000)	Товарооборот к ВВП, 2014 г.	ИРЧП (место), 2014 (2000) гг.	Уровень бедности (% населения)**
Бруней	73233	-	93	31 (32)	-
Вьетнам	5635	1	161	116 (109)	17,2 (2012)
Индонезия	10641	1,9 (1,6)	40	108 (110)	11,4 (2013)
Камбоджа	3262	0,6 (0,6)	147	143 (130)	20,5 (2011)
Лаос	4987	0,9 (0,8)	51	141 (143)	23,2 (2012)
Малайзия	24654	4,4 (6,0)	135	62 (59)	1,7 (2012)
Мьянма	4706	-	43	148 (127)	-
Сингапур	82762	14,7(23,7)	252	11 (25)	-
Таиланд	14354	2,5 (3,3)	122	93 (70)	13,2 (2011)
Филиппины	6962	1,2 (1,7)	45	115 (77)	25,2 (2012)

Источник: IMF World Economic Outlook; WTO; UNDP, HDI Report 2014; WB – World Development Indicators 2012-2014; Statistical Yearbook of Vietnam 2015. Hanoi, 2016. P. 920.

Примечания: * душевой доход измерен в долларах США по паритету покупательной способности национальных валют, разрыв (раз) – на основе сравнения душевых доходов Вьетнама по текущему курсу доллара США с другими странами АСЕАН

** согласно национальному критерию, менее 2 долл./сутки в международных ценах (долларах) 2005 г.

Многие эксперты опасаются, что экономическая интеграция не только не сократит разрыв в уровне развития между членами АСЕАН, но даже усилит неравенство доходов в регионе.

4. Интеграция АСЕАН в глобальную экономику

Четвертая основа ЭСА – интеграция в глобальную экономику на основе согласованного подхода к внешнеэкономическим связям и растущего участия в международных производственно-распределительных сетях (к 2012 г. данная задача выполнена на 85,7% – максимально по сравнению с другими тре-

мя). По оценкам экспертов, эта концепция продвигалась наиболее активно среди других при формировании экономического сообщества[21]. Успех здесь измеряется созданием ЗСТ с Китаем, РК, Индией, Японией и другими странами и говорит о приоритете курса на интеграцию в мировую экономику в политике членов АСЕАН. Среди ЗСТ со стратегическими партнерами в регионе наиболее комплексное и продвинутое заключено с Австралией и Новой Зеландией.

При этом АСЕАН претендует на роль «строителя мостов», своего рода интеграционного хаба в масштабе всей Азии, на переговорах по ЗСТ с более крупными экономиками и другими странами члены Ассоциации выступают единым фронтом. Наиболее активно они двигают этот процесс в мега-регионе Восточной Азии и АТР, начав в ноябре 2012 г. создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которое опирается на форматы АСЕАН «плюс 3» и «плюс 6». Первый включает наряду с 10 странами АСЕАН также Китай, Японию и РК, а второй – еще 3 государства – Индию, Австралию и Новую Зеландию. Лидеры Ассоциации положили начало Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству. В итоге ВРЭП должно объединить все 5 ЗСТ, созданные по формуле АСЕАН плюс 1. Ожидается, что это позволит противостоять вызовам со стороны АТЭС, ТПП и другим интеграционным проектам в ВА, укрепить центральную роль АСЕАН в Восточной Азии или так наз. асеаноцентричность процессов интеграции в регионе.

Вместе с тем, ряд экспертов критически оценивает прогресс на этом направлении. Так, Каваи и Винараджа считают выгоды, приносимые ЗСТ АСЕАН с ее партнерами, «неоднородными и ограниченными»[22]. Более того, используются негативные оценки типа сравнения набора ЗСТ с «комком вермишели» по сложности процедур, неадекватности регулирования, различию правил определения происхождения товаров и проч.

Следует признать, что экономическая интеграция в ВА продвигается постепенно, поэтапно, в духе формирования экономических блоков. Она начинается с регулирования и активизации торговли товарами, чему способствует проверка их происхождения и качества, согласование единой товарной номен-

клатуры, выработка общих таможенных правил и экономическая кооперация[23].

В то же время повышаются признание и авторитет Ассоциации. Об этом говорит рост внимания к ней со стороны держав. С 2009 г. АСЕАН посылает представителя на саммиты Большой Двадцатки, в 2011 г. она помогла вовлечению России и США в работу ВАС и тем содействовала более полноценной работе саммита. Вошло в практику назначение иностранных послов при Ассоциации. Страны АСЕАН активно участвует в мероприятиях АТЭС и АСЕМ, представлены на других многосторонних площадках в регионе, вносят вклад в дискуссию по Дохийскому раунду в рамках ВТО. Эти и другие успехи подтверждают продвижение Ассоциации по пути международной интеграции и ее вклад в региональные и мировые дела.

Заключение

Хотя основные цели построения Сообщества в 2015-2016 гг. до конца не выполнены, прежде всего, не образован единый рынок, но заложена основа ЭСА – ключевые соглашения и механизмы интеграции. И члены АСЕАН твердо намерены продолжать усилия по их имплементации и улучшению. Интеграционные меры помогают решать стоящие перед ними задачи, улучшать свои основные социально-экономические показатели.

Страны ЮВА сделали важный шаг по пути укрепления экономических взаимосвязей, выполнения общих проектов. Так идет движение к интеграции в рамках всей ЮВА и упрочение влияния, центральной роли Ассоциации в общерегиональных процессах. Формирование ЭСА должно помочь АСЕАН стать сильнее как объединению, лучше противостоять глобальному кризису, обострению конфликтов между ведущими державами и новым испытаниям, обеспечивать поступательное развитие своих экономик.

Происходящие сегодня в экономике ЮВА процессы пока не выходят за рамки кооперации, т.е. взаимодействия государств и хозяйствующих субъектов в общих интересах на определенной территории. По сути, это предшествующая стадия или более простая форма сотрудничества, чем интеграция.

Экономическая кооперация – лучшая стратегия хеджирования рисков для обеспечения устойчивого роста и развития в будущем. Видимо, самый сильный за два последние века кризис капитализма и распространение его пагубных последствий из центра мировой экономики на периферию стал мощнейшим толчком к поиску путей выхода из него, в частности, за счет поиска форм региональной интеграции.

[1] Southeast Asia from Scott Circle, January 12.01.2017. Для сравнения в 2009 г. население стран АСЕАН составляло 591 млн, ВВП – 1,49 млрд долл., внешний товарооборот – 1,54 млрд долл., приток ПИИ – 60 млрд долл. (2008 г.), занятость – 276 млн чел. – см. ASEAN Economic Community Blueprint // http://www.asean.org/archive/5187-10.pdf (дата обращения: 31.10.2016).

[2] В частности, такое мнение высказывает Наронгчай Акрасани (Таиланд) – см. N.Akrasanee. The evolving nature of ASEAN's economic cooperation. Original vision and current practice // The 3-rd ASEAN Reader. Singapore: ISEAS, 2015. P.14-16.

[3] The Limited Impact of the ASEAN Economic Community on Skilled Labour Migration // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Singapore: ISEAS, 2016. P.51.

[4] Публикация данных о выполнении остановлена в 2012 г. См. ASEAN Economic Community Scorecard. ASEAN Secretary, 2012; R. Severino, M. Thuzar. ASEAN Economic Cooperation and its Political Realities // Moving the AEC beyond 2015: Managing Domestic Consensus for Community-Building. Tham Siew Yean and Sanchita Basu Das eds. Singapore: ISEAS, 2016. P.25; Sanchita Basu Das. The ASEAN economic community. An economic and strategic project // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Singapore: ISEAS, 2016. P.11-12, 19.

[5] Sanchita Basu Das. The ASEAN economic community. Op. cit. P.11.

[6] Sanchita Basu Das. Can the ASEAN economic community be achieved by 2015? // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Op. cit. P.24, 38.

[7] Phạm Sỹ Thành. Cộng đồng Kinh tế ASEAN - Những câu hỏi nóng cho 2016 // Vietnamplus , 18.12.2015 - http://vepr.org.vn/533/news-detail/1765511/vepr-tren-bao-chi/cong-dong-kinh-te-asean-nhung-cau-hoi-nong-cho-2016.html.

[8] Sanchita Basu Das. Goods to flow slow and steady with the ASEAN Economic Community // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Singapore: ISEAS, 2016. P.38.

[9] Ibid. P.38.
[10] Goods to flow slow… Op. cit, P.41, 43.
[11] Goods to flow slow… Op. cit. P.41.
[12] Goods to flow slow… Op. cit. P.45.
[13] Ibid. P.44; Petri P., Plummer M., and Fan Zhai. The ASEAN economic community: A General Equilibrium Analysis // Asian Economic Journal 2012, № 2. P. 93-118.
[14] Tham Siew Yean and Sanchita Basu Das. Moving the AEC beyond 2015. Op. cit. P.10.
[15] ASEAN Economic Community Blueprint // http://www.asean.org/archive/5187-10.pdf. Op. cit.
[16] См. Квалифицированные специалисты Вьетнама предпочитают работать за рубежом – 4.01.2017 http://asia-vietnam.ru/news-category/kvalifitsirovannye-spetsialisty-vietnama-predpochitayut-rabotat-za-rubezhom.
[17] Can the ASEAN economic community be achieved by 2015? // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Op. cit. P. 25.
[18] Ibid. P.28; Tham Siew Yean and Sanchita Basu Das. The ASEAN Economic Community and Conflicting Domestic Interests // Managing Domestic Consensus for Community-Building. Singapore: ISEAS, 2016. P.9
[19] ASEAN Economic Community Blueprint // http://www.asean.org/archive/5187-10.pdf (дата обращения: 31.01.2015).
[20] Vo Tri Thanh. Managing Domestic Consensus… Op. cit. P.183.
[21] Ho, Benjamin. ASEAN's Centrality in a Rising Asia. RSIS Working Paper Series, n.249. Singapore, 2012.
[22] Kawai Masahiro and Vignaraja Ganesh. Main Findings and Policy Recommendations // Asia's Free Trade Agreements: How is Business Responding? ADB, 2011.
[23] ASEAN Economic Community Blueprint. Op. cit. P.12.

© ***Рогожин А.А.***
НИ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ЮВА и США – СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Первые шаги нового президента США Д. Трампа во внешнеэкономической сфере вызвали в странах ЮВА беспокойство, хотя и в разной степени. В первую очередь оно коснулось возможности окончательного выхода США из Транстихоокеанского партнёрства. Реакции отдельных стран региона на это решение Трампа существенно различаются[1].

В связи с этим в регионе был начат поиск альтернативных вариантов регионального экономического сотрудничества: путём ускорения переговорного процесса в рамках Регионального комплексного экономического партнёрства (РКЭП), активизации в регионе Японии и Индии, вовлечения в процессы регионального сотрудничества стран бассейна Индийского океана и др. Рассматривалась и возможность сохранения Транстихоокеанского партнёрства без участия США, а также с приглашением в него Китая.

Очень много говорилось и говорится об ослаблении позиций (в том числе экономических) США в регионе в связи с «крахом», как полагают некоторые эксперты, провозглашенного Б. Обамой курса на всестороннее расширение присутствия США в ЮВА. Делается немало прогнозов о смещении экономических связей стран региона в сторону КНР, якобы становящейся неизбежной альтернативой США и доминирующей силой во внешнеэкономическом комплексе стран ЮВА, готовой, как минимум, существенно потеснить США в регионе.

При этом из виду упускаются по крайней мере два момента. *Во-первых*, курс Б. Обамы применительно к ЮВА на официальном уровне дезавуирован не был. При Трампе изменился лишь подход США к экономическому сотрудничеству со странами региона – они готовы развивать его исключительно на двусторонней основе, игнорируя региональные организации и

инициативы, направленные на их создание. Однако это решение лишь формализует реалии экономического сотрудничества стран ЮВА с США – в настоящее время оно ведётся практически полностью на двусторонней основе. И, как показала практика в первом полугодии 2017 г., после прихода к власти Трампа США развернули мощную кампанию по расширению экономического сотрудничества со всеми ключевыми странами ЮВА, и именно на страновом уровне.

Во-вторых, страны ЮВА, при определении приоритетов экономического сотрудничества со всеми партнёрами, стараются исходить, прежде всего, из оценки степени его выгодности для собственной экономики. Опыт их экономического сотрудничества с Китаем после 2010 г. (с момента подписания соглашения о создания Зоны свободной торговли КНР-АСЕАН) показал, что для стран ЮВА оно оказалось невыгодным: за шесть лет сальдо торговых операций между Китаем и странами региона стало отрицательным для них и увеличилось в 14 раз. Имел место значительный отток прямых инвестиции из стран ЮВА, в результате чего к концу упомянутого периода стоимостной объём прямых инвестиции стран ЮВА в КНР был в 2,6 раза выше по сравнению с аналогичным показателем объёма китайских прямых инвестиций в странах ЮВА.

Соответственно, представляется необходимым оценить тенденции развития экономического сотрудничества стран ЮВА с США. Размер статьи позволяет сделать это в основном в отношении двух главных сфер этого сотрудничества – торговли и инвестиций – и за достаточно репрезентативный период, с 2011 по 2015 гг.

Торговля. В указанный период товарооборот между странами ЮВА и США возрос на 7%, их экспорт на американский рынок увеличился почти на 22%, тогда как импорт, оставаясь четыре года примерно на одном уровне, в 2015 г. сократился по сравнению с 2011 г. на 9,8% (см. таблицу 1). Сальдо взаимной торговли партнёров было неизменно положительным и возросло в 2011-2015 гг. почти в 3,3 раза, достигнув 46 млрд долл..

Таблица 1

Торговля стран АСЕАН с США в 2011-2015 гг.

(млрд. долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015*
Экспорт в США	106	108	115	122	129
Импорт из США	92	92	90	92	83
Оборот взаимной торговли	198	200	205	214	212
Сальдо для стран АСЕАН	+14	+16	+25	+30	+46

Рассчитано по: ASEAN Community in Figures 2015. Jakarta, July 2016. Pp. 12, 14,16-21; ASEAN Trade Statistics Data Base (https: data.aseanstats.org/trade.php); ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods 2015. Jakarta. October 2016. Pp. 17-19.

Товарная структура торговли стран АСЕАН с США стабильна и прогрессивна: в их совокупном экспорте в США доминируют машины, оборудование и готовые промышленные изделия (примерно 75%) и продовольственные товары (9%). США – весьма ёмкий и платёжеспособный рынок в первую очередь для сбыта готовых промышленных изделий (особенно компонентов для американской электронной и электротехнической промышленности, узлов и компонентов для различных отраслей, а также потребительских промышленных товаров).

Совокупный импорт стран ЮВА из США представлен также машинами, оборудованием и транспортными средствами (66%) и химтоварами (12%). Его товарное наполнение – преимущественно высокотехнологичные товары, обычные и специализированные транспортные средства и машины, уникальное оборудование для промышленных предприятий, научных лабораторий, разнообразная медицинская техника, а также узлы и компоненты, поставляемые для обеспечения американских или совместных предприятий, работающих в глобальных стоимостных цепочках. Группа химтоваров представлена в основном продуктами тонкой химии, различными пластмассами и компонентами для их изготовления, нефтепродуктами с высокой степенью очистки.

Движение прямых инвестиций. Приток американских прямых инвестиций в страны ЮВА стабилен, но заметно колеблется по годам (см. таблицу 2). Если сгладить погодовые колебания, то США инвестируют в страны ЮВА в среднем

около 13 млрд долл. ежегодно. По стоимостному объёму прямых инвестиций в 2015 г. США занимали четвёртое место (11,4%) после региональных инвесторов (18,4%), стран ЕС (16,7%) и Японии (14,5).

Таблица 2

Приток прямых инвестиций из США в страны АСЕАН в 2011-2015 гг.

	2011		2012		2013		2014		2015	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
Приток ПИИ в страны АСЕАН всего,	86,8	100,0	117,1	100	124,9	100	130,0	100	120,8	100
в том числе ПИИ из США	9,0	10,4	19,8	16,9	7,2	5,7	14,7	11,3	13,6	11,3

Рассчитано по.: U.S. Department of Commerce. Bureau of Economic Analysis. Foreign Direct Investment in the United States: Selected Items by Detailed Country, 2008-2015. Washington, 2016.

Отраслевая структура американских прямых инвестиций в странах ЮВА достаточно современна: первое место с большим отрывом занимает обрабатывающая промышленность (более 50% стоимостного объёма), далее следуют финансы и страхование, горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство.

Интересно сравнить приток прямых инвестиций из стран АСЕАН в США. Если американские прямые инвестиции в страны ЮВА в рассматриваемый период составляли в среднем около 13 млрд долл. в год, то эти страны инвестировали в США около 22 млрд долл. очевидно, что американская экономика была явно более привлекательна для прямых вложений по сравнению со странами ЮВА, однако инвестиционный разрыв в данном случае был всё же значительно меньше, чем у Китая и стран ЮВА.

Таблица 4

Приток прямых инвестиций из стран АСЕАН в США в 2011-2015 гг.

(млн. долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015
ПИИ всего,	2433848	2584708	2727825	2913304	3134199
в том числе из стран АСЕАН	18154	19713	19664	27279	24648
Сингапур	16819	18701	17082	20528	19423
Таиланд	123	382	1422	2003	2470
Малайзия	911	1012	986	1154	1279
Филиппины	115	289	339	1029	1178
Индонезия	169	24	1190	1522	1577
Вьетнам	17	39	-30	1043	...

Рассчитано по.: U.S. Department of Commerce. Bureau of Economic Analysis. Foreign Direct Investment in the United States: Selected Items by Detailed Country, 2008-2015. Washington, 2016.

Однако страны ЮВА остаются привлекательными для американских инвесторов, о чём свидетельствует активный прирост накопленных американских инвестиций в страны ЮВА (см. таблицу 3). За пятилетие 2010-2014 гг. они увеличились в 1,6 раза и на 1 января 2015 г. составляли 226 млрд долл., что в 6,5 раз больше аналогичного показателя на ту же дату у КНР.

Таблица 3

Накопленные прямые инвестиции США в странах АСЕАН в 2010-2014 гг.

(млрд. долл. по состоянию на конец соответствующего года)

2010	143,5
2011	159,8
2012	182,3
2013	198,0
2014	226,0

Ист.: ASEAN Investment Report 2016. Jakarta, 2016. P. 221

Наши расчёты, как представляется, позволяют сделать общий вывод том, что экономическое сотрудничество между странами ЮВА и США в последние (как минимум) годы развивалось вполне успешно. В первую очередь этот вывод следу-

ет отнести к торговым операциям, итогом которых было стабильно растущее положительное сальдо в пользу стран ЮВА.

И нет никаких оснований для того, чтобы эта позитивная тенденция в развитии экономического сотрудничества стран ЮВА с США в ближайшие годы прервалась. У них нет сколько-нибудь значимых конфликтов с США во внешнеэкономической сфере, которые могли бы омрачить экономическое сотрудничество с этой страной в целом. Разумеется, у отдельных стран ЮВА и в отдельных отраслях есть проблемы в отношениях с США разного уровня, однако нет таких, которые нельзя было бы разрешить на двусторонней основе.

Именно на этой основе, скорее всего, странам ЮВА и придётся решать *все* проблемы экономических отношений с США. Это стало окончательно ясно после заявления представителя США по вопросам торговли Роберта Лайтхайзера, которое он сделал 21 мая 2017 г. на встрече министров торговли стран-участниц АТЭС в Ханое. Лайтхайзер официально подтвердил, что «США не вернутся к соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве – отменять это решение они не собираются. Президент принял такое решение, и я согласен с ним. США отдают предпочтение двусторонним соглашениям об экономическом сотрудничестве над многосторонними. Это не означает, что США утратили интерес к региону и устранятся от сотрудничества со странами, в него входящими. США как раз готовятся к подписанию серии соглашений об экономическом сотрудничестве в самых разных сферах с некоторыми из них»[2].

[1] Подробнее см. Рогожин А. А. Транстихокеанское партнёрство – крах интеграционного мегапроекта? // Запад–Восток–Россия 2016. Ежегодник / Отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – С. 13-17.

[2] The Nikkei Asian Review. 21.05.2017 (available at http://asia.nikkei.com /Politics-Economy/International-Relations/US-trade-rep-says-no-return-to-TPP-deal-and-wants-bilateral-deals-in-Asia, accessed at 21.05.2017).

©

Канаев Е.А.
НИУ ВШЭ,
ИМЭМО РАН

ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: НОВЫЕ КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА

Проблема Южно-Китайского моря (ЮКМ) нуждается в новой методологии анализа с кардинальным обновлением категориального аппарата. Осознавая эту реальность, наиболее компетентные и дальновидные эксперты уже начали разрабатывать контуры нового подхода[1]. Таковой тем более необходим, что трансформируется как собственно проблема ЮКМ, так и условия, в которых ключевые игроки АТР формируют свою политику в ее отношении. Если сравнить противоречия из-за ЮКМ десятилетней давности и сейчас, то отличий между ними будет гораздо больше, чем общих черт. Предлагая миру новый мега-проект не только развития, но и, фактически, альтернативной глобализации, – «Один пояс, один путь» – Китай должен выработать его информационное оформление, в котором тема ЮКМ станет одной из центральных. Наконец, в современном мире растет влияние идей на мировые процессы, причем первые все заметнее определяют вторые.

Одной из таких идей должна стать категория «ответственность», причем в качестве не столько антипода категории «сила», сколько ее продолжения. Предлагая анализ рассматриваемой проблемы сквозь призму категорий «сила» и «ответственность», автор отталкивается от методологии, разрабатываемой коллективом Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова, предлагающей новаторский подход к угрозам азиатско-тихоокеанской безопасности[2].

Сила vs ответственность до решения международного арбитража

Анализируя проблематику ЮКМ сквозь призму категорий силы и ответственности, необходимо отталкиваться от специ-

фики противоречий. До решения Постоянной палаты третейского суда они проявлялись на трех уровнях. Первый представляет собой территориальные споры из-за суверенитета над отдельными участками суши архипелагов Парасельский и Спратли. Второй – противоречия между Китаем и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) относительно параметров урегулирования проблемы. Между Китаем и Ассоциацией проходят переговоры по замене Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. на Кодекс поведения. Третий – китайско-американские противоречия концентрирующиеся, в основном, на вопросе о свободе судоходства через ЮКМ[3].

На уровне споров из-за суверенитета распределение силы и ответственности в подходах их участников традиционно было в пользу силы. В 1974 и 1988 гг. произошло два вооруженных столкновения между КНР и ДРВ и КНР и СРВ соответственно. С 2013 г. Китай проводит строительство искусственных насыпей на нескольких островах архипелага Спратли, одна из целей которых – создать условия для введения зоны ПВО над ЮКМ.

«Умная сила», под которой эксперты Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова понимают идеи и концепции, продвигаемые в экспертное и политическое сообщество с целью влиять на политические элиты и побуждать их к компромиссным решениям[4], демонстрировала свою ограниченность. Участники конфликта не предпринимали попыток выйти за рамки традиционных аргументов о «неоспоримости и законности» своих прав на спорные территории. В тех редких случаях, когда такие попытки все же проводились, – например, на академических конференциях, в ходе которых ученые разрабатывают возможности отложить спорные вопросы и заняться хозяйственным освоением перспективных участков ЮКМ – они, не находили практического продолжения.

На этом уровне проблемы «ответственность» понималась элитами лишь как ответственность перед гражданами своих стран. Поэтому категория «ответственность» не приглушала противоречия, а напротив, их подогревала. Причина тому – усиление влияния на общественные настроения национализма как основного фактора их консолидации. Освещая 40-летие

битвы за Парасельские острова в январе 2014 г., СМИ СРВ ставили акценты иначе, чем прежде: от действий Китая пострадал не марионеточный Южный Вьетнам, «временно оккупировавший часть исконно вьетнамских островов», а весь вьетнамский народ[5]. Проблематика ЮКМ для расширения электоральной базы поднималась в ходе избирательной компании президента Филиппин Р. Дутерте, хотя и без ярко выраженной антикитайской риторики.

На уровне взаимодействия АСЕАН – Китай стороны не ставили вопрос об ответственности – например, перед будущими поколениями, – зато примеров их нацеленности на то, чтобы подтолкнуть оппонентов к принятию собственных условий урегулирования конфликтов посредством давления более чем достаточно. Прокитайские условия Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г. были обусловлены усилением возможностей Китая и стремлением АСЕАН решить спорные вопросы перед подписанием соглашения о Зоне свободной торговле Китай-АСЕАН. Одной из причин формирования диалоговой площадки Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 стало давление Китая на оппонентов в ходе проведения мероприятий по линии Совместной рабочей группы по внедрению в практику положений Декларации 2002 г.[6]. Наконец, разработка Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вместо Декларации 2002 г. оказалась возможной благодаря активизации политики США, в том числе ее военного компонента, в отношении ЮКМ.

Китайско-американский уровень, несмотря на высокую конфликтность, был самым сбалансированным с точки зрения соотношения понятий «сила» и «ответственность». Проблема, однако, в том, что США и Китай трактовали эти категории поразному.

Для Вашингтона понятие «ответственность» – это укрепление собственными усилиями региональной стабильности, которая была одним из ключевых факторов экономических успехов стран Тихоокеанской Азии в годы «холодной войны» и после ее окончания. Важные составляющие решения этой задачи – беспрепятственный проход военных судов США и их союзников через ЮКМ и проведение там иных мероприятий воен-

ного характера. В понимании Вашингтона, это составляет суть свободы судоходства в ее азиатско-тихоокеанской специфике. Даже гипотетическая вероятность нарушения свободы судоходства в ЮКМ неприемлема. Следуя этой логике, если Китай считает недопустимым сбор американскими кораблями информации военного характера в своей Исключительной экономической зоне, то он нарушает свободу судоходства. Свою ответственность США усматривали в пресечении таких действий путем наращивания собственного военного превосходства и сотрудничества с союзниками по альянсам.

Китай трактовал категорию «ответственность» принципиально иначе. Для Пекина ответственность имеет «внутрикитайское» измерение: Китай несет ответственность перед международным сообществом, повышая свои экономические возможности, которые, в свою очередь, будут выступать «драйвером» регионального и глобального развития. Это предполагает активизацию внешнеэкономической политики, частью которой являются перевозки по торговым путям ЮКМ. Недружественная политика США и их союзников в отношении проблемы ЮКМ подрывает основу создания мирной, стабильной и процветающей Тихоокеанской Азии – «двигателя» глобальной экономики.

Подводя итог рассмотрению «доарбитражного» периода эволюции проблемы ЮКМ с точки зрения категорий «сила» и «ответственность», подчеркнем главное: трактовка участниками противоречий своей ответственности изначально не была нацелена на поиск взаимоприемлемых решений. Соответственно, действия США, Китая и стран АСЕАН на основе понимания каждым из них своей ответственности не только не удерживали противоречия в контролируемых рамках, а напротив, «раскачивали» их.

Решение международного арбитража: последствия для связки «сила-ответственность»

Вердикт Постоянной палаты третейского суда в Гааге, оглашенный 12 июля 2016 г., открыл новую страницу в истории конфликта в ЮКМ. Не пересказывая основные положения этого решения и отсылая читателя к нему напрямую[7], выделим

его основные последствия для связки «сила» - «ответственность».

На уровне суверенитета окрепнут компоненты силы, а ответственность будет не приглушать противоречия, а лишь раскачивать их. Признавая, что суверенитет над морскими участками распространяется лишь на 12 морских миль от берега, решение Постоянной палаты третейского суда почти наверняка спровоцирует очередной всплеск национализма. Его будет подогревать то, что принятое решение формально дает возможности компаниям участников спора и их партнерам пригласить к освоению ресурсов ЮКМ внерегиональные компании. Отсюда – перспектива восприятия таких работ как «попрание нашего суверенитета путем разработки наших ресурсов на нашей территории без их справедливого дележа с нами».

Одним из следствий станет наращивание военно-морских потенциалов и гонки вооружений, т.к. разработка ресурсов потребует их охраны. Можно ожидать укрепления военного сотрудничества между странами ЮВА и их внерегиональными партнерами с целью провести демонстрационный эффект на Китай.

Наконец, решение Постоянной палаты третейского суда может «раскачать» проблему Парасельских островов, которая пока остается в управляемом состоянии. Вьетнамские специалисты уже высказали мнение, что если арбитраж признал, что даже «участок суши» Иту Аба не является островом, то такая трактовка применима и к Парасельским островам[8]. Отсюда – перспектива активизации политики СРВ в отношении Парасельского архипелага. Ее конкретные проявления спрогнозировать едва ли возможно, но в любом случае логично ожидать систематической эскалации китайско-вьетнамских противоречий.

На уровне АСЕАН-Китай произойдет размывание «умной силы» как АСЕАН, так и Китая.

В первом случае нанесен удар по такому компоненту асеановской «умной силы», как ее статус координатора азиатско-тихоокеанских многосторонних диалоговых форматов. Сам факт обращения Филиппин в инстанцию международного арбитража свидетельствовал о неспособности Ассоциации урегулировать проблему собственными усилиями. Добавим к этому

фактическое нарушение статьи 4 Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море, гласящее, что все противоречия должны быть урегулированы усилиями суверенных государств, непосредственно вовлеченных в конфликт (структуры международного арбитража не являются ни тем, ни другим). Тот факт, что заявка Манилы в гаагский арбитраж была подана через полгода после неспособности министров иностранных дел АСЕАН выступить с совместным заявлением по итогам 45-й встречи летом 2012 г., лишь усугубляет и без того проигрышную в репутационном плане ситуацию для АСЕАН.

После оглашения вердикта Постоянной палаты третейского суда между странами-членами АСЕАН вновь обострились разногласия. Если Вьетнам и Филиппины настаивали на включение в текст Совместного заявления по итогам 49 встречи министров иностранных дел АСЕАН положение о решении международного арбитража, то Камбоджа и Лаос были против. Принятие Совместного заявления не устранило принципиальные разногласия внутри Ассоциации[9].

Ситуация для АСЕАН может стать не только проигрышной, но и даже патовой. С одной стороны, консенсус между ее участниками стал более затруднителен, чем раньше, а по мере развития Китаем проекта «Один пояс, один путь», сулящего государствам Индокитая колоссальный приток китайских инвестиций и технологий, желание этих стран дистанцироваться от проблем, не имеющих к ним непосредственного отношения, значительно возрастет. Соответственно, у АСЕАН возникнет естественное желание «отмежеваться» от решения международного арбитража, представив проблему ЮКМ как двусторонний вопрос между своими отдельными участниками и Китаем. С другой стороны, если у Ассоциации возникнет такое желание, осуществить его она не сможет. Хотя бы потому, что ее попытка сделать такой шаг поставит вопрос о сохранении ее статуса «движущей силы» региональных многосторонних переговоров по вопросам политики и безопасности, центральным из которых на сегодняшний день является проблема ЮКМ.

Что касается Китая, то стала очевидной его неспособность предложить АСЕАН новые идеи, способные сгладить остроту проблемы ЮКМ. С конца 1990-х и на протяжении 2000-х годов

в качестве такой идеи выступала необходимость налаживать экономическое сотрудничество с Китаем. Подписание Декларации поведения сторон в ЮКМ произошло одновременно с подписанием соглашения о Зоне свободной торговли Китай – АСЕАН (*China – ASEAN Free Trade Area – CAFTA, КАФТА*), при том, что асеановцы изначально усматривали в КАФТА залог повышения собственной конкурентоспособности, ради чего можно было пойти на уступки по проблеме ЮКМ[10]. Эти настроения изменили события 2010 г., когда первые результаты КАФТА оказались далеки от ожидаемых, а на ханойской сессии Регионального форума АСЕАН (АРФ), реагируя на обвинения Х.Клинтон в нарушении свободы судоходства в ЮКМ, Ян Цзечи заявил: «Факт таков, что Китай – большая страна, а остальные – маленькие страны»[11]. В 2013 г., предложив АСЕАН т.н. «модель 2+7», Пекин не смог насытить ее содержанием, способным снять озабоченности Ассоциации по проблеме ЮКМ. Наконец, результаты реализации проекта «Один пояс, один путь», часть которого пойдет через ЮВА, может привести к тому, что приток и объемы китайских инвестиций будут поставлены в зависимость от покладистости Ассоциации по проблеме ЮКМ. Это не устранит, а лишь усилит антикитайские настроения в странах азиатского юго-востока – при том, что после решения Постоянной палаты третейского суда Китай не отказался от продолжения строительных работ на островах Спратли[12].

На уровне китайско-американских отношений можно ожидать усиления компонентов силы. Разногласия между Китаем и США обострились уже через две недели после оглашения вердикта международного арбитража по ЮКМ: США подталкивали АСЕАН к включению положения о решении арбитража в текст Совместного заявления по итогам 49 встречи министров иностранных дел Ассоциации[13], в то время, как Китай в диалоге с АСЕАН как единым целым настаивал на соблюдении положений Декларации поведения сторон в ЮКМ, не допускающих интернационализации проблемы[14].

При дальнейшем развитии эскалации китайско-американских противоречий у Китая скорее раньше, чем позже возникнет соблазн объявить о создании Зоны ПВО над ЮКМ.

В этом случае риск встреч боевых самолетов США и КНР многократно увеличится. Пекин может подтвердить Закон КНР о территориальном море и прилежащей зоне, принятый в 1992 г., особо подчеркнув, что для маневров и иных действий военного характера с участием иностранных боевых судов нужно получить специальное разрешение правительства КНР. Со своей стороны, США активизируют проведение в ЮКМ операций по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations – FONOP*). Это усилит риск столкновений между китайскими и американскими боевыми кораблями.

На отношения между КНР и США в ЮКМ будет влиять сотрудничество между США и Японией, активизировавшееся после подписания новых Руководящих принципов в области обороны в апреле 2015 г. Их акцент на «бесшовном» (*seamless*) взаимодействии[15] может привести к тому, что США подключат Японию к сбору информации военного характера в Исключительной экономической зоне КНР. Подписание соглашения США, Австралией и Японией совместного заявления о более активной координации действий, в том числе в отношении вопросов, связанных с ЮКМ[16], а также перспектива участия Японии в американо-филиппинских военно-морских учениях Баликатан[17], усилят компоненты силы в американо-китайском взаимодействии.

Несмотря на то, что китайско-американские противоречия могут отчасти компенсироваться стремлением, хотя бы декларативно, Пекина и Вашингтона соотносить свои действия с Меморандумом о взаимопонимании по правилам поведения для безопасности в случае столкновений на море и в воздухе[18], подписанным Китаем и США в ноябре 2014 г., тенденция к силовому противостоянию Пекина и Вашингтона в ЮКМ стала гораздо более заметной.

Констатируя перспективу усиления элементов силы на трех уровнях проблемы ЮКМ, отметим, что вопрос об ответственности может надолго потерять свою актуальность. Тем самым экспертное сообщество объективными обстоятельствами побуждается в разработке принципиально нового подхода к проблеме, в содержании которого значение понятия «ответственность» будет иметь тенденцию к усилению.

Контуры нового подхода

Ставя вопрос об ответственности применительно к проблеме ЮКМ, важно учитывать низкую эффективность предыдущих попыток снизить ее остроту. Разрабатывая новый подход, необходимо положить в его основу три компонента. Первый – выработать понимание ответственности, разделяемое если не всеми игроками, имеющими интересы в ЮКМ, то, как минимум, большинством из них. Второй – развивать один или несколько проектов сотрудничества с глобальным измерением и сильным консолидирующим элементом. Третий по порядку, но отнюдь не по значимости – реалистично оценивать потенциал этого проекта.

В современных международных условиях выработка общего понимания категории «ответственность» крайне затруднительна. Причина кроется даже не в усилении элементов соперничества в российско-американских и китайско-американских отношениях. Решение Постоянной палаты третейского суда по ЮКМ привнесло сильный элемент неопределенности в состояние проблемы и перспективы ее эволюции. В таких условиях более уместно было бы начать со второго компонента поставленной задачи, т.е. двигаться от практики к теории, приступив к реализации проектов с отчетливым консолидирующим компонентом.

Такие проекты может предложить Россия. Учитывая, что противоречия из-за ЮКМ в значительной степени обусловлены спорами из-за условий добычи и дележа энергетических ресурсов, Россия могла бы поставлять больше таких ресурсов в страны АТР. Противоречия относительно свободы судоходства могли бы стать менее острыми, если Россия предложит своим тихоокеанским партнерам разрабатывать и совместно использовать альтернативные маршруты грузоперевозок – через Транссибирскую магистраль и Северный морской путь. Однако на сегодняшний день потенциал этих направлений сотрудничества не разрабатывается. Например, в 2015 и 2016 гг. через Северный морской путь (полное использование маршрута) было осуществлено 18 и 19 проходов судов соответственно[19].

Россия могла бы предложить, а при возможности и возглавить, процесс разработки документа под условным названием «Соглашение о всеобщем морском достоянии АТР» на основе Соглашения о предотвращении столкновений в открытом море и воздушном пространстве над ним, подписанном США и СССР в 1972 г.[20]. Площадкой для обсуждения и последующего принятия такого соглашения является Восточноазиатский саммит, а его подписантами – все участники ВАС.

Сразу необходимо отметить: подготовить такой документ будет крайне непросто. Хотя бы потому, что сделать это было сложно даже на двустороннем – китайско-американском – уровне, и будут ли стороны неукоснительно соблюдать положения Меморандума о взаимопонимании по правилам поведения для безопасности в случае столкновений на море и в воздухе – большой вопрос. Равно как нет гарантий, что на это будут нацелены Китай и страны АСЕАН, даже после подписания Соглашения о предотвращении инцидентов в Южно-Китайском море[21]. Наконец, вышеупомянутое советско-американское соглашение предстоит адаптировать к современным реалиям – хотя бы потому, что оно было разработано в иных исторических условиях между двумя сверхдержавами.

Тем не менее, сам процесс работы над таким документом перспективен с точки зрения усиления компонентов ответственности в подходах стран АТР к противоречиям из-за ЮКМ.

У США появится реальная возможность сотрудничать с Россией. Москва и Вашингтон смогут отладить алгоритм такого взаимодействия на азиатско-тихоокеанском направлении, «выпустив пар из котла» и отделив противоречия по европейским вопросам от того, что можно и нужно совместно делать в Азии.

Есть основания считать, что Китай не будет против такого шага: разработка вышеупомянутого соглашения может быть не только увязана с развитием проекта Морской шелковый путь XXI века, но и облегчить его реализацию. Если в Соглашении не будет затронут вопрос о суверенитете, беспокоиться Пекину не о чем.

Есть основания ожидать позитивного отклика от АСЕАН. Работа над Соглашением подтолкнет Ассоциацию к выводу о том, что ей можно не опасаться блокирования России и Китая по проблеме ЮКМ. О подобном повороте событий лидеры АСЕАН не могли не задуматься после российско-китайских учений в ЮКМ и поддержке РФ позиции КНР, не признавшей решение Постоянной палаты третейского суда[22].

В целом, есть основания считать, что Россия может и должна оказать влияние на формирование условий для усиления компонентов ответственности в подходах участников противоречий из-за ЮКМ к данной проблеме, реально содействуя снижению ее остроты. Остается надеяться, что, осознавая свои возможности, РФ предпримет действия по их практической реализации.

Выводы

После решения Постоянной палаты третейского суда произошло падение управляемости проблемы ЮКМ. Снизилась эффективность инструментов поддержания проблемы в управляемых рамках: фактически, ни один из них не справляется с этой задачей.

Констатируя нарастание элементов конфликтности в эволюции проблемы ЮКМ, отметим и неизбежность качественного переосмысления и практической «перезагрузки» подходов сторон к источникам противоречий. Это тем более важно, что эффективность прежних подходов долгое время оставалась низкой: фактически, ни один из них не привел к желаемым результатам. Следовательно, их кардинальный апгрейд является велением времени.

Его проведение потребует не менее качественной «перезагрузки» мышления на основе переосмысления категориального аппарата проблемы и подходов к ней. Отмечая, что в новом подходе категория «ответственность» будет играть одну из ключевых ролей, хочется надеяться, что политика России создаст необходимые условия для его формирования и претворения в жизнь.

[1] См., например: Mosyakov D. The Conflict in the South China Sea and Possible Ways to Resolve It. // Security and Cooperation in the South China Sea. M.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 2014. P. 292-297.

[2] Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад/ Отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М: ИМЭМО РАН. 2013; Дисбалансы транстихоокеанского пространства. Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М: Магистр. 2014; Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности. Отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН. 2016.

[3] Канаев Е.А. Десятилетие стратегического партнерства АСЕАН-Китай и проблема Южно-Китайского моря: к итогам Форума высокого уровня. Актуальный комментарий ИМЭМО РАН. 6 августа 2013. URL: // http://www.imemo.ru/files/File/ru/comment/comm_2013_028.pdf

[4] Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В.Михеева, В.Г.Швыдко. М.: Магистр. 2014. С. 37.

[5] Там же. С. 257.

[6] Подробнее см.: Канаев Е.А. Совещание министров обороны АСЕАН+8 // Север - Юг - Россия. 2013. М.: ИМЭМО РАН. 2014. С. 116-118.

[7] Press Release. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China). The Hague. 12 July 2016. // https://pca-cpa.org/wp-content/uploads/sites/175/2016/07/PH-CN-20160712-Press-Release-No-11-English.pdf

[8] Le Hong Hiep. Perspective from Vietnam. ASEAN Focus. Special Issue on the South China Sea Arbitration. July, 2016. P. 21. // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ASEANFocusSChinaSeaArbitration.pdf

[9] Подробнее см.: Канаев Е.А. АСЕАН и проблема Южно-Китайского моря: к итогам 49-й встречи министров иностранных дел АСЕАН. Актуальный комментарий ИМЭМО. 2 августа 2016. // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2536

[10] Канаев Е. АСЕАН-КНР: новая парадигма отношений в сфере безопасности. // Проблемы национальной безопасности во внешней политике Китая. М.: ИМЭМО РАН. 2005. С. 107-121.

[11] Pomfret J. U.S. Takes a Tougher Tone with China. The Washington Post. 30 July 2010. // http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/07/29/AR2010072906416.html

[12] См., например: Panda A. South China Sea: Is China Considering Construction Work at Scarborough Shoal Again? The Diplomat. 18 March 2017. URL: // http://thediplomat.com/2017/03/south-china-sea-is-china-considering-construction-work-at-scarborough-shoal-again/

[13] Lee M. Kerry urges Southeast Asia unity on South China Sea disputes. The Jakarta Post. 25 July 2016. // http://www.thejakartapost.com/seasia/2016/07/25/kerry-urges-southeast-asia-unity-on-south-china-sea-disputes.html

[14] Joint Statement of the Foreign Ministers of ASEAN Member States and China on the Full and Effective Implementation of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 25 July 2016. // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1384245.shtml

[15] The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. April 27 2015. // http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf

[16] Joint Statement of the Japan-United States-Australia Trilateral Strategic Dialogue. Media Note. Office of the Spokesperson. Washington, DC. July 25 2016. // http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/07/260442.htm

[17] Mendez C. Japan to Join Phl-US Balikatan. The Philippine Star. 14 January 2017. URL: // http://www.philstar.com/headlines/2017/01/14/1662522/japan-join-phl-us-balikatan

[18] Memorandum of Understanding between the Department of Defense of the United States of America and Ministry of National Defense of the People's Republic of China Regarding the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters. // https://www.hsdl.org/?view&did=787565

[19] Vessels Transited NSR in Y2015. Centre for High North Logistics (CHNL) Information Office. URL: // http://www.arctic-lio.com/docs/nsr/transits/Transits_in_2015.pdf; Vessels Transited NSR in Y2016. Centre for High North Logistics (CHNL) Information Office. URL: // http://www.arctic-lio.com/docs/nsr/transits/Transits_2016.pdf

[20] Agreement Between the Government of The United States of America and the Government of The Union of Soviet Socialist Republics on the Prevention of Incidents On and Over the High Seas. 25 May 1972. // http://www.state.gov/t/isn/4791.htm

[21] Joint Statement on the Application of the Code for Unplanned Encounters at Sea in the South China Sea. Vientiane, 7 September 2016. URL: // http://asean.org/storage/2016/09/Joint-Statement-on-the-Application-of-CUES-in-the-SCS-Final.pdf

[22] См.: Путин: Россия солидарна с КНР, не признавшей решение суда по Южно-Китайскому морю. Информационное агентство России ТАСС. 5 сентября 2016. URL: // http://tass.ru/politika/3595565

©

Бэ Бумки
аспирант ИМЭМО РАН

КИТАЙ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ на МОРЯХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ и МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ XXI века

В Восточной Азии едва ли найдется международная проблема, за исключением, разве что, северокорейских ракетно-ядерных программ, по степени актуальности и взрывоопасности сравнимая с морскими территориальными спорами. Возможности их урегулирования, в общем и целом, исчерпаны в силу нарастающего дисбаланса между эволюцией проблем и механизмов их поддержания в контролируемых рамках.

С точки зрения Китая, одним из таких механизмов является Морской шелковый путь XXI века (МШП), интегрирующий категории «безопасность» и «развитие»[1]. Такая ситуация ставит, как минимум, два закономерных вопроса. Во-первых, каков потенциал МШП с точки зрения возможности удерживать в контролируемых рамках те морские территориальные споры, в которые вовлечен Китай, прежде всего – проблемы Южно-Китайского моря (ЮКМ) и Восточно-Китайского моря (ВКМ)? Во-вторых, в случае ограниченности этого потенциала, какие альтернативные направления сотрудничества с участием Китая могли бы компенсировать его недостатки?

Проблемы Южно-Китайского и Восточно-Китайского моря: снижение управляемости

Квинтэссенцией современного состояния проблем ЮКМ и ВКМ является дисбаланс между их состоянием и возможностями поддержания в контролируемых рамках. В силу ряда причин глобальная составляющая этих противоречий имеет тенденцию к усилению.

Фактор природных ресурсов. Непреложный факт таков, что «локомотивом» мировой экономики будет выступать именно Восточная Азия. Однако залогом успешного развития самих восточноазиатских государств является расширение доступа к ресурсам, прежде всего – нефти и газу. Наиболее показатель-

ным примером является Китай, чье потребление нефти в 2005-2015 гг. возросла с 6900 до 11968 тыс. барр. в день соответственно, а добыча – с 3642 до 4309 тыс. барр. в день. Потребление Китаем природного газа в 2005-2015 гг. составила 48,2 и 197,3 млрд куб.м., а его добыча – 51,0 и 138,0 млрд куб.м. соответственно[2]. По мере развития проекта «Один пояс, один путь» потребности китайской экономики в энергоресурсах возрастут многократно.

Акватории ЮКМ и ВКМ содержат значительные запасы энергетических ресурсов. Запасы нефти и природного газа Южно-Китайского моря (на участках, не являющихся спорными) оцениваются в 11 млн баррелей и 190 трлн кубических футов соответственно[3]. По оценочным данным, запасы ВКМ - от 60 до 100 млн барр. нефти и от 1 до 2 трлн куб. футов природного газа соответственно[4]. Географическая близость этих ресурсов к странам-потребителям устраняет необходимость в дорогостоящей и подчас небезопасной транспортировке, что лишь усиливает привлекательность их разработки в приоритетах участников морских территориальных споров.

Восточная Азия – морской регион, и рацион его жителей в значительной степени составляют дары моря. На ЮКМ море приходится 12% мирового улова рыбы[5]. В 1990-2010 гг. ежегодный улов в ЮКМ и ВКМ варьировался от 4,0 млн тонн до 6,7 млн тонн и от 3,0 млн тонн до 4,5 млн тонн соответственно[6].

Фактор экономического регионализма. Нарастание деглобализации мировой экономики, понимаемой как отставание темпов роста мировой торговли от роста мирового ВВП, ведет к смещению экономического регулирования на уровень регионов. В АТР это проявляется на примере развития Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Регионального экономического всеобъемлющего партнерства (РВЭП). Неопределенные перспективы ТТП делают именно РВЭП основным общерегиональным проектом азиатско-тихоокеанского многостороннего экономического сотрудничества.

Глобальное измерение проекта РВЭП очевидно хотя бы потому, что он включает крупные экономики АТР – Китай, Индию и Индонезию. Не исключено присоединение к РВЭП Европейского союза: хотя переговоры о ЗСТ ЕС-АСЕАН, старто-

вавшие в 2007 г., впоследствии пошли по двустороннему треку между ЕС и отдельными государствами ЮВА[7], возможность возобновления переговоров о ЗСТ между ЕС и АСЕАН как единым целым не блокируется непреодолимыми препятствиями. Участие в проекте РВЭП позволит европейским экономикам активизировать темпы роста. Наконец, есть основания считать, что РВЭП будет интегрировано с китайской мегастратегией «Один пояс, один путь», содействуя формированию прокитайских условий экономического сотрудничества на восточноазиатском и южноазиатском флангах евразийского пространства.

Регулярное обострение территориальных морских споров в ВА подрывает успех переговоров о РВЭП. Для их завершения к согласию должны прийти все участники, в то время как Китай, Япония и Республика Корея не выработали общего понимания о параметрах сотрудничества даже в Северо-Восточной Азии, не говоря об интеграции режимов свободной торговли с партнерами по РВЭП. Анонсированная Пекином, Токио и Сеулом задача сформировать к концу 2012 г. трехстороннюю ЗСТ не достигнута, одной из основных причин чего послужило обострение противоречий из-за ВКМ.

Фактор крупных держав. Эволюция морских пограничноно-территориальных проблем ВА происходит в условиях активизации азиатско-тихоокеанского вектора политики крупных глобальных игроков. Одна из целей американской политики «перебалансировки» состояла в том, чтобы провести разделительную линию между Китаем и другими странами региона, в том числе путем нацеленной эскалации проблемы ЮКМ. Китай в долгу не остался, призывая азиатские страны к формированию системы безопасности и сотрудничества, не включающей США[8]. Содержание положений Руководящих принципов в области обороны, подписанных Вашингтоном и Токио в апреле 2015 г.[9], дает основания ожидать участия Японии в деятельности США по сбору данных военного характера в Исключительной экономической зоне КНР. После прихода к власти администрации Н.Моди Индия нацелена уже не только «смотреть на Восток», но и «действовать на Востоке», в том числе в ЮКМ[10]. Наконец, свои региональные амбиции все более активно арти-

кулирует Россия, в сентябре 2016 г. проведя в ЮКМ совместные военные маневры с Китаем.

Хотя крупные державы наращивают свое военно-морское присутствие на морских пространствах всей ВА, в водах ее северо-восточной части ситуация более взрывоопасна. На более ограниченной территории, чем ЮКМ, высока концентрация вооруженных сил государств с крупными военными потенциалами. В СВА расположены ключевые базы и пункты стратегического назначения США: база морской авиации Ацуги (Япония), авиабаза Мисава (Япония), база ВВС США Осан (Южная Корея) и другие. В водах СВА регулярно происходят крупные военно-морские маневры США и их союзников. Тот факт, что установление Китаем опознавательной зоны ПВО произошло в ВКМ, а не в ЮКМ – отнюдь не случайность.

Констатируя нарастание глобальной составляющей этих проблем, отметим исчерпанность возможностей их урегулирования. Это проявляется на двустороннем, региональном и глобальном уровнях.

В первом случае наиболее показательным примером служит неготовность США и Китая следовать договоренностям, зафиксированным в Меморандуме о взаимопонимании о правилах поведения для безопасности в случае столкновений на море и в воздухе, подписанном в ноябре 2014 г.[11]. В 2015-2016 гг. произошла очередная эскалация китайско-американских противоречий. Первые шаги администрации Д. Трампа свидетельствуют, что конфликтность в американо-китайских отношениях, в том числе по вопросам безопасности и сотрудничества на морях ВА, будет нарастать.

На региональном треке не приносят результатов многосторонние диалоговые форматы. Асеаноцентричные институты, призванные снижать остроту проблемы ЮКМ, фактически, послужили площадкой для ее целенаправленной эскалации. Примеры включают американо-китайскую пикировку на ханойской сессии Регионального форума АСЕАН (АРФ) по вопросу о свободе судоходства, взаимные обвинения Пекина и Вашингтона на заседаниях Восточноазиатского саммита (ВАС). Кульминацией таких противоречий стал итог третьего заседания Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8, участ-

ники которого не смогли принять Итоговую декларацию из-за разногласий по ЮКМ.

В свою очередь, проблема ВКМ не становилась предметом специальных обсуждений АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Обострение двусторонних территориальных проблем между самими государствами-членами АСЕАН естественным образом переключило ее внимание от проблем СВА на собственные приоритеты. Государства азиатского северо-востока предпочитают не выносить вопросы, связанные с их суверенитетом и территориальной целостностью, на многосторонние обсуждения. «Раскачивание» Вашингтоном проблемы ЮКМ на заседаниях асеаноцентричных диалоговых форматов в начале-середине 2010-х гг. было ретранслировано Китаем на ситуацию в СВА и интерпретировано как попытка США и их союзников сдерживать КНР на морских рубежах. По сумме этих обстоятельств участники асеаноцентричных многосторонних переговоров не были заинтересованы обсуждать морские пограничные территориальные вопросы СВА.

Наиболее ярким проявлением исчерпанности ресурсов глобальных механизмов урегулирования проблем стали последствия вердикта Постоянной палаты третейского суда в Гааге по проблеме Южно-Китайского моря. Признав нелигитимность китайских притязаний, гаагское решение привело к эскалации националистических настроений Китае и государствах ЮВА, отодвинув на неопределенный срок перспективу совместного освоения ресурсов спорных территорий.

Противоречия по ЮКМ вызвали «эффект домино» в СВА. Публикация Японией Белой книги по вопросам обороны летом 2016 г. вызвала обострение китайско-японских противоречий из-за островов Сенкаку. За этим последовала полемика между Японией и ее соседями по поводу принадлежности атолла Окиноторисима в Филиппинском море[12].

Острота и систематическая эскалация морских территориальных споров в ЮКМ и ВКМ затрудняют процесс формирования Большой Евразии как второго глобального полюса. Евразийское сотрудничество не будет происходить гладко даже при самом благоприятном сценарии, и противоречия по мор-

ским вопросам лишь усугубят разногласия между евразийскими акторами.

Снижение остроты рассмотренных выше проблем возможно лишь в том случае, если будет задействован инструментарий с ярко выраженным глобальным потенциалом. Сможет ли им стать Морской шелковый путь XXI века?

Потенциал и перспективы МШП

Проект Один пояс, один путь (ОБОР) стал заявкой Китая на определение параметров развития «альтернативной глобализации». В силу географических причин для государств Восточной Азии ключевое значение приобретает МШП. Однако оснований ожидать быстрых результатов, в том числе сквозь призму влияния МШП на эволюцию морских территориальных споров ВА, объективно не много.

Во-первых, МШП рассчитан на долгосрочную перспективу, и по мере его реализации большое количество стран будут согласовывать множество вопросов, в том числе посредством международного арбитража. Как продемонстрировала реакция Китая на решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге, Пекин вряд ли будет придерживаться международных правил и практик разрешения таких споров. Это дает основания ожидать, что Япония и РК усилят двустороннее сотрудничество с США (возможно, с элементами трехстороннего – с США и между собой), а АСЕАН будет наполнять антикитайским содержанием Стратегическое партнерство с США. Результатом станет систематическая эскалация морских территориальных споров в ВА.

Нельзя исключать, что с опорой на проект ОБОР Китай намерен выстроить собственную систему обеспечения региональной безопасности. С одной стороны, она будет способствовать экономическому росту стран, входящих в ареал ОБОР, а с другой – обеспечивать возможности урегулирования проблем, в которых вовлечен Китай, на выгодных для него условиях. Ключевой из таких проблем является территориальный спор в ЮКМ.

Во-вторых, в Японии, Южной Корее и государствах АСЕАН сохраняется сдержанно-скептическое отношение к

ОБОР. Эти страны усматривают в китайском проекте заявку на лидерство, но недостаточно ясно артикулированную и потому потенциально опасную. Остаются у этих стран сомнения и в экономических возможностях Китая реализовать столь масштабный проект, особенно в условиях замедления темпов роста китайской экономики.

МШП не захватывает Японию и Южную Корею, но проходит через Юго-Восточную Азию. Это формирует у государств азиатского юго-востока ожидание китайских инвестиций в свою портовую инфраструктуру, усиление интереса к наращиванию взаимосвязей в повестке ведомых Ассоциацией форматов и инициатив экономического регионализма и расширения у АСЕАН пространства для маневра при выстраивании диалога с Японией и Южной Кореей. В то же время Ассоциация осознает, что проект ОБОР может подорвать эффективность асеаноцентричных диалоговых структур по вопросам безопасности – Регионального форума АСЕАН (АРФ), Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатского саммита (ВАС). Соответственно, АСЕАН будет лишена возможности апеллировать к поддержке других региональных игроков в диалоге с Китаем при урегулировании противоречий из-за ЮКМ.

В-третьих, МШП может не принести ожидаемой экономической отдачи. Современные морские грузоперевозки концентрируются вокруг ареала «ядра» и «периферии». «Ядром» выступает экваториальный маршрут Малаккский пролив – Суэцкий канал – Гибралтарский пролив – Панамский канал, по которому ходят, в основном, крупнотоннажные суда, а «периферией» – маршруты, следующие до «ядра» с севера и юга. Развивая МШП, Китай должен полностью интегрироваться в существующую систему, что затруднительно, т.к. она складывалась на протяжении десятилетий, с тщательной притиркой интересов всех игроков рынка морских перевозок, оптимизацией вопросов логистики и пр. Либо Китаю придется эту систему менять, что крайне затратно с финансовой точки зрения, однако успех далеко не очевиден.

Основная причина состоит даже не в том, что потребуются значительные инвестиции в инфраструктуру по перевалке

грузов на протяжении большей части маршрута МШП. Главное – в другом: в большинстве перевалочных портов создаваемая инфраструктура должна быть интегрирована с экспортоориентированными производствами своих стран. Нелишней будет и возможность там сбыта китайских товаров, условиями чего являются емкий внутренний рынок, высокий платежеспособный спрос населения и пр. По совокупности всех факторов для отдачи от МШП даже в среднесрочной перспективе Китаю придется повышать уровень развития многих стран-партнеров, действуя едва ли не в авральном режиме.

Игроки рынка морских грузоперевозок стремятся к сокращению издержек по времени доставки грузов и стоимости фрахта. Как уже было отмечено, в идеале порты, где происходит перевалка товаров, должны быть связаны с производствами внутри своих стран, однако в реальности многие порты на предполагаемом маршруте МШП не могут обеспечить экономический рост даже в прилегающих индустриальных анклавах.

По сумме этих обстоятельств очевидно, что о коммерческой отдаче от МШП еще долгое время можно будет говорить как о благом пожелании, но отнюдь не как о свершившемся факте. Соответственно, его возможности по части снижения остроты морских территориальных споров ВА едва ли следует переоценивать.

Арктическое измерение проблемы

Повысить возможности проекта ОБОР до состояния, способного удерживать противоречия из-за морских территориальных споров в Восточной Азии в контролируемых рамках, может подключение Китая к такому направлению сотрудничества, которое, с одной стороны, не имело бы прямого отношения к стратегии «Один пояс, один путь», а с другой – было бы его продолжением. Суммируя выгоды такого шага, остановимся на наиболее важных.

Прежде всего, Китай продемонстрирует своим партнерам намерение придерживаться международных правил и практик сотрудничества, и не будет их произвольно менять. Тем самым «общее благо» будет поставлено выше китайских национальных интересов. Но главное последствие будет таково, что в

случае успеха расширятся возможности координации перспективных планов между Китаем и его восточноазиатскими соседями.

По сумме всех обстоятельств перспективно совместное освоение Арктики. Этот регион содержит 13% мировых запасов нефти, 30% мировых запасов природного газа. Значительны запасы редкоземельных металлов, необходимых для развития высокотехнологичных производств. Хотя в настоящее время рыболовство в арктической зоне не набрало размаха, по мере таяния арктических льдов оно будет становиться все более коммерчески выгодным. Наконец, грузоперевозки по Северному морскому пути (СМП) позволяют сократить расстояние из Северной Европы в Восточную Азию и расходы на топливо на 40% и 25% соответственно[13].

В 2013 г. Китай и его партнеры из числа стран Восточной Азии – Япония, Республика Корея и Сингапур – стали наблюдателями в Арктическом совете. Этими государствами руководит стремление укрепить свою энергетическую безопасность, придать импульс развитию портовой инфраструктуры за счет перевалки грузов, повысить экспорт оборудования и услуг, необходимые для разработки ресурсов арктического шельфа.

Развивая транзитный потенциал СМП, необходимо учитывать, что он еще долгое время не сможет составить конкуренцию традиционным морским путям по объему товарооборота. В 2015 г. через Малаккский пролив прошли 80980 судов, а через СМП – 18[14]. Следовательно, Китай может не опасаться конкуренции проекту ОБОР со стороны СМП.

По мере совместного развития Арктики можно ожидать усиления тенденций к сотрудничеству между участниками морских территориальных споров в ВА. Добыча арктической нефти и ее транспортировка в ВА укрепят энергетическую безопасность этого региона, а промысел морепродуктов в арктических водах совместно с азиатскими государствами – его продовольственную безопасность. В своей совокупности эти факторы позволят снизить накал противоречий из-за Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, которые в значительной степени концентрируются вокруг освоения энергетических и биологических ресурсов.

Активизируя политику в отношении Арктики, Китай сможет выправить дисбаланс между «внутренним» и «международным» компонентами своей ответственности перед международным сообществом. В современном мире без принятия на себя ответственности за развитие соседних стран ни одна держава, претендующая на звание великой, не может ни считаться, ни являться таковой. В Китае на концептуальном уровне наблюдается перекос в сторону «внутреннего» измерения категории ответственности по сравнению с «международным»[15]. Соседи КНР интерпретируют эту ситуацию таким образом, что Пекин отдает приоритет собственному развитию (а следовательно, и собственным интересам) в ущерб «общему благу». Сотрудничество в Арктике устранит основания для подобных оценок, позитивно сказавшись на других вопросах, имеющих отношение к китайской политике, в том числе морским территориальным спорам в ВА.

Разработка экономического и транзитного потенциалов Арктики облегчит государствам Восточной Азии выработку соглашения, регламентирующего «правила поведения» на морях региона. На экспертном уровне такие предложения уже разработаны[16]. Оптимальной трибуной, с которой такое соглашение может быть озвучено, является Восточноазиатской саммит. В основу этого документа должно быть положено Соглашение о предотвращении конфликтов на море и в воздушном пространстве над ним, заключенное между СССР и США в 1972 г.[17].

В настоящее время обострение обстановки на морских пространствах ВА происходит регулярно. Отсюда – необходимость определить правила, которых должны придерживаться стороны при непосредственном контакте (например, при обнаружении патрульными кораблями рыболовецких или исследовательских судов других участников споров). В повседневной обстановке эти меры оставлены на усмотрение капитанов, и любые непреднамеренные действия или простая случайность могут вызвать труднопредсказуемые последствия. В интересах их предотвращения необходимо принять документ, регламентирующий правила поведения в подобных ситуациях.

Этот документ может называться «Соглашение о всеобщем морском достоянии АТР». Он не должен затрагивать во-

просы, так или иначе связанные с суверенитетом над спорными территориями. Его задача – очертить круг действий, при непосредственном контакте судов: на каком расстоянии они должны останавливаться, если заметили друг друга в пределах видимости, какие сигналы должны быть поданы, как военным надлежит обращаться с экипажами промысловых судов, в случае их задержания, что делать с уловом, и прочие моменты.

Из-за низкого уровня доверия между участниками территориальных споров в ВА заключение такого соглашения является вопросом не ближайшей, а достаточно отдаленной перспективы. Активизация диалога между восточноазиатскими государствами по вопросам развития Арктики будет стимулировать их готовность развивать такое сотрудничество.

Выводы

Тенденции развития и современное состояние морских территориальных споров в Восточной Азии подталкивают к выводу о перспективе дальнейшего усиления их глобальной составляющей. Залогом того служат рост влияния как интересов глобальных игроков к ВА, так и этого региона на глобальные процессы. И то, и другое будет усиливаться по мере продвижения Китаем проекта «Один пояс, один путь».

Рассматривая его в качестве инструмента снижения остроты морских территориальных проблем в ВА, едва ли целесообразно ожидать быстрых результатов. Эффективность проекта МШП, по всей вероятности, будет мало чем отличаться от уже задействованных механизмов урегулирования конфликтов, посредством которых не сформированы самовоспроизводящиеся связи, работающие на успешное решение поставленной задачи – АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Более того, МШП может усугубить существующие разногласия, если его коммерческая отдача будет неочевидна еще долгое время, что, по всей видимости, и произойдет.

Совместная разработка потенциала Арктики может стать именно тем направлением, которое позволит устранить многие проблемы, с которыми сталкивается как собственно проект МШП, так и Китай как его координатор, выйдя на такие решения и направления сотрудничества, которые сейчас кажутся

малореальными. Сотрудничество в Арктике, ставшее объектом интереса многих участников территориальных споров в ВА, при должной экспертной проработке и наличии политической воли имеет хорошие шансы содействовать снижению остроты накопившихся противоречий.

---

[1] См., например: China calls for concerted efforts to strengthen maritime security. Xinhua. 29 November 2016. URL: // http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-11/29/content_27512151.htm

[2] BP Statistical Review of World Energy. June 2016. P.8, 9, 22, 23. URL: // https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf

[3] См.: Канаев Е. А. АСЕАН, проблема Южно-Китайского моря и поворот России в Азию. // Проблемы и перспективы эволюции системы международной безопасности на транстихоокеанском пространстве. Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН. 2014. С. 49-59.

[4]Territorial disputes hamper exploration and production of resources in the East China Sea. United Nations Energy Administration Information. 5 October 2012. URL: // https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=8270

[5] Greer A. The South China Sea Is Really a Fishery Dispute. The Diplomat. 20 July 2016. URL: // http://thediplomat.com/2016/07/the-south-china-sea-is-really-a-fishery-dispute/

[6] Annual Catch (South China Sea). One Shared Ocean. URL: // http://onesharedocean.org/LME_36_South_China_Sea; Annual Catch (East China Sea). One Shared Ocean. URL:// http://onesharedocean.org/LME_47_East_China_Sea

[7] European Commission (2017) Association of South East Asian Nations (ASEAN). URL: // http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/asean/

[8] H.E. Xi Jinping. New Asian Security Concept For New Progress in Security Cooperation. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. Shanghai Expo Center. 21 May 2014. URL: // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml

[9] The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. April 27 2015. URL: // http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf

[10] См.: Singh A. India and the South China Sea Dispute. The Diplomat. 1 March 2016. URL: // http://thediplomat.com/2016/03/india-and-the-south-china-sea-dispute/

[11] Memorandum of Understanding between the Department of Defense of the United States of America and Ministry of National Defense of the People's Republic of China Regarding the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters. // https://www.hsdl.org/?view&did=787565

[12] Ryall J. How The Hague ruling against China could spell trouble for Japan. South China Morning Post. 14 July 2016. http://www.scmp.com/news/asia/east-asia/article/1989782/how-hague-ruling-against-china-could-spell-trouble-japan

[13] Young K. P. Arctic Prospects and Challenges for a Korean Perspective. East Asia – Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. Paper N. 3. 2013. URL: // https://www.files.ethz.ch/isn/175233/no3_9.pdf

[14] Malacca Strait transits grow 2% to record in 2015, boxships see dip in H2. Seatrade Maritime News. 7 March 2016. URL: // http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/malacca-strait-transits-grow-2-to-record-in-2015-boxships-see-dip-in-h2.html; Северный пустой путь. Интерфакс. 5 февраля 2016. URL: // http://www.interfax.ru/business/493482

[15] Подробнее см.: Китай: растущее понимание глобальной роли и ответственности. Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности / Отв. ред. В.Михеев, В.Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 48-81.

[16] Thayer C.A. An 'Early Harvest' Package for the Code of Conduct in the South China Sea. // International Conference on East Sea Disputes. Ton Duc Thang University Ho Chi Minh City, Vietnam. July 25-26, 2014. P. 277-292; Kanaev E., Pyatachkova A. Russia and Asia-Pacific Security: The Maritime Dimension (October 6, 2015). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 17/IR/2015. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2670032 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2670032

[17] Agreement Between the Government of The United States of America and the Government of The Union of Soviet Socialist Republics on the Prevention of Incidents On and Over the High Seas. Signed at Moscow May 25, 1972. Entered into force May 25, 1972. URL: // https://www.state.gov/t/isn/4791.htm

© ***Муратшина К.Г.***
УрФУ
Иванова А.Е.
УрФУ

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ со СТРАНАМИ ЮВА в СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ как ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» и СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Образование всегда являлось одним из важных гуманитарных ресурсов «мягкой силы»[1], а его интернационализация в современном глобализирующемся мире уже успела стать синонимом успеха. Если государство привлекательно как место получения высшего образования, это работает и на его внешнеэкономические связи, и на международный имидж, и на внутренний. С другой стороны, получение гражданами страны образования за рубежом и постоянное сотрудничество с зарубежными партнерами в этой сфере всегда могут приносить как положительные результаты в виде плодотворного обмена идеями, объединения усилий, расширения кругозора миллионов людей, так и проблемы – от «утечки мозгов» до лоббизма и промышленного шпионажа.

Страны Юго-Восточной Азии с их быстро развивающимися экономиками, большим человеческим, гуманитарным, культурным потенциалом, древней и богатой историей – не исключение. И сегодня своеобразную геополитическую и экономическую, «мягкую» борьбу за умы и деньги абитуриентов ЮВА ведут США, КНР, Япония, Индия, Австралия и даже непризнанный Тайвань. Едут студенты из ЮВА на стажировки и в Россию, и в Европу, но главное соперничество на рынке образовательных услуг все же стремится к локализации в «большой двойке» США – Китай.

В рамках данного исследования были проанализированы связи в сфере образования между КНР и странами ЮВА с начала XXI в. Данный аспект, как представляется, имеет большое значение для понимания особенностей политики и стратегии действий Китая в этом регионе.

Первое, что следует отметить, – масштабы сотрудничества в сфере высшего образования. Между Китаем и 10 странами АСЕАН действуют соглашения об образовательном сотрудничестве, при этом с Филиппинами, Малайзией, Вьетнамом, Таиландом и Индонезией также существуют соглашения о взаимном признании научных степеней[2]. Ежегодно возрастают объемы студенческих обменов. Число обучающихся в университетах КНР студентов из ЮВА увеличивается на 10 % каждый год[3]. По данным на 2007 г., в Китае обучалось 190 тыс. иностранных студентов, из них 30 тыс. – из стран АСЕАН[4]. С 2010 по 2014 гг. в странах ЮВА, согласно статистическим данным, приводимым Министерством образования КНР, обучались около 126 тыс. китайских студентов, а в Китае прошли обучение более 300 тыс. студентов из стран АСЕАН[5]. В 2015 г. в Китае насчитывалось примерно 72 тыс. студентов из стран АСЕАН, а в странах АСЕАН – более 120 тыс. китайских студентов[6]. К 2020 г. руководство КНР планирует довести общее число получивших в стране образование студентов из ЮВА до 500 тыс. человек[7]. Больше всего среди студентов из ЮВА, обучающихся в Китае, представителей Таиланда. Он занимает третью строчку в общем списке стран, молодежь из которых наиболее активно едет на учебу в КНР, – вслед за Южной Кореей и США. Далее следуют Россия, Япония и Индонезия[8].

Постоянно изыскиваются средства и инструменты для модернизации системы сотрудничества. В 2016 г. в Куала-Лумпуре был открыт первый кампус китайского вуза (им стал Сямэньский университет) на территории ЮВА[9]. А в самой КНР регионы развивают свои механизмы конкуренции за иностранных студентов: например, провинции Цзянсу и Гуйчжоу, а также Гуанси-Чжуанский автономный район начали предлагать студентам из стран АСЕАН стипендиальную программу с общей суммой по 3 млн юаней (больше 440 тыс. долл.) на человека. В сентябре 2016 г. на обучение по этой программе поступили первые 60 студентов из ЮВА[10].

Следующим направлением является начальное образование. Так, в первом десятилетии XXI в. Китай стал добиваться введения программ обучения на китайском языке в начальных школах государств ЮВА, например, Таиланда[11]. Что касается

изучения самого языка, то оно уже входит в школьную программу в Малайзии и Сингапуре, и связано это с большой долей этнических китайцев в составе населения этих стран и их значительной ролью во многих ключевых сферах экономики. Наибольшую долю китайское население составляет в Сингапуре: согласно переписи населения 2010 г., этот показатель доходит до 74 %[12]. В Таиланде китайский является обязательным лишь в частных, а также в чисто китайских школах. Во всех остальных средних и старших школах он остается курсом по выбору[13]. В Индонезии растет популярность занятий китайским в частных школах[14]. Быстро распространилось изучение китайского как в частных, так и в государственных учебных заведениях на Филиппинах, в Камбодже, в школьные программы его включил Лаос [15].

Если говорить о том, какими факторами определялась активность Китая в образовательном сотрудничестве и, прежде всего, привлечении абитуриентов из ЮВА в китайские вузы, то нужно отметить, что это был не стихийный процесс, а целенаправленная государственная политика, проводимая с помощью Министерства образования КНР. Были предприняты такие шаги, как массированная реклама китайских университетов за рубежом, увеличение финансирования обменных программ, облегченная визовая политика в отношении иностранных студентов. В случае с последней мерой сработал еще и второй фактор – объективные внешние обстоятельства: дело в том, что крупнейший конкурент Пекина на рынке образовательных услуг – США – после терактов 11 сентября 2001 г., заметно ужесточили требования выдачи виз и миграционную политику в целом, даже в сфере образовательной мобильности[16]. Параллельно между Китаем и странами ЮВА совершенствовались коммуникации, увеличивались такие простые, но важные показатели, как, например, число авиарейсов[17].

Важными институтами, способствующими развитию связей в области образования и в целом гуманитарного взаимодействия, являются Институты Конфуция. В ЮВА они появились с 2006 г. Уже в течение 2006–2008 гг. в странах региона, в том числе в Таиланде, Малайзии, Мьянме, Сингапуре, Индонезии и на Филиппинах, был открыт 21 Институт с общим числом уча-

щихся более 20 тыс. человек[18]. На современном этапе в 10 странах АСЕАН их открыто около 30[19].

С 2008 г. ежегодно проводится Неделя сотрудничества Китая и АСЕАН в сфере образования, в рамках которой организуется большое количество выставок и семинаров. Принимающие в ней участие представители органов власти КНР отмечают, что механизм сотрудничества с ЮВА является «платформой для совершенствования процесса глобализации образования, которую можно использовать для изучения новых подходов ведения образовательного сотрудничества, обмена опытом и укрепления двусторонних связей с АСЕАН» а также «способом вовлечения партнеров в участие в инициативе «Один пояс – один путь». Министр образования КНР Юань Гуйжень заявил, что в последние годы наблюдается заметный рост стандартов образования в странах АСЕАН: «Мы хотели бы учиться на опыте стран АСЕАН в области развития образовательной сферы, в то же время нам необходимо повысить уровень образования в Китае, работая в сотрудничестве с АСЕАН»[20]. За последние 6 лет программы Недели обменов привлекли более 3700 участников из 800 организаций, школ, колледжей, университетов, СМИ, огромное число предприятий из КНР и стран АСЕАН; было подписано 370 соглашений о сотрудничестве и меморандумов о взаимопонимании[21]. В 2016 г. в рамках Недели сотрудничества было проведено совещание 100 ректоров университетов КНР и стран АСЕАН, что также показывает представительность этого института сотрудничества[22].

Наконец, еще одной структурой сотрудничества является Совещание стран ЮВА и Китая по развитию образовательного и исследовательского сетевого взаимодействия, организуемое Центром КНР–АСЕАН. В 2016 г. в нем приняли участие представители КНР, Брунея, Камбоджи, Индонезии, Лаоса, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Восточного Тимора и Вьетнама. Были проведены презентации, обсуждался порядок поступления в национальные университеты, также состоялся обмен мнениями относительно перспектив сотрудничества[23]. По словам генерального секретаря Центра Ян Сюпин, «студенты из стран АСЕАН – это мост в будущее для взаимоотношений стран Ас-

социации с Китаем»[24]. Стоит отметить, что все совместные форумы Китая и стран ЮВА отличаются насыщенностью программы обсуждения и предложением новых инициатив[25].

Если проанализировать активность стран ЮВА в интернационализации собственной сферы образования, то мы увидим, что ее проявляют отнюдь не все государства. Наиболее активно привлекают иностранных студентов Малайзия (63 625 человек в 2014 г.) и Сингапур (52 959). Перейти в разряд экспортеров образовательных услуг им удалось во многом благодаря организации программ на английском языке. Меньший поток студентов из-за рубежа идет в такие страны, как Филиппины и Таиланд. Наибольшее количество поступающих – из соседних государств региона. За ними следует Республика Корея, третьим идет Китай, далее – Индия. В то же время, растет поток из стран Запада, а также с Ближнего Востока[26].

При всем вышеперечисленном, Китай – отнюдь не единственная страна, активно развивающая сотрудничество в сфере образования с ЮВА и решающая при этом свои задачи. Больше всего студентов из стран региона отправляются на учебу в университеты США, далее следуют вузы Австралии и Великобритании. В американские колледжи и университеты в 2015 г. из одного только Вьетнама, например, поступили 21 тыс. человек, на 14,3 % больше, чем в 2014 г. На втором месте по количеству поступающих на учебу в США – Индонезия[27], за ней следуют Таиланд, Малайзия и Филиппины. Свой вклад в формирование студенческой мобильности ЮВА с упомянутыми тремя государствами Запада вносят обменные программы университетов, открытых «по франшизе», программам «двойных дипломов», а также являющихся филиалами зарубежных вузов. Таковых в регионе на настоящий момент действует 25: 1 в Индонезии, 6 в Малайзии, 13 в Сингапуре, 3 в Таиланде и 2 во Вьетнаме[28].

Весьма серьезно к определению своих позиций на рынке образовательных услуг в ЮВА подходят Австралия и Япония. Например, 22 % из обучающихся за рубежом студентов из Таиланда, по состоянию на 2013 г., выбрали программы в японских вузах (в американских – 35 %, в британских – 22 %), и 18 % – в австралийских. Больше всего среди стран ЮВА на учебу в Австралию уезжают из Вьетнама, за ним следуют Малайзия и Та-

иланд[29]. Австралийские специалисты еще с конца 1990-х гг. проводят и публикуют целые исследования студенческой диаспоры из ЮВА[30] и проблем их жизни на континенте[31].

Учатся студенты из ЮВА и в Новой Зеландии (12 700 человек в 2016 г.)[32]; также растет интерес к сотрудничеству с регионом у Индии, которая каждый год выделяет для него силами национального Совета по культурным отношениям более 2300 стипендий по 21 программе. Во Вьетнаме, Таиланде, Сингапуре, Малайзии, Индонезии и Камбодже в восьми университетах действуют кафедры, специализирующиеся на изучении Индии и ее языков. Развивается ряд программ сотрудничества в сфере биотехнологий, информационных технологий, биомедицины, экономики и социо-гуманитарных наук[33]. Наконец, свои планы развития образовательного сотрудничества со странами ЮВА, главным образом, путем наращивания образовательной иммиграции из этого региона, недавно обнародовал Тайвань, поставив амбициозную цель привлечения до 2019 г. на учебу в свои вузы 60 тыс. студентов из этого региона[34]. При этом иммигранты из ЮВА на острове, в принципе, рассматриваются, как увеличение его гуманитарного потенциала, и даже предпринимаются конкретные меры для их интеграции в общество: например, в программу начальной и средней школы вводится изучение языков стран ЮВА[35].

Кроме «мягкой силы» в классическом понимании увеличения влияния и улучшения имиджа, за всеми этими цифрами скрываются колоссальная «утечка мозгов» и чисто материальная заинтересованность. В США, Великобритании, Австралии и Японии в научной сфере работает огромное количество эмигрантов из стран ЮВА. От потерь в интеллектуальном потенциале, ставших настоящим вызовом для развития, страдают все государства региона, кроме Сингапура[36], которому за годы независимости удалось создать конкурентоспособную систему образования[37]. Эта тенденция существует уже не одно десятилетие, и результаты ее – налицо. Во Вьетнаме, например, Министерство иностранных дел подсчитало, что примерно из 5 млн. этнических вьетнамцев, проживающих за границей, около 300 тыс. являются действующими исследователями, работающими в сфере науки и высоких технологий. И сейчас власти

страны задумываются о том, как вернуть на родину этот потенциал, как заинтересовать людей, как наладить сотрудничество с ними университетов[38]. Ну а географические соседи – крупные игроки в АТР – продолжают вести «охоту за умами». Хедхантеры из Японии запустили специально для стран АСЕАН новый онлайн-сервис, в котором может зарегистрироваться любой студент, чтобы связаться с японскими компаниями, находящимися в поиске новых сотрудников[39]. Практически открыто попытки решения собственной проблемы «утечки мозгов» за счет стран ЮВА признаются на Тайване[40].

Что касается материальной стороны вопроса, то, например, иммиграционные ведомства США подсчитали, что суммарная оплата студентами из Вьетнама своего обучения в 2015 г. составила почти 1 миллиард долларов, то есть, эти деньги были «в чистом виде» заработаны американскими университетами и колледжами[41].

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время страны ЮВА ведут более чем интенсивное международное сотрудничество в сфере образования. Совершенствуется образовательная мобильность, расширяется взаимодействие с зарубежными вузами. Повышенный интерес к региону проявляют США, Китай, Япония, Австралия, Индия и другие страны. Увы, часто студенческие обмены оборачиваются не эффективными совместными проектами, а простой «утечкой мозгов», и наибольший поток эмигрантов из ЮВА здесь «оттягивают» на себя США. Остальные государства продолжают прилагать усилия для того, чтобы привлечь интеллектуальные ресурсы региона в свою орбиту влияния, и наиболее активные действия осуществляет Китай. В своих связях с ЮВА Пекин решает сразу несколько насущных задач: интернационализации своего рынка образовательных услуг, улучшения имиджа за рубежом, в том числе в самом регионе ЮВА, где отношение к современной внешней и военной политике КНР и особенно к провокационным шагам в ЮКМ остается отрицательным и настороженным, если не враждебным; и в целом, задачу распространения своего влияния классическим для «мягкой силы» способом. Можно отметить, что таким образом КНР может существенно расширить свои возможности лоббизма и распространения

своих ценностей. Кроме того, решается задача сохранения культурного кода китайских эмигрантов-хуацяо, чтобы они несли свои ценности вовне и приносили пользу КНР. Содействие же изучению китайской культуры и китайского языка иностранцами работает как один из основных компонентов публичной дипломатии Пекина и связано с тем, что любой язык является своеобразным культурным кодом. Образовательная политика дополняет совокупность ресурсов «мягкой силы», которые работают не только на формирование образа страны, но и на экономическую привлекательность, связи в бизнесе, зарабатывание денег на брендах и так далее. В критической ситуации «мягкая сила» может сыграть на руку Пекину при территориальном споре или локальном конфликте[42].

В условиях усиливающейся международной конкуренции за влияние в различных регионах мира в борьбу за распространение своего влияния в образовательной сфере в ЮВА Китай включился очень быстро и в последнее время уделял большое внимание данной области сотрудничества, ее интернационализации и повышению привлекательности на мировой арене одновременно с наращиванием своего общего потенциала и экономической мощи. Что касается непосредственных количественных результатов сотрудничества, то они выглядят достаточно успешными и приведены выше. Однако будут ли решены задачи распространения влияния – большой вопрос. Как отмечает Д. В. Мосяков (ИВ РАН), торгово-экономическим сотрудничеством «убедить» страны ЮВА «в том, что Китай равный и искренний партнер, не удалось»[43]. Не удается пока и гуманитарным: мы по-прежнему регулярно слышим о том, что позиция стран региона по защите своих интересов в конфликтах с КНР остается принципиальной, а обострения доходят до того, что Китай бывает вынужден эвакуировать из стран ЮВА своих граждан[44].

Тем не менее, в целом, опыт развития Пекином образовательных связей с ЮВА можно считать успешным. Что можно в этом плане сказать о России? Как известно, на современном этапе наша страна уделяет большое внимание интернационализации образования; поставлена задача повышения «мягкой силы» через расширение рынка международных образовательных

услуг и увеличение конкурентоспособности российских университетов[45]. Идут гуманитарные обмены, в том числе и с регионом ЮВА. В настоящее время в вузах РФ обучаются около 6 тыс. студентов из стран АСЕАН, и в ближайших планах Министерства образования и науки – увеличение на 10 % количества госстипендий для этого направления[46]. Пожалуй, главной проблемой здесь можно назвать то, что не всегда есть условия для овладения поступающими русским языком в достаточной мере к началу обучения, что усложняет освоение материала или ведение научной работы. Вопрос решается с помощью индивидуального подхода, но объективно требуется и увеличение числа часов, отведенных на изучение русского языка.

Важнейшим представляется формирование и развитие стратегий – как общих, так и специфических, экономических и гуманитарных, во взаимодействии со всеми ключевыми партнерами в Азии, а также стратегий развития отдельных сфер сотрудничества во взаимовыгодном ключе. И тогда возможен выход на совместные проекты и новые формы взаимодействия, которые могли бы стать конкурентоспособной альтернативой от «третьего соседа» стратегиям других стран, активно вносящих свою лепту в «утечку мозгов» из региона, и соответствовали бы и этическим нормам, и взаимным интересам.

---

[1] Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 118. № 3. С. 55.

[2] Education and the exercise of soft power in China // ICEF Monitor. URL: http://monitor.icef.com/2016/01/education-and-the-exercise-of-soft-power-in-china/ (дата обращения: 01.03.2017).

[3] Study of Chinese Language Soars in Southeast Asia // China.org.cn. URL: http://www.china.org.cn/english/23865.htm (дата обращения: 01.03.2017).

[4] Мосяков Д. В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. С. 18.

[5] China, ASEAN vow further cooperation in education // China Daily. 04.08.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-08/04/content_21500025.htm (дата обращения: 28.02.2017).

[6] Education and the exercise of soft power in China // ICEF Monitor.
[7] Ibidem.
[8] Учеба в Китае: чего хотят и что получают наши студенты // Zakon.kz. 02.03.2017. URL: http://www.zakon.kz/4846930-ucheba-v-kitae-chego-khotjat-i-chto.html (дата обращения: 05.03.2017).
[9] First ever Chinese overseas campus opens in Kuala Lumpur // CCTV. 23.09.2016. URL: http://english.cctv.com/2016/09/23/VIDEQAcbMXh1wwYcpf2mzJGF160923.shtml (дата обращения: 15.03.2017).
[10] Three-million scholarship set up to attract ASEAN students in E China // China Daily. 08.11.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-11/08/content_27311855.htm (дата обращения: 15.03.2017).
[11] Kurlantzick J. China's Charm Offensive in Southeast Asia // Current History. September 2006. Vol. 105. P. 273.
[12] Астафьева Е. М. Некоторые аспекты политики «нациестроительства» в Сингапуре // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. С. 279.
[13] Ronnaphol Masuntisuk. Chinese Language Teaching in Thailand at the Primary and Secondary Education Levels // Thai World. URL: http://www.thaiworld.org/upload/question/file_827.pdf (дата обращения: 14.03.2017).
[14] Schmidt J. D. China's Soft Power Diplomacy in Southeast Asia // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2008. Vol. 26. №1. P. 36.
[15] Study of Chinese Language Soars in Southeast Asia // China.org.cn.
[16] Kurlantzick J. China's Charm Offensive... P.273.
[17] Maritime Silk Road can bridge China-ASEAN cooperation // The Jakarta Post. 5.08.2015. URL: http://www.thejakartapost.com/news/2015/08/05/maritime-silk-road-can-bridge-china-asean-cooperation.html (дата обращения: 15.03.2017).
[18] Астафьева Е. М. «Жесткое» влияние «мягкой силы» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2009. № 12. С. 20.
[19] China, ASEAN vow further cooperation in education // China Daily. 4.08.2015.
[20] China, ASEAN vow further cooperation in education // China Daily. 4.08.2015.
[21] Overview of ASEAN-China Dialogue Relations // Association of Southeast Asian Nations. URL: http://asean.org/?static_post=overview-asean-china-dialogue-relations (дата обращения: 07.12.2016).
[22]中国 东盟百余名大学校长贵阳对话教育合作：需协同创新 // Finance.ifeng.com. 01.08.2016. URL: http://finance.ifeng.com/a/20160801/14666001_0.shtml (дата обращения: 11.03.2017).

[23] Southeast Asia–China Education Research Network Started the Second Phase Cooperation // ASEAN China Center. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2016-09/14/c_135687408.htm (дата обращения: 01.03.2017).
[24] China seeks more students from Southeast Asian countries // The Jakarta Post. 25.10.2016. URL: http://www.thejakartapost.com/youth/2016/10/25/china-seeks-more-students-from-southeast-asian-countries.html (дата обращения: 15.03.2017).
[25]配合企业走出去 中国推动与东盟职业教育合作// Money.163.com. 22.09.2016. URL: http://money.163.com/16/0922/14/C1IVBB16002580S6.html (дата обращения: 11.03.2017).
[26] Thu T. Do, Duy N. Pham. Challenges of Student Mobility in Southeast Asia // International Higher Education. Winter 2016. № 84. P. 25.
[27] Vietnam leads Southeast Asia in number of students in US // VN Express. 15.11.2016. URL: http://e.vnexpress.net/news/news/vietnam-leads-southeast-asia-in-number-of-students-in-us-3499245.html (дата обращения: 14.03.2017).
[28] Thu T. Do, Duy N. Pham. Challenges of Student Mobility... Pp. 24–25.
[29] Beasley T., Hirsch P., Rungmanee S. Thailand in Australia. Sydney: University of Sydney, 2014. P. 33.
[30] Weiss M. L., Ford M. Temporary Transnationals: Southeast Asian Students in Australia // Journal of Contemporary Asia. 2011. Vol. 41. Issue 2. Pp. 229–248. http://dx.doi.org/10.1080/00472336.2011.553042
[31] Chalmers D., Volet S. Common Misconceptions about Students from South-East Asia Studying in Australia // Higher Education Research & Development. 1997. Vol. 16. Issue 1. Pp. 87–99. http://dx.doi.org/10.1080/0729436970160107
[32] South East Asia // Ministry of Foreign Affairs and Trade of New Zealand. URL: https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/south-east-asia/ (дата обращения: 14.03.2017).
[33] Bhattacharya A. India's Growing Soft Power in Southeast Asia: Will it Clash with China? // Institute of Peace and Conflict Studies. 2013. http://www.ipcs.org/article/southeast-asia/ipcs-special-commentary-indias-growing-soft-power-in-southeast-asia-4070.html (дата обращения: 14.03.2017).
[34] Taiwan reaches out to Southeast Asian students to help cut economic reliance on Beijing // South China Morning Post. 14.11.2016. URL: http://www.scmp.com/news/china/article/2045609/taiwan-plans-reach-out-southeast-asian-students (дата обращения: 14.03.2017).
[35] Southeast Asian languages to be added to schools' core curriculum // China Post. 12.12.2016. URL:

http://www.chinapost.com.tw/taiwan/national/national-news/2016/12/12/486490/Southeast-Asian.htm (дата обращения: 14.03.2017).

[36] Thu T. Do, Duy N. Pham. Challenges of Student Mobility… Pp. 25–26.

[37] Астафьева Е. М. Сингапур: система образования в контексте нациестроительства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. № 18. С. 194–207.

[38] Vietnam steps up efforts to bring overseas experts home // VN Express. 23.08.2016. URL: http://e.vnexpress.net/news/news/vietnam-steps-up-efforts-to-bring-overseas-experts-home-3456695.html (дата обращения: 14.03.2017).

[39] Tokyo-based employment matchmaker targets Southeast Asian students // The Japan Times. 25.10.2016. URL: http://www.japantimes.co.jp/news/2016/10/25/national/tokyo-based-employment-matchmaker-targets-southeast-asian-students/#.WMhAgS43Wpo (дата обращения: 14.03.2017).

[40] Taiwan Universities Recruiting More Southeast Asian Students // The News Lens. 21.03.2016. URL: https://international.thenewslens.com/article/38590 (дата обращения: 14.03.2017).

[41] Vietnam leads Southeast Asia in number of students in US // VN Express. 15.11.2016.

[42] Мосяков Д. В. «Мягкая сила» в политике Китая... С. 7–8.

[43] Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 115–116.

[44] Первое китайское судно по эвакуации граждан КНР покинуло вьетнамский порт // Жэньминь жибао онлайн. 19.05.2014. URL: http://russian.people.com.cn/31520/8630813.html (дата обращения: 05.02.2015).

[45] Русакова О. Ф., Русаков В. М. Стратегия soft power в дискурсивном комплексе государств-членов ШОС // Философия образования. 2013. № 6 (51). С. 114.

[46] Стипендий для Юго-Восточной Азии станет больше // Сайт «Study in Russia» Министерства образования и науки РФ. 6.09.2016. URL: http://studyinrussia.ru/actual/news/stipendiy-dlya-yugo-vostochnoy-azii-stanet-bolshe/ (дата обращения: 15.03.2017).

© ***Рогожина Н.Г.***
НИ ИМЭМО РАН
им. Е.М. Примакова

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

То, что страны Юго-Восточной Азии сегодня сталкиваются с угрозой распространения радикального ислама с сопутствующим ростом насилия, говорят многие факты. Только за последний год прогремели взрывы в Индонезии, Малайзии и в Таиланде, готовились теракты в Сингапуре. Эти акты террора совершаются приверженцами идеологии ИГИЛ, которая целенаправленно распространяет в регионе свое влияние, вербуя сторонников, готовых с оружием в руках воевать на её стороне в зоне конфликта на Ближнем Востоке и бороться с её врагами здесь, в регионе. По мнению Сидни Джонс, директора расположенного в Джакарте Института политического анализа конфликтов, «никогда за последние 10 лет мы не наблюдали такой активности джихадистских группировок как сейчас»[1].

Как заявил ещё в 2015 г. премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун, «Юго-Восточная Азия превратилась в основной центр по вербовке боевиков для ИГИЛ. И угроза терроризма в регионе не является проблемой будущего, она уже здесь и сейчас. И террористические группировки пользуются любой открывающейся возможностью для получения, передачи и использования финансовых средств»[2].

Выявление источников финансирования терроризма в странах ЮВА (Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде и на Филиппинах) стало предметом анализа, проведенного их экспертами при содействии Австралии. Итогом его стал доклад, представленный на рассмотрение международной конференции по борьбе с терроризмом, состоявшейся на о. Бали в конце августа 2016 г. – «Оценка риска финансирования стран региона. Юго-Восточная Азия и Австралия»[3].

Наиболее важным и представляющим наибольшую опасность является такой источник финансирования терроризма в

регионе как **«самофинансирование».** Предполагается, что этот канал поддержки террористов будет основным в течение ближайших пяти лет. Он имеет особо важное значение в случае финансирования «волков-одиночек», вдохновленных идеологией ИГИЛ. Ими могут быть как боевики, возвратившиеся из зоны боевых действий на Ближнем Востоке, так и отдельные радикально настроенные мусульмане, которые совершают теракты в одиночку, не будучи членами никаких террористических организаций. По мнению вице-премьера Сингапура, «эти "волки-одиночки" могут нанести удар в любой момент, используя любые средства, находящиеся в их распоряжении»[4].

Осуществление теракта обходится недорого, поэтому возрастает риск использования «волками одиночками» собственных средств без угрозы для раскрытия их замыслов. Как отметил министр юстиции Австралии Майкл Кинан, «финансовая активность «волков-одиночек» может походить на законные финансовые трансакции или хуже того, быть невнятной в случае самофинансирования. Примером этого служит теракт в Ницце»[5].

За счет самофинансирования поддерживалась жизнеспособность крупнейшей террористической организации в Индонезии Jemaah Islamiyah и её подразделения в Сингапуре. Члены организации жертвовали ей ежемесячно 5% от своего дохода.

Учитывая все сложности осуществления упреждающих действий по раскрытию этого источника финансирования терроризма, перед финансовыми разведывательными службами региона стоит задача по отслеживанию вызывающих подозрение финансовых операций.

Не менее важным каналом финансирования террористов являются **некоммерческие организации**. Хотя проведенная странами АСЕАН оценка источников финансирования терроризма выявила лишь отдельные случаи участия некоммерческих организаций в поддержке террористических ячеек, тем не менее, риск их взаимодействия с ними остается крайне высоким (за исключением Сингапура), принимая во внимание способность НКО мобилизовать крупные суммы неконтролируемых средств. В Таиланде некоторые НКО финансируют пропагандистские кампании в поддержку экстремистов, действую-

щих на мусульманском юге страны. На Филиппинах НКО переадресуют террористам неизрасходованные средства, пожертвованные на строительство социального жилья.

Учитывая эти факты, перед странами АСЕАН стоит задача по выявлению потенциально опасных с точки зрения взаимодействия с террористами НКО, чтобы закрыть этот канал их финансирования. Подобного рода оценки риска деятельности НКО проведены уже в Малайзии, которая осуществляет жесткую антитеррористическую политику с включением в неё мониторинга поведения всех подозреваемых в связях с террористами.

В последние годы террористами в регионе стал использоваться такой канал мобилизации финансов как **сбор средств через социальные сети и привлечение денежных ресурсов частных лиц из числа интернет сообщества**. Незадолго до теракта в Джакарте в январе 2016 г. гражданин Австралии, сочувствующий джихадистам, переслал исламистским группировкам в Индонезии 500 тыс. долл»[6].

Как отмечается в докладе «Оценка риска финансирования стран региона. Юго-Восточная Азия и Австралия», «даже скромная сумма средств, поступающая от иностранных террористических организаций, представляет серьезную угрозу для безопасности региона, поскольку совершение смертоносного теракта обходится недорого»[7]. По данным финансового разведывательного органа Индонезии PPATK, на поддержку террористов в 2014-2015 гг. из иностранных источников поступило 763 тыс. долл. [8]. По мнению заместителя руководителя этой организации Агуса Сантосо: «У них имеется много возможностей для передачи средств, например, через индонезийских мигрантов, работающих в Малайзии, Сингапуре и в странах Ближнего Востока. Деньги могут поступать и через такие страны, как Австралия, Гонконг, Малайзия, Сингапур и пр.»"[9]. Имеются доказательства того, что индонезийские джихадисты получили от террористического подполья в Австралии 375 тыс. долл. США (5 млрд рупий).

Реагируя на призывы джихадистов, люди, симпатизирующие им, переводят на их счета средства он-лайн., которые затем собираются и переправляются террористам по официаль-

ным каналам через банки или электронные переводы. Подобного рода риски финансирования террористов оцениваются по высшей шкале для Индонезии и Малайзии. Отслеживание подобного рода финансовых операций и выявление как источников, так и получателей этих средств потребует обмена сведениями между государствами региона и тесного их взаимодействиями с частными структурами. По мнению экспертов, эта система финансирования терроризма в странах региона имеет потенциал для расширения.

Экспертами рассматривается и такой вероятный источник финансирования террористов как **пожертвования частных лиц из стран Ближнего Востока на благотворительные цели**, на развитие религиозного образования или осуществление проектов инфраструктуры. Часть этих легально переданных средств может быть переориентирована на пропаганду идеи джихада и поддержку террористических организаций.

Террористы зачастую используют такие **легальные каналы как банки и денежные переводы** для осуществления трансакций, как в случае с передачей денег от малазийской экстремистской группировки филиппинской. На Филиппинах передача выкупа террористам за захваченных заложников осуществляется зачастую также через банковские системы. Для сокрытия истинного получателя денег террористы прибегают к услугам третьих лиц.

Боевики из стран ЮВА, направляющиеся на Ближний Восток или возвращающиеся оттуда на родину, пользуются системой «автоматический кассир» для снятия наличных при помощи смарт-карты (синоним термина «электронный кошелек»), средства на которой могут пополняться дистанционно третьим лицом и сниматься с неё в любом месте, где установлен соответствующий терминал. Как правило, террористы используют легальные финансовые каналы для осуществления трансакций на небольшие суммы.

Альтернативой им служит широко распространенная в мире система **«хавала»,** позволяющая террористам, не прибегая к услугам банка и без риска быть опознанным, перемещать между странами финансовые ресурсы. Сколько точно денег таким образом переводится экстремистам, органам безопасности

стран ЮВА неизвестно в силу непрозрачности самой системы. Но именуются факты, подтверждающие её использование террористами для передачи средств индонезийским студентам, обучающимся на Ближнем Востоке. Есть основания предполагать, что аналогичным образом оплачивается выкуп за заложников, захваченных радикальными исламистами на Филиппинах.

Популярным среди террористов способом передачи денег и ценных товаров (золото, драгоценные камни) от одной террористической организации другой является **курьерская служба**. Эффективность данной системы финансирования терроризма обеспечивается низким уровнем риска обнаружения канала поставок денежных средств. Курьер, перевозящий небольшую сумму наличных, не обязан её декларировать при пересечении границы, если она не превышает 8-20 тыс. долл.

Свободное трансграничное перемещение средств между странами региона облегчается их территориальной близостью, прозрачными границами, наличием хорошо отлаженной сети контрабандистов. По мнению авторов доклада «Оценка риска финансирования стран региона. Юго-Восточная Азия и Австралия. 2016», «террористические группировки в регионе используют проверенные сети финансовых контрабандистов и, по всей видимости, этот канал финансирования терроризма в регионе будет только расширяться»[10].

Криминальная деятельность сегодня приносит наибольший доход террористам в странах ЮВА. В Индонезии это – прежде всего ограбление банков, кибератаки и хакерский взлом, на Филиппинах – незаконный оборот оружия и наркотиков, торговля людьми, но больше всего средств террористы получают в виде выкупа за заложников. В Таиланде исламисты, действующие на юге страны, перепродают краденые машины и нефть, но чаще всего пополняют свои финансовые запасы за счет вымогательства денег у других криминальных групп.

Что касается прямой финансовой поддержки террористов в ЮВА со стороны ИГИЛ, то пока нет данных, подтверждающих наличие между ними финансовой взаимосвязи. Тем не менее, есть основание предполагать, что теракт в Джакарте в январе 2016 г. был совершен при финансовом содействии со сто-

роны этой международной террористической организации. Вероятность того, что она в будущем будет инвестировать все больше средств в создание своей террористической базы в регионе, остается весьма высокой.

Особенностью современного терроризма в ЮВА, как показывает история его развития, является использование им разных каналов финансирования, что осложняет борьбу с ним, которая требует укрепления сотрудничества между государствами при налаживании тесного сотрудничества с частными структурами.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Врезка 1

Джемаа Исламия (ДИ) (Индонезия)

Несмотря на предпринятые международные действия по замораживанию активов террористических организаций, ДИ сохраняет способность материально поддерживать свою деятельность благодаря средствам, поступающим из различных исламских фондов на Ближнем Востоке и от отдельных доноров, таких как *Али Кхелайв Абдудах* и *Мухамед Джибрил*, пожертвований от её сторонников и членов, а также средств, выделяемых Аль-Каидой, которая создала свою «инвестиционную» базу в регионе. Без поддержки этой международной террористической структуры ДИ перестала бы существовать. Поскольку в последние годы возникли сложности с получением помощи из международных источников, ДИ стала прибегать к услугам криминалитета для финансирования своих ячеек. Оружие на территорию Индонезии помогают доставлять контрабандисты и пираты. Криминальные элементы вовлекаются также в проведение террористических акций и вооруженные нападения на банки, из которых было украдено более 2 млрд рупий (примерно 133 млн долл.).

Врезка 2

Джамаа Аншарут Таухид (ДжАТ) (Индонезия)

ДжАТ добывает средства для закупки вооружения и осуществления терактов за счет грабежей банков и другой криминальной деятельности.

Врезка 3

Муджахидин Индонерия Тимур (МИТ), или **Ист Индонерия Муджахидин (Индонезия)**

МИТ, которая сегодня является самой опасной экстремистской организацией Индонезии (в 2015 г. она была запрещена в США как террористическая), не была замечена в связях с международными террористическими организациями, в частности, с Аль-Каидой, а поэтому была лишена возможности получать от них финансирование, которое она обеспечивала себе путем грабежей банков, ювелирных магазинов, почтовых отделений, обменных пунктов, и хакерских атак на сайты организаций, занимающихся внешней торговлей.

Врезка 4

Абу Сайяф (Филиппины)

Рост интереса к криминальному бизнесу со стороны Абу Сайяф, которая сегодня является самой опасной террористической организацией на Филиппинах, помимо извлечения личной материальной выгоды для боевиков объясняется прекращением получения финансирования от международных террористических организаций, которые спонсировали ее основание. Основными донорами Абу Сайяф были *Усама бен Ладен*, его зять *Мухамед Джамаль Кхалифа*, который в 1988 г. возглавил филиппинское отделение Международной исламской благотворительной организации, и *Муамар Кадафи*. Роль последнего в материальной поддержке Абу Сайяф носила завуалированный характер и проявилась в предоставлении так называемой помощи развитию южным районам Филиппин в размере 25 млн долл. в обмен на захваченных в 2000 г. заложников на малазийском курорте. М. Кадафи неоднократно предоставлял деньги Абу Сайяф под видом благотворительной и гуманитарной помощи.

[1]David Ignatius. Southeast Asia could be a haven for displaced Islamic State fighters. August 1, 2016. Available at https://www.washingtonpost.com/opinions/southeast-asia-could-be-a-haven-for-displaced-islamic-state-fighters/2016/08/18/c2213b28-6566-11e6-96c0-37533479f3f5_story.html?utm_term=.f2c2a29721cd

[2] Australia and Indonesia 'increasingly concerned' about how terrorism is financed .AUGUST 10, 2016 http://www.news.com.au/world/asia/australia-and-indonesia-increasingly-concerned-about-how-terrorism-is-financed/news-story/50550fd243e63710915dcc6d41a1e2f1

[3] REGIONAL RISK ASSESSMENT ON TERRORISM FINANCING 2016 | SOUTH-EAST ASIA & AUSTRALIA Commonwealth of Australia 2016.

[4] .The Diplomat.com. April 16, 2015 available at http://thediplomat.com/2015/04/singapore-kicks-off-new-counterterrorism-symposium/utm

[5]http://www.news.com.au/world/asia/australia-and-indonesia-increasingly-concerned-about-how-terrorism-is-financed/news-story/50550fd243e63710915dcc6d41a1e2f1

[6] Australia: The Funding Capital for the Islamic State in Southeast Asia January 22, 2016 available at http://www.centerforsecuritypolicy.org/2016/01/22/australia-the-funding-capital-for-the-islamic-state-in-southeast-asia

[7] Available ay http://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/2002462/nearly-us1-million-terrorism-funds-channelled-southeast

[8] Karlis Salna. Terrorists Channeling Funds Into Southeast Asia, Says Risk Study.August 10, 2016 available at http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-10/terrorists-channeling-funds-into-southeast-asia-says-risk-study

[9] Yenni Kwok. Overseas Money Is 'Financing Terrorism in Southeast Asia'Aug. *Jakarta Post*. 11, 2016.

[10] REGIONAL RISK ASSESSMENT ON TERRORISM FINANCING 2016 | SOUTH-EAST ASIA & AUSTRALIA Commonwealth of Australia 2016. P.16.

© ***Лебедева Н.Б.***
ИВ РАН

ИНДИЯ – АСЕАН: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ (грани отношений и внешние факторы)

Введение

И прошедший 2016 год, и весь год 2017, безусловно, богаты юбилеями и примечательны по нескольким причинам и для Индии и для АСЕАН не только в контексте итогов институализации их отношений. Во-первых, конец минувшего года – это 25-летие запуска индийского курса «Смотри на Восток», который в первую очередь был обращён к ЮВА и АСЕАН. Во-вторых, 28 января текущего года - 25-летие полного диалогового взаимодействия Индии-АСЕАН. Помимо этой даты, стоит напомнить о 15-летии партнёрства на уровне саммитов (с 2002 г.) и 5-летии стратегического партнёрства с 2012 г. Наконец, в третьих, сама Ассоциация встречает в этом году 50-летие со дня её основания, а один из ведущих её членов – Вьетнам, отметил в январе 25 лет установления дипломатических отношений с Индией, Малайзия – 1 апреля 50-летие дипотношений.

Цепь этих вех побуждает к анализу целого спектра побед, проблем и перспектив во взаимосвязях Индия-АСЕАН на столь длительном пути, что наиболее близко моим интересам. При этом, представляется необходимым учёт и тех внешних геополитических и геостратегических факторов, которые в самые последние один-два года воздействовали на динамику, как внутри рассматриваемой связки, так и сдвигов в балансе сил в регионе ЮВА и Северо-Восточной Азии (СВА), но через призму места и роли Индии.

В связи с этим обоснованно возникает ряд вопросов, на которые хотелось бы обратить внимание: какие новые меры будут предпринимать Индия и АСЕАН, чтобы сделать их партнёрство более эффективным и более значимым в региональных международных отношениях (МО) и интеграционных трендах? Какое влияние может оказать президентство Д. Трампа на ту ситуацию, которая развивалась в СВА и ЮКМ с 2009 г.? При-

ведёт ли это к значительным подвижкам разного характера после её переосмысления и Трампом и участниками МО по линии - США-Китай, США-Индия, США-АСЕАН, США-Япония, Индия-Китай, Индия-Япония и т.д.

Конечно же, все направления рассмотреть сразу сложно, поэтому есть смысл остановиться на тех, что ближе заявленной теме.

Индия-АСЕАН – итоги и проблемы

Подчеркнем, что одним из ключевых достижений усилий сторон является широкая институализация отношений от АРФ, ВАС, встреч на уровне министров обороны (ADMM+) до взаимодействий с отдельными членами АСЕАН на двустороннем уровне и в рамках таких структур сотрудничества, как Меконг-Ганга, БИМСТЭК и др. Она стала корневой системой, питающей их дальнейшее конструктивное сближение по разным каналам и в разных направлениях. В целом за четверть века партнёры создали свыше 30 ежегодных диалоговых механизмов. К примеру, саммит на уровне Премьер-министров, 7 секторальных саммитов на министерском уровне, 3 фонда АСЕАН-Индия – по развитию сотрудничества, по науке и технологиям, по окружающей среде. Индия открыла также в 2015 г. две специальные миссии со своими представителями при АСЕАН и ВАС (в Джакарте) с целью укрепления связей с этими региональными форматами. И думается, что развитие данного процесса пополнится новыми структурами и агентствами[1].

Расширялись торговые и экономические отношения - объем торговли неуклонно рос и в 2015 г. достиг 58,7 млрд долл. (в 2001-2002 гг. он составлял лишь 7,4 млрд долл.), в 2016 г. - около 70 млрд долл., хотя было запланировано 100 млрд долл. Для сравнения приведём цифры торговли АСЕАН с Китаем – 472,16 млрд и с США – 413,46 млрд долл. Инвестиции Индии в АСЕАН также ниже китайских – в 2015 г. 1.2 млрд долл. (Китай – 8,15 млрд долл. за тот же год), что можно было объяснить все ещё существующими опасениями среди и общественных и частных компаний перед вызовами и рисками при инвестировании. В целом, Индия остаётся важным торговым крупнейшим партнёром Ассоциации[2].

Вместе с тем, по оценкам многих экономистов, даже на этих направлениях таится огромный неиспользованный потенциал и, по некоторым прогнозам, Индия может к 2020 г. значительно увеличить объёмы товаров и услуг на сумму до 200 млрд долл., запланировать одновременно меры более активного поощрения частных фирм на крупные инвестиции в страны-участницы группировки и в обратном направлении.

Хотя достигнуты определённые результаты в такой критически важной сфере взаимосвязей, как развитие сотрудничества в транспорте, они явно недостаточны на перспективу. Так, проект Индии-Мьянмы-Таиланда супер автомагистрали длиной в 1360 км, как и многостороннее строительство шоссейной дороги «Каладан» между Индией и странами АСЕАН, находятся всё ещё в процессе строительства. Первый должен быть завершён в 2018 г. Индия является участницей амбициозного трансазиатского проекта строительства железной дороги, реализация которого пока далека от завершения. Более того, между Индией и некоторыми странами группировки отсутствуют до сих пор прямые авиалинии. Несомненно, все эти меры и планы чрезвычайно актуальны, но упираются, похоже, в проблемы финансирования и сроков выполнения проектов, а в ряде случаев - нестабильности ситуации на тех или иных участках или в приграничных районах[3].

Новые шаги премьера Индии Н. Моди навстречу АСЕАН

Почему правительство Нарендры Моди стремится сделать связи с АСЕАН в этих и иных сферах более динамичными и провозгласило курс “Act East” (АЕР), который пришёл на смену “Look East” и стал по существу его третьей фазой? Это, в частности, подтверждают на политико-дипломатическом уровне заметно участившиеся за последние полтора года визиты индийских официальных лиц высшего уровня - президента, премьера, вице-премьера Индии и других в девять из десяти стран-членов АСЕАН (Индонезию, Мьянму, Малайзию, Лаос и др., кроме Филиппин).

Судя по всему, в основе нового курса «Делай на Востоке» лежали три основных причины: Во-первых, это неуклонное

усиление собственно группировки в силу поддержания высокого уровня экономического роста, благодаря чему АСЕАН уверенно вписывается в число наиболее крупных и динамично развивающихся экономических центров мира, заняв третье место в их ряду. К такой оценке пришли авторы информационно-аналитической записки «Основные интеграционные торговые объединения мира: цели и перспективы развития» (Москва, 2014 г.). Отметив, что доля взаимной торговли в общей внешней торговле государств-членов свидетельствует о степени интегрированности общего внутреннего рынка и она различна, они пришли к выводу - в 2014 г. в ЕС она достигла более 60 %, в НАФТА – 45 %, **АСЕАН – 24 %,** СНГ и МЕРКОСУР – более 20 %, ЭКОВАС – 11 %[4]. Во-вторых, и АСЕАН, и ВАС, и ВРЭП, и формирующееся усилиями группировки экономическое сообщество - весьма амбициозны по своей природе и задачам, в том числе в стремлении сделать свои страны процветающими (при всех различиях в уровнях развития их экономик). И первая и вторая причина привлекательны для Индии с целью получения соответствующих выгод и «дивидендов» для собственного прогресса, а также расширения её роли в рамках не только АСЕАН, но и этих и других возможных в перспективе форматов;

В-третьих, активная вовлеченность и в те и иные структуры способствует поискам стратегических возможностей Индии сбалансировать на этих полях воздействие «китайского фактора, и в то же время прагматически использовать связи с ними для построения более продуктивных отношений с Китаем в возможных точках совпадения их интересов[5].

В итоге, диверсификация Индией взаимодействий с АСЕАН, другими её структурами и региональными интеграционными форматами, как и с их участниками на двустороннем уровне, обеспечивает Республике широкое поле для маневрирования как на географически более пространном поле, так и для повышения эффективности курса «Действуй на Востоке» и его механизмов, о чем далее.

Как было показано выше, институализация и многие направления сотрудничества в экономике, торговле, транспорте шли в целом по правильному пути. Однако требовались в не

меньшей степени иные импульсы для расширения контактов "people-to-people", сфер технологий и науки, культуры и т.п., поисков других ниш и синергетики ныне в рамках курса «Действуй на Востоке». В поле зрения Дели неизменно оставались намерения закрепить и поднять прежние достижения на более высокий уровень, активизировать менее разработанные направления.

Так, поскольку торговый баланс продолжал оставаться в пользу АСЕАН, что, естественно, беспокоило индийскую сторону, были выдвинуты предложения и конкретные приглашения асеановцам участвовать в таких проектах, как «Делай в Индии» (Make in India), «Интернизация Индии» (Digital India), «Умелая Индия» (Skill India), «Умные города» (Smart Cities), за счёт которых Индия надеялась расширить инвестиции в инфраструктуру, торговлю, производство, сельское хозяйство, обустройство городов и т.п. Чтобы следить за конъюнктурой и продвигать их в жизнь, были учреждены Центр АСЕАН-Индия в Нью-Дели и Центр по изучению АСЕАН в Шиллонге.

Надо признать, что подобные предложения Н. Моди делал в отношении и США и стран Запада в ходе визитов за границу, но пока широкой поддержки не получал. И это понятно – тамошние прагматичные деловые круги отчётливо понимают огромные проблемы на пути воплощения этих проектов в столь сложной, всё ещё социально необустроенной (особенно в глубинке, в деревнях) страны с многомиллионным бедным населением. Не следует сбрасывать со счетов негибкость индийской бюрократии, проблем покупки земли, получения лицензий компаниями и т.п. Как представляется, всё это побудило премьера обратиться с этими же проектами и к асеановцам, которые ближе географически, по менталитету и культуре, наконец, по схожести в определённой мере уровней и особенностей экономического развития и пр.

После предстоящего заключения в 2017 г. соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП) индийское правительство намерено инициировать специальную кредитную линию в 1 млрд долл. для углубления связей с АСЕАН и 100 млн долл. для быстрого введения в дей-

ствие нескольких промышленных проектов в Камбодже, Мьянме, Лаосе и Вьетнаме (CMLV)[6].

Поскольку все также остро стоит вопрос об улучшении транспортной связи в субрегионе, Индия выразила желание расширить сеть дорог от её северо-восточных штатов в сторону АСЕАН, продлить трёхстороннюю автомагистраль Индия-Мьянма-Таиланд до Камбоджи, Лаоса и Вьетнама, оптимизировать деятельность аэровоздушных линий в рамках специальной группы АСЕАН-Индия по гражданской авиации, как и проект строительства дороги Рхи-Тиддим[7].

Кроме того, есть потенциал развития сотрудничества между сторонами по такому вектору, как решение сопряжённых проблем окружающей среды и расширения возможностей «зелёной» энергетики, которые не так часто попадают в поле зрения политиков, учёных или СМИ, и, по сути, стартовали лишь в 2010 г., когда был учреждён специальный фонд в рамках формата АСЕАН-Индия по изменению климата.

Учитывая рост в мире доли возобновляемой энергии до 12,7%[8], которая в дальнейшем достигла 16,7%, Индия выразила намерение внести это направление в повестку дня сотрудничества с АСЕАН. И это не удивительно – Индия занимает одно из пяти топовых мест в мире по техническому обеспечению получения подобного вида энергии, вырабатывая около 26 GW, т.е. 12,5% всего её объёма[9]. Согласно объявленному в сентябре 2014 г. правительством Н. Моди плану, Индия намерена достичь к 2022 г. 175 ГВт возобновляемой энергии (100 ГВт – солнечной, 60 ГВт – ветряной, 10 ГВт – от биомассы и т.д.)

Со своей стороны АСЕАН явно обозначила свой интерес к новым возможностям на 32-ой встрече министров по энергетике в сентябре 2014 г., когда выдвинула «План действий по сотрудничеству в энергетике» (POA), а затем инициативу «Укрепление энергетических связей и рыночной интеграции в АСЕАН с целью достижения энергетической безопасности, доступности, устойчивости, обеспечения для всех», намереваясь к 2025 г. довести долю возобновляемой энергии до 23%[10].

Совпадение интересов в данной сфере привело к включению в «План действий» (POA) на 2010-2016 гг. и 2016-2025 гг. нескольких статей и пунктов о поддержке его Индией, и других

совместных инициатив по обеспечению энергетической безопасности, минимизации негативного воздействия на окружающую среду, снижения вредных выбросов в атмосферу путём проведения исследований, производства и использования альтернативных источников, продвижения «чистой» энергии и соответствующих технологий и т.п., а также программ политики планирования, электрификации домохозяйств в сельской местности и др.

В этих и других документах в равной мере фокусируется внимание на общих задачах и стран АСЕАН и Индии по обеспечению доступа к электричеству беднейших слоёв населения, снижению разрыва между потреблением в городе и деревне и т.п.

В одном из интервью, Н. Моди, желая подчеркнуть равноправность партнёров в данной области, отметил, что и сама Индия нуждается в иностранных инвестициях и технологиях для того, чтобы совершить переход страны к «чистой» энергетике и решить проблему электроснабжения каждого человека - поскольку около 300 млн. индийцев всё ещё лишены этого[11].

В целом, развивающееся сотрудничество между сторонами в сфере «зелёной» энергетики направлено на решение общих проблем общими усилиями в поисках баланса экономического развития и экологической устойчивости.

Широкие возможности имеются у Индии в улучшении сотрудничества по космосу, области, где ею достигнуты значительные успехи, наработаны хорошие связи индийского научно-исследовательского центра по космосу (ISRO) с японским аэрокосмическим агентством (JAXA), подобными структурами Франции.

Пока речь идёт в основном о гражданских аспектах сотрудничества в космосе Индии-АСЕАН в разнообразных проектах - по наблюдению за землёй и изменениями климата, спутниками связи, использованию международных космических станций, управлению природными катаклизмами и обучению в этих направлениях. Наиболее развитые участницы АСЕАН уже вовлечены так или иначе в эти программы (Малайзия, например). Одним их конкретных инструментов в дан-

ном контексте становится и форум регионального агентства АТР по космосу[12].

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что уровень взаимной вовлеченности и партнёрства Индия-АСЕАН заметно повышается, в том числе впервые за счёт более передовых и технологически сложных сфер (Космос, «зелёная» энергетика и др.). Об этом свидетельствуют выполнение «Планов действий» (РОА) 2004-2010, 2010-2015. К настоящему времени стороны определили приоритетные сферы сотрудничества на период 2016-2018 гг. и уже успешно осуществлены 54 из 130 проектов и инициатив, намеченных на третий «План действий» 2016-2020[13].

Примеры динамики двухсторонних отношений

И Индия и отдельные, наиболее продвинутые члены АСЕАН за истекший период стали взаимно более интересны друг другу и востребованы за счёт их расширяющихся разнообразных возможностей. Первые места в данном списке асеановцев, безусловно, занимают Сингапур, Вьетнам, Малайзия и др.

Вьетнам – давний и испытанный временем партнёр Индии – 18 января с.г. исполнилось 25 лет установления дипломатических отношений между странами, разнообразные связи между которыми неуклонно развивались по восходяшей. Что касается последних полутора лет, то несомненно значимым рубежом в данном процессе стал официальный визит Н. Моди в сентябре 2016 г. в Ханой и его встречи со всеми ключевыми лидерами Вьетнама.

По результатам переговоров стороны, выразив удовлетворение активным развитием сотрудничества в разных областях с момента установления двустороннего стратегического партнёрства в 2007 г., договорились на этой основе поднять стратегическое партнёрство на уровень **всеобъемлющего стратегического партнёрства** (ранее Вьетнам имел такое соглашение с РФ и КНР).

Стороны обсудили меры по дальнейшему расширению сотрудничества в таких сферах, как энергетика, атомная энергетика в мирных целях, исследование космоса, нефть и газ, наука

и техника, здравоохранение, образование, культура, туризм и народная дипломатия.

Премьеры двух стран обсудили региональные и международные вопросы, представляющие взаимный интерес, а также договорились активизировать взаимодействие в рамках региональных и международных форумов, в частности АСЕАН и ВРЭП.

В итоге, было подписано 12 соглашений и меморандумов: рамочное соглашение о сотрудничестве между правительствами Вьетнама и Индии в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях; программа сотрудничества в миротворческой деятельности; протокол о взаимодействии между МИД Вьетнама и Индии в праздновании «Года дружбы - 2017»; протокол о сотрудничестве в сфере здравоохранения; протокол о сотрудничестве в области информационных технологий; протокол о сотрудничестве между Вьетнамской академией общественных наук и Индийским советом по международным вопросам; протокол о сотрудничестве в сфере кибер-безопасности; договор о строительстве информационной инфраструктуры для подготовки кадров в сфере информационных технологий и т.д.

Видимо, следует остановиться подробнее на содержании важнейших из перечисленных документов.

Так, учитывая большой стратегический потенциал торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между двумя странами (в 2014-2015 гг. объём двусторонней торговли составил более 9 млрд долл.), было решено искать возможности расширить её к 2020 г. до 15-20 млрд долл.[14].

По мнению некоторых экспертов, соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН-Индия, как и рамки ВРЭП вполне могут благоприятствовать подъёму взаимных инвестиционных и торговых взаимодействий с тем, чтобы нынешняя незначительная доля Вьетнама в 1,22% в торговле с Индией заметно повысилась[15].

Что касается индийских инвестиций во Вьетнам, то их объем сохраняется в последние годы на уровне около 1 млрд долл., но, по данным вьетнамского агентства по иностранным инвестициям, они должны возрасти в связи с регистрацией ря-

дом индийский компаний 17 новых проектов с общим капиталом в 98,12 млн долл. в таких областях, как производство продуктов питания, удобрений, компонентов автомобилей, текстиля и др. Это большое дополнение к уже действующим ныне 131 крупным проектам в энергетике, разведке и изучении залежей минералов, производстве сахара, агрохимии, информационных технологий на территории Вьетнама с капиталом 707, 95 млн долл., не считая индийские инвестиции из третьих стран[16].

Соглашение по атомной энергетике предусматривает подготовку вьетнамских специалистов на постоянной основе, а также проведение совместных исследований в сфере ядерной энергетики. Как отметил секретарь Департамента по атомной энергии Индии Секхар Басу, «сотрудничество в области исследований по использованию ядерных реакторов будет активизировано, как только Индия получит членство в Группе ядерных поставщиков (ГЯП). Индия поможет Вьетнаму нарастить потенциал в области мирного атома и повысить меры безопасности», - подчеркнул он.

Вьетнам стал 14-й страной, с которой Индия заключила договор о мирном использовании атомной энергии[17].

Если говорить о конкретных деталях и цифрах на их реализацию, то этом плане можно указать на предоставляемый Индией грант в 5 млн долл. на создание парка программного обеспечения в Университете телекоммуникаций Вьетнама в Нячанге, Вьетнам в 2014 г. подтвердил разработку нефти Индией в ЮКМ, а в 2016 г. предложил ещё один блок, видимо, надеясь, таким образом, активизировать индийскую сторону в разгар обострения ситуации в регионе.

Благодаря подъёму в экономической и технологической сферах Индии, можно ожидать возрастания интереса во Вьетнаме к индийским возможностям в таких видах возобновляемой энергетики, как солнечная, ветряная и гидроэнергия, а также к разработкам биотоплива и т.п. При этом Н. Моди довольно настойчиво ратовал за приглашение к совместному сотрудничеству и инвесторов, и практических исполнителей проектов, и специалистов в указанных областях, а также в изучении проблем чистой энергетики и др.

9 февраля 2017 г. правительство Вьетнама объявило о подписании соглашения между сторонами о сотрудничестве по изучению и использованию космоса в мирных целях, которое охватывает спутниковое наблюдение за землей и навигацией, научные исследования и разработку космических технологий, совместную деятельность по их использованию и т.п.[18].

Вместе с тем обе стороны осознают остроту проблем взаимосвязей, которые замедляют движение вперёд сотрудничества по другим каналам. Так, выступая в мае 2015 г. в Ханое на одной из крупных конференций, посвящённых этой проблематике, Чрезвычайный и полномочный посол Индии во Вьетнаме Преети Саран отметила, что главным препятствием для дальнейшего развития торговли, инвестиций и туризма между странами является отсутствие пока прямого рейса из Вьетнама в Индию. С её точки зрения, воздушные рейсы авиакомпании «Jet Airway» из города Хошимина в Мумбай и Дели, и транзитные рейсы через Бангкок открывают хорошие перспективы для развития экономического сотрудничества между странами[19].

В этом же ключе рассматриваются отношения между Индией и Вьетнамом по сотрудничеству в формате Меконг-Ганга, в рамках которого стороны видят необходимость продлить автомагистраль Индия-Мьянма Таиланд до других стран-членов АСЕАН, прежде всего до Вьетнама, улучшить обмен товарами и трудовыми ресурсами, снизить стоимость оформления деловых сделок и т.д.[20].

Не менее успешно развивались взаимосвязи после подписания соглашения о продолжении партнёрства в области обороны и безопасности в 2014 г.

Индия вот уже немало лет оказывает помощь вьетнамской стороне в подготовке кадров для 6 подлодок класса «Кило» российского производства, а также в модернизации фрегатов «Петя», особенно в части обеспечения антиподлодного вооружения. Индия продолжает вести переговоры относительно согласия РФ на предоставление вьетнамской стороне совместной российско-индийской более мощной ракеты Брамос. С целью углубить сотрудничество в данной сфере Индия заявила об открытии Вьетнаму новой кредитной линии на сумму в 500 млн долл. В Ханое значительные

надежды в данном контексте связывают с курсом Н. Моди «Делай в Индии» в сфере оборонного производства, который может способствовать строительству морского судостроения, морской инфраструктуры и т.п.

В январе 2017 г. в Дели было положено начало переговорам с вьетнамским правительством о возможной продаже мобильной ракетной системы «Akash» земля–воздух индийского производства (до 96%), способной поражать цель в пределах 30 км.[21].

На столь же высоком и конструктивном уровне Индия стремилась поддерживать и углублять отношения с другими членами АСЕАН. Это обширная и интересная тема, которую в рамках статьи не представляется возможным осветить подробно. Но стоит остановиться на определённых нюансах и подходах, которые Индия искала и находила для каждой их них, особенно в последние годы. Так, товарооборот **Сингапура,** который связан с Индией наиболее тесно, достиг в 2013-2014 гг. 25,95 % от всей индийской торговли с АСЕАН. Город-государство импортировал из Индии товаров на сумму 7,1 млрд долл. в те же годы. Сингапур остаётся крупнейшим инвестором для индийских компаний.

Сингапур стал очень привлекателен для Индии в сфере экспертиз, особенно в системах обучения, сельской инфраструктуры, для чего были учреждены специальные центры в Дели, Удаипуре (Раджатхан) и в штате Андхра Прадеш для развития его новой столицы Амаравати, что особо востребовано в свете объявленной Н. Моди программы «Умные города»[22].

В январе 2017 г. обе стороны обновили сроком на следующие пять лет ряд соглашений по использованию ВВ аэропорта в Калаикунда для совместных тренировок, по связям на высоком уровне представителей соответствующих министерств, по военным технологиям и т.п.[23].

Успешно развиваются индо-малазийские отношения. Достаточно указать на подписание 31 деловых меморандумов на сумму в 36 млрд долл. по итогам визита премьера **Малайзии** Датук Разака в Дели в апреле 2017 г. Они касались широкого спектра программ и проектов, начиная от строительства объединённого морского города-порта Пулау Карей до разработки

программ по расширению туризма. Не были обойдены вопросы сотрудничества в сфере безопасности и обороны в силу активизации Китая в Большом Индийским океане (БИО) и Южно-Китайском море (ЮКМ), необходимости совместной борьбы с экстремизмом и терроризмом, другими вызовами нетрадиционной безопасности, охраны Малаккского пролива и др.[24].

Внешние стратегические факторы через призму места и роли Индии

Анализируя итоги и особенности отношений Индии-АСЕАН, нельзя не остановиться на внешнем фоне и факторах, которые воздействуют на их эволюцию, особенно в последние год-два. В данном контексте речь пойдёт о ситуации и в ЮКМ и отчасти в Индо-тихоокеанском регионе (ИТР) и Большом Индийским океане (БИО).

Безусловно, наиболее мешающим развитию сотрудничества фактором является ситуация в ЮКМ, где, к сожалению, для субрегиональных трендов были характерны негативные сценарии в связи с возрастающими темпами милитаризации данного пространства и со стороны Китая, и со стороны США и их союзников и партнёров. А создаваемые Пекином искусственные острова расширяли поле его контроля, но резко сужали возможности свободы судоходства. Предпринятые Пентагоном (а вслед и Японией) военные миссии к островам Мисчиф, Суби и др. вели к нагнетанию напряжённости и создавали повод для зеркальных военных мер китайцев, которые, установив радары и другое военное оборудование, могли мониторить передвижения любых судов. Так что противостояние между США и Китаем день ото дня становилось горячее.

Не простая ситуация складывалась в соседней индоокеанской зоне. Здесь, как и в западной части Тихого океана, в эти же годы проявлялось стремление Пекина стать морской державой, используя взаимные интересы со странами регионов. Но, похоже, у Пекина складывались разные подходы к данным регионам: Китай прежде всего сосредоточивался на стратегически важных для него ближайших морях АТР, не сбрасывая со счетов роль Индийского океана, но скорее с торговых, чем военных точек зрения.

В связи с этим, в среднесрочном плане, в регионе БИО Китай стремился удерживать возможности внедрения ограниченных ВМС для защиты морских коммуникации, продолжения миссий по эскорту своих судов и поисков морских точек опоры в дополнение к уже установленному в Джибути. В Пекине полагали, что Индия сохранит свою стратегическую автономию для доминирования в БИО при значимом военно-морском присутствии США, что будет вынуждать его к усилению своего внедрения, в том числе за счет цементирования стратегического сотрудничества с рядом прибрежных стран (Пакистаном, Шри Ланкой и др.).

В силу этих факторов в первые годы президентства Б. Обамы США устраивал существующий уровень стратегической роли Индии и сотрудничества с ней по сдерживанию Китая в индо-океанской зоне. В отличие от неё в складывающейся ситуации в ЮКМ для Вашингтона, по мнению ряда экспертов, возникали последствия двойственного и даже тройственного характера. Либо продолжать взвинчивать здесь обстановку напряжённости и нестабильности и вступить в вооружённое противостояние, которое может перерасти в крупномасштабный конфликт (согласно последним установкам, «ястребы» в Белом доме находились в поисках и расширении числа новых горячих точек и районов хаоса по всему миру с целью утверждения своих глобальных амбиций). Либо не доводить конфронтацию до точки кипения и прямого военного столкновения, исходя, в том числе, из задач реализации «поворота к Азии». Ведь по существу столь высокий уровень турбулентности в ЮКМ был на то время чреват тем, что он разрубал мегарегион ИТР надвое или, по меньшей мере, значительно осложнял сближение двух океанских пространств, что важно для многих интересов США. Наконец, Вашингтон мог столкнуться с «роковым выбором»: отступить и таким образом признать растущее региональное господство Китая и, соответственно, снижение влияния США.

А пошёл бы на такой шаг Пентагон в условиях, когда негативная динамика событий в ЮКМ и ВКМ нарастала в силу усугубления разногласий по морским границам и зонам ответственности между Китаем и Японией, Вьетнамом и Филиппи-

нами. В Китае полагали, что последние два государства намеренно использовали поддержку Вашингтона для эскалации напряжённости в ЮКМ. Существенно, что Постоянная палата третейского суда в Гааге в июле 2016 г. по иску Филиппин постановила, что Китай не имеет оснований на территориальные притязания в ЮКМ. Китай же не признал решение Гаагского суда[25].

Что касается роли Индии в субрегионе, то, похоже, руководители страны задумывались о новых шагах в сторону АТР и настраивались в будущем на возможное подключение к группировкам кораблей США+Японии в ЮВА; на перспективное подписание с США соглашения о предоставлении взаимных условий для заправки топливом, запасных частей и припасов (LEMOA) (по существу, подписав такое соглашение, Дели получало бы допуск к американским военным сооружениям, но как оно могло реализовываться было пока неясно); продолжение манёвров схожих с совместными морскими учениями в рамках США-Япония-Индия - «Малабар», но все ближе и ближе к акватории ЮКМ; на решение вопроса об ответе на настойчивые приглашения руководителей американских ВМС в адрес Индии примкнуть к другому союзу – США-Япония-Австралия с ареалом активности вокруг ЮВА и в ЮКМ; на укрепление военно-политического союза с Вьетнамом, важным политико-стратегическим и военным партнёром, который также призывал Дели к активизации в ЮКМ в рамках и двусторонних отношений, и курса LEP.

Однако нельзя было не заметить определённую двойственность позиции Индии, которая, по всей видимости, стремилась играть собственную роль в регионе, с одной стороны, - выстраивая автономные проекты и планы, а с другой, - укрепляя отношения с союзниками и партнёрами. Вместе с тем Дели осознавал также свою неготовность к активности в субрегионе. Другой из главных причин осторожности и подобного отношения индийского руководства на разного рода предложения в сфере военного сотрудничества являлось отчётливое представление перспективы прямой военно-политической конфронтации с Китаем, чего, безусловно, в Дели не желали бы. Именно этот фактор толкал Индию к сохранению баланса между зна-

чимой вовлеченностью, к примеру, в дела в ЮКМ, и автономностью по другим векторам. Дели учитывал, что Китай считает почти всё пространство ЮКМ своей национальной территорией, но и то, что при этом Пекин декларирует готовность предоставления необходимых гарантий обеспечения той самой «свободы судоходства» (которая так беспокоит Вашингтон и др.) на проходящих через ЮКМ торговых трассах.

Со своей стороны в Китае понимали тот факт, что Индия контролирует коммуникации в БИО, связывающие Поднебесную с Европой и Персидским заливом. А потому Пекин не хотел бы идти на антииндийский курс, который может подтолкнуть Индию к участию в коалиции США-Япония-Южная Корея.

Подчеркну, что у АСЕАН, которая играет дойную роль – партнёра и внешнего фактора, было меньше возможностей стратегического привлечения Индии на свою сторону. Тем не менее, был поднят уровень стратегического партнёрства Индия-АСЕАН, согласно которому выполнялись программы и мероприятия, совместные манёвры и т.п. Укреплялись военно-стратегические связи в первую очередь с ближайшим союзником – Вьетнамом. Индия предоставила осенью 2014 г. кредитную линию на 100 млн долл. для покупки 4-х патрульных катеров индийского производства и др. В мае 2015 г. был подписан меморандум с вьетнамским министром обороны в ходе его визита в Дели о возможности продажи Ханою совместного индийско-российского детища – ракеты «Брамос» в случае успеха переговоров между Индией и РФ. В сентябре 2016 г. было установлено всеобъемлющее стратегическое партнёрство между сторонами. В свою очередь Вьетнам предложил Индии новые участки для нефтеизысканий, несмотря на уже имевшиеся конфликты по этому поводу с Китаем и т.п. В 2016 г. был увеличен кредит Вьетнаму на оборону до 500 млн долл. Но и у АСЕАН и у США была единая цель как можно теснее привлечь Индию на свою сторону.

Безусловно, **США** выступают в качестве главного внешнего фактора и давно хотели бы формально интегрировать Индию в военные союзы и различные альянсы, как выше было упомянуто. Но пока этого не проходило, до сих пор Индия ни-

когда не была членом никаких военных союзов, ведь это вызвало бы очень много противоречивых дискуссий во внутренней политике страны в связи с её приверженностью принципам неприсоединения.

Тем не менее, администрации Обамы кое-что удалось в механизме пристёгивания Индии к «поясу сдерживания» Китая.

По мнению некоторых экспертов, ранее Индия не была готова на эту роль в ЮКМ в большом объёме и, судя по всему, не была намерена сыграть здесь ту роль в сдерживании Китая, которую ей хотели отвести США и уже отводили в БИО. Она ставила во главу угла вопросы, как избежать прямой конфронтации с Пекином по разным причинам (пограничные конфликты, заинтересованность в развитии торговли и др.). И поэтому в отличие от Японии Индию, по большому счету, должно было причислить лишь ко второму эшелону азиатского «пояса сдерживания» Китая.

Вместе с тем Дели в последние месяцы администрации Обамы начал заметно сближаться с Вашингтоном и поддерживать в той или иной форме американскую политику сдерживания Китая. В данном контексте хотелось бы указать на не такое простое на первый взгляд соглашение по ЛЕМОА (по военной логистике, т. е. о базах, в которых Индия в прошлом неоднократно отказывала США на побережье возле Кочина или на Андаманских островах). Не случайно оно готовилось 10-12 лет и положило начало цепи военно-технических, сопряжённых с ним договорённостей о возможностях шире задействовать и активнее привлечь её на свою сторону. США, как впрочем и АСЕАН, нужен сильный в военно-техническом отношении партнёр. Но шёл торг, особенно острый за несколько месяцев до подписания ЛЕМОА. Вот результаты торга:

Первое, Индия получила ещё в начале 2016 г. статус «главного партнёра в оборонной области», хотя в этом же качестве этим статусом в регионе обладают также Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Япония и Южная Корея. Это не статус военного союзника, но это открытая дверь к покупке американских военных технологий и оборудования для его производства.

Второе. Во время визита в июне в США Н. Моди индийская сторона добилась доступа к американским военным технологиям на уровне стран НАТО и Израиля.

Третье. Сразу же после подписания в августе 2016 г. ЛЕМОА появились официальные сообщения о переговорах о передаче авианосца США Индии, в дополнение к целому ряду других проектов. Речь шла о «подарке» «почти что союзнику» выведенных из боевой эксплуатации, но вполне действующих CV-67 (бывший «Джон Ф. Кеннеди») или CV-63 (бывший «Китти Хоук»). Это существенно, поскольку индийский военный бюджет расходов на прямой заказ в США на строительство новых авианосцев не предусматривает. Переговорам о передаче списанного авианосца предшествовало создание в 2015 г. совместной рабочей группы по обмену информацией об эксплуатации и дизайне авианосцев, о которой была достигнута договорённость между Индией и США во время январского визита Б. Обамы в Дели в 2015 г. и первое заседание которой состоялось в июне 2015 г. Это было особенно важно в свете запланированного строительства 65 000 тонного авианосца Vishal, как и интереса к новой Электромагнитной системе катапультирования самолётов с авианосцев (EMALS) США, за которым вполне логично могла последовать собственно продажа американских самолётов Индии.

Четвёртое. Так и произошло. Ведь если у Индии появится хотя и списанный авианосец, значит для него понадобятся новые палубные самолёты типа «Супер Хорнет». Индийская сторона рассматривала этот вопрос в рамках тендера наряду с французским фронтовым «Рафалем». Но в силу демпинговых цен, предложенных американцами, ей открывался для палубных машин более обширный рынок в США. Понятно, что её интерес к американским самолётам «Супер Хорнет» становится выше, чем к французскому «Рафалю».

Пятое. Возрождается несколько заглохшая индийско-американская «Оборонная инициатива в сфере технологии и торговли» за счёт образования пяти новых совместных рабочих групп по самым высокотехнологичным темам: военно-морские системы; военно-воздушные системы; системы разведки, спут-

никового наблюдения и управления полем боя; системы химической и биологической защиты; специальные системы.

Следует особенно подчеркнуть, что подписание ЛЕМОА Индией сопровождалось весьма серьёзными дебатами и острой критикой внутри страны среди различных политических и партийных кругов, учёных и морских экспертов.

Разброс мнений был весьма широк. ЛЕМОА воспринималось и как отход от принципов неприсоединения, и как необходимость в силу меняющейся динамики в ситуации в БИО и ЮКМ. В высших военно-морских кругах указывали на большие операционные возможности соглашения. Помимо этого фактора, отмечалось большое давление администрации Б. Обамы, который приложил значительные политико-дипломатические усилия для его подписания до окончания срока его пребывания у власти.

Со своей стороны правительство Н. Моди намеревалось использовать американский военно-технологический комплекс для ускорения программы «Делай в Индии» в той же части. Принимались во внимание внешние аспекты напряжённости вокруг Индии, прежде всего «китайский фактор», о чем выше говорилось.

Китай отреагировал поначалу на подписание ЛЕМОА, как на ожидаемый акт в сближении Индии с США, который побуждает Пекин рассматривать роль Индии и её интересы в АТР серьёзнее, чем прежде. Но, по мнению Китая, вряд ли Индия сможет стать альтернативой для Вашингтона в экономическом плане. Хотя позже в официальном Пекине оценили подписание ЛЕМОА как важный поворот в стратегических отношениях США-Индия, но не посчитали его как угрожающий Китаю со стороны Индии, а как акт сдерживания Китая со стороны США. В некоторых наиболее критичных кругах высказывались суждения по поводу подписания ЛЕМОА, как «раздражающих» Китай, Пакистан и, вероятно, РФ[26].

О возможном курсе Д.Трампа в регионе

Чтобы охарактеризовать его даже предварительно, явно мало традиционных 100 дней, которые истекли в конце апреля, в силу особенностей его личных неустойчивых качеств и от-

сутствия опыта во внешней политике. По теории международных отношений, Д. Трампа можно отнести к числу “Swing president” по аналогии с “Swing state”, термину, разработанному по отношению к Индии, Бразилии, Индонезии и др. Это означает колеблющийся президент, колеблющееся государство, президент-маятник, государство-маятник. Так что впереди и множество кадровых перестановок в Белом доме, и крутых поворотов в его внешнеполитическом курсе - будь то на БВ (неожиданный удар 7 апреля по аэродрому в Хомсе в Сирии, кстати, по совету дочери), вокруг Корейского полуострова или в ЮКМ (командирование в апреле отряда боевых кораблей во главе с авианосцем Карл Винсон).

Судя по всему, в условиях быстро меняющейся геополитической динамики в регионе АТР и СВА курс нового президента США будет формироваться вокруг основных двусторонних пар взаимосвязей и одной региональной группировки (АСЕАН). К числу главной из них следует отнести США-Китай, где США на глобальном уровне остаются державой № 1, а в СВА их отношения будут характеризоваться и соперничеством и попытками пойти навстречу друг другу. Отсюда можно ожидать и непредсказуемость и неопределённость сценария развития ситуации.

С точки зрения заявленной темы, привлекает внимание отношения Индия-Китай и Индия-Япония, где между сторонами первой пары возрастала напряженность, а второй - шло их укрепление. Эти тренды, по-видимому, продолжатся, что сделает для Дели необходимыми усилия по поддержке диалога с администрацией Д. Трампа и сохранения его в рамках уже сложившегося сотрудничества[27].

Что касается АСЕАН, то, хотя группировка демонстрировала успехи на пути к превращению её в сообщество, но перед лицом растущей конфликтности с КНР в ЮКМ, она вместе с тем показывала определённую степень неуверенности, замешательства и ожидания поддержки со стороны США, Японии и Индии. Более того члены АСЕАН выражали надежду, что новый президент США в ближайшие месяцы сформулирует свою политику в отношении региона. Об этом заявлял, в частности, глава МИД Филиппин Перфекто Ясай после встречи министров

иностранных дел стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии 21 февраля 2017 г. По его словам, члены организации озабочены «развитием ситуации в Южно-Китайском море и призывают к сдержанности и диалогу с целью не допустить эскалации конфликта. Мы понимаем, что администрация Трампа еще не определилась с внешнеполитическим курсом, - сказал Ясай на пресс-конференции. - Особенно это касается политики США в отношении Китая». При этом глава филиппинского МИДа выразил надежду, что политический курс Трампа в отношении региона будет «позитивным»[28].

В целом, несмотря на некоторую хаотичность первых внешнеполитических решений, президент США намерен сохранить американскую сверхдержавность в мире, хотя методы её поддержания меняются. Вместо торговых договоров типа ТТП и многосторонних союзов при администрации Б.Обамы, он как бизнесмен-игрок и пока неопытный политик может пустить в ход и экономический и дипломатический шантаж, при необходимости привлечь к этому атомные авианосцы, подводные лодки и крылатые ракеты. Д. Трамп уже распорядился увеличить на будущий 2018 г. военный бюджет и финансирование военно-морских сил, увеличив число боевых кораблей.

Интересная интерпретация позиции Д. Трампа по ЮКМ прозвучала из уст российского политолога С. Судакова, который считает, что Трамп просто разыгрывает более привычную ему бизнес-модель, которая называется «Игра в труса» или «Chicken Game». Её суть состоит в том, чтобы напугать противника, в том числе с помощью организации коалиции, только для того, чтобы выбить максимально выгодные условия для себя…. Он хочет получить на руки определённые козыри против Китая, а уж как эти козыри разыграть, Трамп знает, – резюмирует эксперт[29]. С ним трудно не согласиться.

Так что, как представляется, ситуация в ЮКМ интересует Д. Трампа не только для сдерживания Китая, но и как инструмент влияния (можно сказать, давления или шантажа) на Китай при любых переговорах в дальнейшем по другим вопросам, по торговле, юаню, Тайваню и т.п.

Что касается Индии, то более тесная, в первую очередь военно-техническая связь Вашингтона с Нью-Дели становится

шаг за шагом реальным механизмом сдерживания Китая, а использование фактора борьбы за лидерство в регионе между сторонами усиливает его.

В данных условиях, как считает эксперт по Международным отношениям департамента оборонных исследований Лондонского королевского колледжа проф. Харш В.Пант, Индии необходимо серьёзно переосмыслить свою роль в ИТР, которую многие региональные страны уже рассматривают в качестве благотворной силы. По его мнению, Индия должна послать им сигналы о своих намерениях сохранить своё долгосрочное стратегическое присутствие. Экономически Индии нужно развивать взаимосвязи с регионом с тем, чтобы сделать экономическую дополняемость и востребованность сторон полностью реализованной. В военном отношении Индии нужно стать сильным провайдером безопасности. Дипломатически, Индии необходимо долговременное участие в регионе. В культурном отношении следует выстраивать общие культурные взаимосвязи. Наконец, самое важное – Дели следует создавать интеллектуальный капитал в регионе с тем, чтобы Индию изучали и понимали гораздо больше и глубже, чем ныне[30].

Задачи сложные, кое в чем Индия преуспела[31]. Но в целом они под силу Республике в перспективе.

---

[1] http://www.tribuneindia.com/news/comment/asean-the-pivot-of-india-s-act-east-policy/194609.html

[2] http://www.dnaindia.com/india/comment-why-india-needs-to-expand-its-engagement-with-asean-2252804

[3] http://www.dnaindia.com/india/comment-why-india-needs-to-expand-its-engagement-with-asean-2252804.

[4] см. http://www.e-cis.info/foto/pages/24255.doc

[5] http://www.thesundaily.my/node/349738

[6] http://www.gatewayhouse.in/acting-east-what-does-2017-hold-in-store

[7] dkumar@tribunemail.com

[8] см. Global Renewal Energy Status Report-2012.

[9] http://www.irjims.com; https://swarajyamag.com/world/asean-and-beyond-how-india-is-using-act-east-policy-to-expand-its-geopolitical-footprint-in-the-world

[10] http://www.spmrf.org/india-asean-relations-green-push.

[11] http://www.spmrf.org/india-asean-relations-green-push
[12] http://www.thesundaily.my/node/349738
[13] India-ASEAN Plan of Action
http://www.indmissionasean.com/index.php/asean-india
[14] http://articles.economictimes.indiatimes.com/2015-01-3/news/58024495_1_pharmaceutical-research-and-production-india-and-vietnam-india-vietnam.
[15] Ibid.
[16] http://indembassy.com.vn/cms.php?id=8
[17] http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3860302;
.http://www.thehindu.com/news/India-Vietnam-sign-12-agreements/article14621812.eceI
[18] http://currentaffairs.gktoday.in/union-cabinet-apprised-india-vietnam-space-agreement-02201741031.html.
[19] http://cis.org.vn/article/243/speech-of-h-e-ms-preeti-saran-ambassador-extraordinary-and-plenipotentiary-of-the-repulic-of-india-to-vietnam-at-the-scientific-conference-vietnam-india-development-cooperation.htmlibid.
[20] www.ipcs.org/article/southeast-asia/india-and-vietnam-strengthening-bilateral-relations-5220.html.
[21] India, Vietnam in Talks Over Surface-to-Air Missile System вy Ankit Panda, 10.01, The Diplomat.
[22] Singaporehttp://www.straitstimes.com/asia/south-asia/iswaran-india-spore-relations-on-cusp-of-new-era.
[23]
https://www.mindef.gov.sg/imindef/press_room/details.html?name=19jan17_nr&date=2017-01-19#.WNkmrqChpHw, http://idrw.org/india-singapore-hold-army-exercise.
[24] Indiahttps://thewire.in/121844/malaysia-india-china-najib-razak-modi
[25] http://www.livemint.com/Politics/zahCdddqQwMjQC7X5ykoyO/Why-2017-is-a-landmark-year-for-India-ASEAN-ties.html.
[26] https://tax.thomsonreuters.com/blog/onesource/india-becomes-a-major-defense-partner-to-the-u-s/; http://bharatshakti.in/logistics-exchange-memorandum-of-agreement-lemoa-advantage-india/;
http://indianexpress.com/article/india/india-news-india/manohar-parrikar-signs-key-logistics-defence-pact-with-us-3004581;
https://www.quora.com/What-role-can-the-Logistics-Exchange-Memorandum-of-Agreement-between-India-and-the-USA-play-going-forward-in-the-scenario-of-aggression-from-China;
https://www.dawn.com/news/1280873: https://selflearn.co/featured-affairs/india-usa-defence-partnerships.
[27] https://scroll.in/article/825977/will-the-trump-presidency-mean-a-change-in-indias-act-east-policy-in-2017.

[28] http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/119088/
[29] https://rueconomics.ru/228338-tramp-hochet-razygrat-krymskuyu-kartu-v-yuzhno-kitaiskom-more.
[30] http://www.livemint.com/Politics/zahCdddqQwMjQC7X5ykoyO/Why-2017-is-a-landmark-year-for-India-ASEAN-ties.html.
[31] см. Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы, Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3, с. 144-171.

© ***Попов А.В.***
ИВ РАН

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СУЛАВЕСИ (Часть II)

Природные условия

Наиболее высокие горы находятся в западной части провинции, в кабупатене Донгала. Это вершины Николалаки (3311 м), Томпобау (2613 м), Балукан (2580 м), Мому (2542 м) и Огоамас (2535 м). В центральной и южной частях провинции, горы немного поменьше: Катопаса в Тоджо Уна-уна (2835 м), Каджога в Моровали Утара (2563 м), Мао в Посо (2552 м). Самой высокой вершиной северо-восточной части Центрального Сулавеси, так называемой «головы», где располагается кабупатен Бангей, является Булу (2401 м), а в северной части, в кабупатене Толи-Толи - Калангканган (2432 м).

В провинции периодически наблюдается и тектоническая активность. Последнее землетрясение произошло 29 мая 2017 г. в северо-западной части кабупатена Посо. Имела место целая серия толчков магнитудой до 6,6 балов по шкале Рихтера.

На Центральном Сулавеси насчитывается 215 больших и малых рек, наибольшее число которых, по 85, протекает в кабупатенах Посо и Бангей. К сожалению, официальные данные о длине рек представляются недостоверными, поэтому ограничимся упоминанием наиболее значимых из них: Бонгка в Тоджо Уна-уна; Буалемо, Лобу, Бунта и Батуй – в Бангее; Моровали и Салато – в Моровали Утара, Посо, Малей и Пуна – в Посо, Бананбелу – в Моровали, Тамбарана – в Мутонг Париги, Буол – в Буоле, Марая – в Толи-толи и Палу, берущая начало в Посо и впадающая в залив Палу в районе г. Палу.

Реки, как правило, берущие начало в горах, быстротечны и малосудоходны. При этом, они являются причиной периодических наводнений в сезон дождей. Так, речка Лаа, истоки которой находятся в горной местности кечаматана Мори Атас кабупатена Посо проходит на своем пути до залива Томори через

десятки деревень в кечаматане Петасия, кабупатена Моровали, где периодически возникают наводнения. При этом, в самой Петасия дождей может и не быть, но дождевая вода приходит из Мори Атас. Жители деревень в Петасия вынуждены в сезон дождей держать наготове возле своих домов лодки, чтобы успеть эвакуироваться в случае наводнения. Местные жители, живущие по берегам реки Лаа, строят дома на сваях, что также должно помочь им при наводнениях[1].

В горной местности на речках нередко образуются красивые водопады. Наиболее известен из них - водопад Салуопа, который находится в зоне девственных лесов, на территории селения Вера кечаматана Памона Пуселемба, в кабупатене Посо, в 75 км от г. Посо. Водопад состоит из 12 уступов общей высотой 15 метров. Абсолютно чистая, прохладная вода горной речки и возможность поплавать в естественных бассейнах водопада привлекают сюда многочисленных туристов из других районов Сулавеси[2].

Есть в провинции и несколько больших озер, среди которых выделяется Посо, расположенное в одноименном кабупатене. Его площадь составляет 366,7 кв.км. В последние годы озеро Посо начинает испытывать проблемы с притоком речной воды, особенно в сухой сезон, что приводит к его обмелению и сокращению площади. Так, в октябре 2015 г. в своей северной части озеро отступило аж на 800 м, что осложнило транспортировку на озере и связь ряда расположенных по его берегам населенных пунктов с внешним миром. Такая ситуация, возможно, связана с вырубкой лесов в районе кечаматанов Памона Тимур и Памона Селатан ради посадок масличной пальмы. Усугубляет ситуацию и распространение в озере растения «эченг гондок», или водного гиацинта. Быстрый рост этой дикой культуры также ведет к обмелению озера и препятствует судоходству и рыболовству. Такая ситуация на озере наблюдалась, например, в августе 2014 г. в местечке Тентена кечаматана Памона Пуселемба[3]. Местные жители, правда, утверждают, что обмеление озера в сухой сезон происходит регулярно с периодичностью 6 – 7 лет, а в сезон дождей озеро иногда выходит из своих берегов, как это произошло, например, в мае 2015 г., когда воды озера залили и прибрежные селения, и рисовые по-

ля. Вторым по величине и не менее известным является озеро Линду (3600 га), в кабупатене Сиги, расположенное на территории национального парка Лоре-Линду. Остальные водоемы существенно меньше: Талага (355 га) и Рано (288 га) – в кабупатене Донггала, Ванга (18 га), Торире - в кабупатене Посо, Боланосу - в кабупатене Париги Мутонг, а также Тиу, Самполо и Валатаи - в Моровали. Все озера используются местным населением для выращивания пресноводной рыбы, улов которой в провинции в 2014 г. составил 3,2 тыс.т, в том числе 1,3 тыс.т в Посо и 1,2 тыс.т – в кабупатене Сиги.

Однако гораздо более богата рыбными ресурсами морская акватория Центрального Сулавеси, которая составляет почти 190 тыс.кв км в пределах морей Малуку и Сулавеси. За последние три десятилетия значительно возросло и число рыбацких хозяйств на Центральном Сулавеси, и их техническое оснащение. В 1985 г. их общая численность составила 10240 ед., в том числе 895 тех, кто имел лодки с навесным мотором. К 2013 г. число рыбацких хозяйств выросло до 53358 ед, а имеющих моторную лодку – до 24104 ед. При этом за аналогичный период улов морской рыбы и других морепродуктов вырос более, чем в 10 раз: в 1985 он составлял 25,2 тыс.т, а в 2014 г. – 263,9 тыс.т (в том числе в кабупатене архипелаг Бангей – 49,6 тыс.т и в Толи-толи – 40,7 тыс.т).

Следует, правда, отметить, что морское рыболовство на Центральном Сулавеси периодически страдает от спонтанной гибели рыбы, которая без видимых причин происходит, в частности, в районе кабупатена Архипелаг Бангей. Так, в конце 2011 г. массовая гибель рыбы произошла возле острова Бокан, что местные специалисты объяснили резким изменением в морских течениях, вызвавшего падение содержания кислорода в морской воде. Подобные явления происходили в архипелаге и ранее, что местные рыбаки объясняют также вулканической активностью в данном районе[4].

Местное рыболовство страдает также и от сильных штормов, которые нередки в водах, омывающих берега провинции. В этих условиях в качестве дополнительного заработка местные рыбаки начали заниматься разведением морских водорослей, что при незначительных начальных вложениях приносит

им существенный доход. Так, на 1 га морских угодий некоторые рыбаки производят до 1 тонны просушенных морских водорослей, что дает доход около 10 млн.рупий, и таких «урожаев» ежегодно можно получать до 7 раз. Одним из центров производства водорослей в провинции является кабупатен Париги Мутонг, где уже в 2011 г. насчитывалось около 11 тыс. производителей водорослей[5]. Общий же объем производства водорослей в провинции в 2015 г. составил 1,3 млн.т, в том числе в кабупатене Архипелаг Бангей – 690,5 тыс.т и в кабупатене Моровали – 460,2 тыс.т.

В водах Центрального Сулавеси встречаются и совершенно уникальные рыбы, которые становятся добычей местных рыбаков. Так, в начале 2014 г. в заливе Палу, на побережье Таман Риа оказалась выброшенной гигантская рыба, именуемая местными «Мола-мола» (Hypopthalmichtys molitrix), весом около тонны и длиной более двух метров[6].

Сельское хозяйство

Хотя территория провинции имеет преимущественно гористый характер, в ряде районов присутствуют равнинные и низменные участки, благоприятные для развития сельского хозяйства. Так, в кабупатене Донгала это – Мапанга, Туопу, Ламбуну и Тамбрана, в кабупатене Посо – Саэмба, Маёа и Напу, в кабупатене Бангей – Тойли и Самаку и др. Всего в провинции примерно 6,4 млн.га равнинных участков. В использовании сельхозугодий местное население до сих пор нередко использует систему переложного земледелия, при котором истощенные участки на время оставляются «под паром» для восстановления их плодородия. Часть сельхозугодий находится в общественной собственности местных деревенских общин и считается «адатными» землями.

В сельском хозяйстве Центрального Сулавеси в целом, также как и в рыболовстве, в последние десятилетия наблюдается существенный рост производства по многим культурам, который реально обгоняет темпы увеличение населения провинции, которое в период с 1980 по 2015 г. возросло, соответственно, с 1,3 до 2,9 млн. человек.

Основой сельскохозяйственного производства продовольственных культур является рисоводство, под которым в 2015 г. было занято 148,8 тыс.га земельных угодий, в том числе 126,4 тыс.га приходилось на заливные поля (sawah). Наибольшие площади последних находились в кабупатенах: Париги Мутонг – 30,0 тыс.га, Бангей – 22,6 тыс.га, Сиги – 17,6 тыс.га и Посо – 16,5 тыс.га. (Здесь и далее использованы данные сайта Статистического бюро Индонезии по провинции Центральный Сулавеси, а также издания Profil Propinsi Republik Indonesia – Sulawesi Tengah). В последние десятилетия производство риса все в большей мере стало переориентироваться на заливные поля, а общее производство на суходольных сокращалось: если в 1978 г. на них было произведено 60,2тыс. т риса, в 1991 г. – 27,8 тыс.т, в 2010 г. - 21,6 тыс.т, то в 2014 г. уже только 15,6 тыс.т при значительном росте производительности с 1978 по 2014г, соответственно, с 14,6 до 26,2 ц/га. Основными районами производства риса на суходольных полях являются кабупатены Тоджо Уна-уна – 5,3 тыс.т и Бангей – 3,4 тыс.т. За этот же период увеличилось производство риса на заливных полях: с 210,7 тыс.т в 1978 г. до 1,0 млн.т в 2014 г. при увеличении производительности с 30,4 до 47,1 ц/га. При этом, основными районами производства были кабупатены: Париги Мутонг – 265,3 тыс.т, Бангей - 179,2 тыс.т и Сиги - 144,2 тыс.т.

Важной сельхозкультурой в провинции является кукуруза, производство которой существенно возросла с 27,2 тыс.т в 1978 г. до 170,2 тыс.т в 2014 г, причем урожайность за этот же период выросла с 0,87 до 4,09 т с гектара. Основными районами ее производства в 2014 г. были: кабупатен Сиги – 48,4 тыс.т, Тоджо Уна-уна – 44,9 тыс.т, Париги Мутонг – 21,5 тыс.т и Бангей – 15,5 тыс.т

Резко в последние годы возросло в провинции производство и потребление соевых бобов: с 1 тыс.т в 1978 г. до 16,4тыс.т в 2014 г. при увеличении производительности с 6,6 до 16,2 ц/га. Основными районами производства сои являются кабупатена Тоджо Уна-уна: 11,5 тыс.т, Бангей – 2,7 тыс.т и Париги Мутонг – 1,5 тыс.т.

Достаточно много в провинции производится зеленого горошка, хотя его производство за последние годы и резко сокра-

тилось: с 2671 т в 1983 г. до 721 т в 2014 г. при незначительном увеличении урожайности: соответственно, с 7,5 до 8,6 центнера с га. Основными районами его производства являются кабупатены Париги Мутонг – 199 т и Бангей – 174 т.

Сокращается и производство арахиса, которое в 2014 г. составило 5,9 тыс.т против 10,5 тыс.т в 2011 г. и 6,9 тыс.т в 1991 г. При этом, значительно возросла производительность: с 8,7 ц/га в 1991 г. до 15,6 ц/га в 2014 г. Основными центрами производства арахиса являются кабупатены Архипелаг Бангей – 1,2 тыс.т и Сиги – 1,1 тыс.т.

Также сокращается и производство батата, которое показало резкий рост в 80-е гг. прошлого века и достигло 29,2 тыс.т в 1991 г., а в 2014 г. составило всего 20,5 тыс.т при росте производительности за этот период с 72 до 111,6 ц/га. Главными районами производства батата являются кабупатены Париги Мутонг – 5,2 тыс.т, Бангей- 3,6 тыс.т и Сиги – 3,4 тыс.т.

Аналогичная ситуация и с другим корнеплодом, кассавой, производство которой сократилось с 122,9 тыс. т в 1991 г. до 84,7 тыс.т в 2014 г. при значительном увеличении производительности: со 116 до 207,9 ц/га, соответственно. Почти половина, 40,2 тыс.т, всего производства кассавы в провинции приходилась на кабупатен Посо.

Наряду с этими традиционными продуктами питания на Центральном Сулавеси в последние десятилетия растет и производство различных овощей, в том числе ранее не характерных для тропической зоны, причем существует определенная специализация кабупатенов в производстве того или иного продукта, и основная часть производства овощей в провинции главным образом приходится на три из них: Посо, Сиги и Париги Мутонг. В целом же, в производстве овощей за 30 лет, с 1985 по 2015 г. наблюдалась следующая динамика (годовое производство в тоннах):

- лук – порей: 121 – 1775,6 (в т.ч Посо – 1469,9)
- картофель: 149 – 971,8 (Посо – 904,5)
- капуста: 149 – 7816(Посо – 7315,6)
- сави (индонезийский шпинат): 532 – 4666 (Посо - 3294,5)
- помидоры: 647 – 13006 (Сиги – 4393,7; Посо – 3635,3)
- зеленая фасоль: 135 – 1604 (Посо -1310)

- морковь: 21 – 2617,4 (Посо – 2423,5)
- красный лук: 2037 – 8878,2 (Сиги- 2847,5; Париги Мутонг – 1695,7; г.Палу – 1677,3; Донгала – 1505,7)
- огурцы: 407 – 4071,6 (Сиги – 1282,5; Париги Мутонг – 902,6)
- зеленый острый перец: 988 – 17038 (Париги Мутонг – 3554,3; Посо – 3404,4; Сиги – 3338,1)
- баклажаны: 277 - 6846 (Сиги – 2676,5; Париги Мутонг - 1678,1)
- тыква (Сиамская): 150 (1988 г) – 3518(Сиги- 2243,1)
- кангкунг (ипомея): 163(1988 г) – 4407,4 (Сиги – 1179,3)

Увеличение производства многих видов овощей говорит, с одной стороны, об изменении рациона питания местного населения, которое численно также существенно возросло за последние десятилетия, а, с другой, – об усилении рыночной ориентации сельхозпроизводства провинции, когда его значительная часть изначально предназначена для продажи на внешних рынках. Аналогичная ситуация наблюдается и в производстве фруктов. Так, за 30 лет, с 1985 по 2015 г., соответственно, увеличилось производство: манго: с 1,0 до 15,7 тыс.т; бананов: с 14,8 до 35,3 тыс.т; дуриана: с 2,1 до 20,4 тыс.т; нангки: с 1,0 до 6,7 тыс.т.

Производство традиционных папайи (4,7 тыс.т) и джамбу/гуава (0,7 тыс.т) практически осталось неизменным, зато в провинции в больших объемах стали выращивать фрукты, которые раньше либо вообще не производились, либо производились в незначительных количествах, а именно: авокадо (2,9 тыс.т), дуку (10,9 тыс.т), мандарины (3,9 тыс.т), мангисы(1,6 тыс.т), ананасы (0,9 тыс.т), рамбутан (6,7 тыс.т) салак (1,5 тыс.т), саво и сирсак(по 3,4 тыс.т)

В провинции развито и плантационное производство целого ряда культур, причем крупный капитал в последние годы занимается здесь почти исключительно высокодоходным производством плодов масличной пальмы, объем которого на крупных плантациях в 2015 г. составил 133,2 тыс.т, в том числе: в кабупатене Буол – 51,4 тыс.т, Донгала – 34,0 тыс.т, Моровали Утара – 21,8 тыс.т, Бангей – 15,2 тыс.т и Моровали – 10,8тыс.т. Следует отметить, что маслиничная пальма может реально поднять и благосостояние крестьянских семей. Кресть-

яне, занятые ее выращиванием, имеют в месяц доход в несколько миллионов рупий, что для условий деревни Центрального Сулавеси позволяет приобрести мотоцикл, построить приличный дом и открыть небольшой ларек по продаже предметов первой необходимости. Отсутствие средств у крестьян для закупки посадочного материала решается посредством выделения саженцев масличной пальмы со стороны крупных предприятий, которые затем забирают выращенный урожай и делят полученный доход в пропорции 80:20 в свою, естественно, пользу, что соответствует установкам Министерства сельского хозяйства Индонезии. Местные власти, например, в кабупатене Моровали, пытаются изменить эти пропорции до уровня 60:40. Крупные компании, зависимые от властей кабупатена в плане предоставления собственных концессий для разбивки плантаций, вынуждены идти на такие условия. Среди крупных компаний, получивших разрешения на разбивку плантаций маслинной пальмы в Моровали (включая территорию нынешнего кабупатена Моровали Утара) можно назвать ПТ. Синар Мас (100 тыс.га), ПТ. Астра Агро Индустри (100 тыс.га), ПТ. Тамако, ПТ. Перкебунан Нусантара XIX и ПТ. Курния Лувук Седжати[7]. Под эти плантации вырубаются значительные участки леса, что нередко приводит к оползням и наводнениям. Так, в 2010 г. сведение лесов в кечаматане Петасия компанией ПТ. Астра Агро Индустри ради создания плантации масличной пальмы привело к оползню, в результате которого погибли 13 человек. Наводнение же 2007 г. в кечаматане Бунгку Утара унесло жизни более 100 человек.

Следует также отметить, что зачастую крестьянские посадки масличной пальмы осуществляются на государственных землях, имеющих статус «производственных лесов», где подобная деятельность не допускается. Как правило, такие посадки организуются частными «авторитетными» предпринимателями, которые снабжают крестьян саженцами и забирают готовую продукцию. Хотя крестьяне в этих случаях нарушают закон, местные власти не решаются портить с ними отношения и закрывают на это глаза. Как бы то ни было, в 2015 г. производство плодов масличной пальмы в крестьянских хозяйствах Центрального Сулавеси составило 227,6 тыс.тонн. Местные

крестьяне также традиционно выращивают целый ряд экспортных плантационных культур, производство которых за последние три десятилетия (1985 – 2015 гг.) существенно выросло:

- кокосовые орехи: 151,2 – 167, 2 тыс.т (в т.ч. Бангей – 42,3; Париги Мутонг – 36,6)
- кофе: 794 – 3000 т (Посо – 1467)
- капок: 89 – 223,7 т (Париги Мутонг – 150,0; Донгала -40,8)
- перец: 10 – 80,3 т (Донгала – 30,7; Моровали Утара – 11,4)
- мускатный орех: 11 – 200,6 т (Архипелаг Бангей – 62,2; Толи-Толи – 38,8)
- кешью: 2 – 2189,8 т (Бангей- 1013,0; Архипелаг Бангей – 401,7)
- какао-бобы: 23 - 146507 т (Париги Мутонг – 45500)
- ваниль: 33(1988 г) – 36,8 т (Моровали – 15)
- гвоздика: 3,5 – 14,7тыс.т (Толи-толи – 9,1)

Одной из наиболее развитых в провинции плантационных культур является гвоздика, производство которой, в частности, успешно развивается в кабупатене Толи-Толи, в 400 км к северу от г. Палу. Развитие гвоздичных плантаций в Толи-Толи началось примерно 25 лет назад, однако уже сейчас под этой культурой в кабупатене занято 25,7 тыс. га земли, и гвоздика обеспечивает до 50% ВВП кабупатена. Цены на гвоздику подвержены сильным колебаниям. Так, в 2011 г. они составляли до 215 тыс. рупий/кг, а уже в следующем году упали практически вдвое. Однако и 100 тыс.рупий (около 8 долл.США) за килограмм местные крестьяне считают хорошей ценой и, в случае резкого падения цен на гвоздику, просто терпеливо ждут нового их роста, не вырубая гвоздичные деревья и поддерживая посадки в хорошем состоянии. Правда, многие деревья уже перевалили за 20-летний возраст, и требуется обновление посадок. Всего же в кабупатене производством гвоздики занятом 24400 крестьянских семей, которые твердо знают, что только за счет гвоздики они смогут приобретать автомобили, оплачивать учебу детей и собственный хадж в Мекку[8].

Все более активно в последние годы крестьяне Центрального Сулавеси начинают заниматься животноводством, особенно в качестве альтернативы подсечно-огневой системе земледелия. В 2015 г. численность коров в провинции составила

299,5 тыс.голов (в т.ч. в Бангее – 73,8 тыс.гол. и 38,3 тыс.гол в Донгала), буйволов – 3,7 тыс.голов и лошадей – 2,7 тыс.голов. При этом, поголовье коров по сравнению с концом 80-х гг. осталось практически неизменным, а поголовье коз за этот же период выросло с примерно 220 тыс.голов в 1989 г. до 518,7 тыс. голов в 2015 г. Овец в провинции немного – 8,0 тыс.голов, а свиней христианская часть населения в 2015 г. имела в количестве 238,6 тыс. голов (в т.ч. Посо – 76,4 и Бангей – 53,1), что было на 100 тыс.голов больше, чем в конце 80-х гг.

Лесное хозяйство

Хотя основная часть территории провинции до сих пор покрыта вечнозелеными лесами, массовая их вырубка под плантации масличной пальмы, а еще ранее для целей лесозаготовки привела к сокращению их площади с 5,2 млн.га в конце 80-х гг. XX-го века до 4,3 млн.га в 2015 г. При этом какая-то часть этих лесов существует сейчас только на бумаге. Следует, правда, отметить, что в настоящее время лесозаготовка в провинции практически сведена до минимума (16,6 тыс.куб м в 2015 г.) и осуществляется на площади лишь в 399 га, тогда как, например, в 1989 г. эта площадь составляла 16,7 тыс.га, а объем добытой древесины составлял 341,9 тыс. кубометров.

В лесах провинции много ценной древесины, в том числе редкого черного, или эбенового дерева, под которым в кабупатене Донгала занято 150 тыс.га и в Посо – 50 тыс.га. К сожалению, в ряде районов провинции на протяжении многих лет происходит хищническая вырубка лесов, связанная уже с сельскохозяйственным производством местного населения, расчищающего новые земельные участки подсечно-огневым методом. Такая ситуация, например, наблюдается в кечаматане Кулави кабупатена Сиги, где местное население проживает преимущественно в гористой местности, и постепенное сведение лесов ради открытия новых сельхозучастков было единственным способом самообеспечения населения продовольствием. При этом, здесь, как правило, использовался местный вариант взаимопомощи «мапалус», известный в других районах Индонезии, как «готонг-ройонг». При мапалусе практически все население деревни собирается вместе, готовит и засевает уча-

сток поочередно для каждой деревенской семьи. В селении Лонча, например, ежегодно таким образом сводилось не менее 2 га лесов для каждой семьи, что в конечном итоге привело к сведению значительных лесных массивов и отразилось на состоянии протекающей в этом районе реки Миу, которая вбирает в себя десятки притоков, протекает через г. Палу и впадает в одноименный залив. Лишь благодаря усилиям местных активистов удалось убедить местное население заняться восстановлением лесных насаждений, для чего также пригодился мапалус, что сразу отразилось на уровне воды в реке, который поднялся до 2-3 м. Используя систему взаимопомощи, местное население на протяжении этой реки высадило сотни тысяч саженцев деревьев. Но самым сложным было, конечно, переломить сознание местных жителей, которые из поколения в поколение привыкли просто освобождать от леса новых участок земли, который забрасывался после своего истощения, и семья переходила на новую землю. Возвращение на старый участок происходило, как правило, лет через пять. Таким образом, при населении деревни в 100 семей от леса освобождалось не менее 1000 га. И таких деревень десятки в зоне этой речки. Лишь участившиеся наводнения и оползни, а также разъяснительная работа местных экологов привели в чувство местных жителей, и они стали ярыми поборниками сохранения лесных массивов. Чтобы избежать необходимости освобождения новых участков, местные жители стали более склоняться к животноводству и бортничеству. Между тем, экологическая ситуация в бассейне рек, протекающих в этом регионе т остается сложной. Достаточно сказать, что ежегодно реками в кабупатене Сиги и г. Палу выносится в залив Палу около 4 млн. тонн осадочных пород, что неизбежно ведет к обмелению этого залива[9].

В местных лесах произрастает растение, массовая добыча которого местными жителями вреда лесу не причиняет. Речь идет о ротанге, который представляет собой лиану, и Центральный Сулавеси является одним из главных его производителей. После первичной обработки на местных предприятиях ротанг отправляется на Яву, где используется для производства плетеной мебели. В целом в Индонезии сосредоточено до 80 % всех мировых запасов натурального ротанга, однако в послед-

ние годы этой индустрии нанесен серьезный урон. Во-первых, в мировой мебельной индустрии возобладал тренд на преимущественное использование искусственного ротанга, что ударило и по производителям мебели из натурального ротанга. Так, еще в 2005 г. ежемесячный спрос со стороны яванских мебельщиков составлял примерно 5 тыс. тонн, а спустя уже 5 лет он сократился до 1,5 тыс. тонн. Во-вторых, правительство Индонезии практически запретило экспорт натурального ротанга, чтобы поддержать национальных производителей мебели, которых на мировом рынке стали резко теснить китайские и вьетнамские производители. В результате, при потенциальном производстве ротанга в стране на уровне 600 тыс. тонн в год внутренние потребности не превышали 30 тыс. тонн, что привело к банкротству многих предприятий, осуществляющих первичную обработку натурального ротанга. Так, на Центральном Сулавеси на рубеже 2000-х гг. работало 42 таких предприятия, а спустя 10 лет их осталось всего 7. От сбора ротанга отказываются и сами крестьяне, поскольку для них этот процесс крайне трудоемкий и малодоходный, а порой, и опасный для здоровья. Дело в том, что поверхность ротанговой пальмы покрыта острыми колючками, от которых на теле сборщиков образуются многочисленные раны. Для сбора ротанга крестьяне вынуждены уходить в джунгли порой на несколько недель, оставляя дома свои семьи, для пропитания которых берутся займы у перекупщиков, размеры которых иногда превосходят доходы от продажи ротанга тем же перекупщикам. В этих условиях многие крестьяне переходят к выращиванию различных сельскохозяйственных культур, что приносит им больший доход. Так, крестьяне деревни Мапахи в кечаматане Пипикоро кабупатена Сиги приняли решение полностью отказаться от сбора ротанга в пользу выращивания какао еще в 2002 г., причем решение старейшин деревни стало обязательным для всех ее жителей. После того, как деревья какао стали плодоносить, доходы крестьян, как правило имеющих участки в размере 1 га, стали составлять примерно 600 тыс. рупий (около 50 долл.США) в месяц. Одновременно местные жители стали более бережно относиться к окружающим деревню лесам и перешли от подсечно-огневого земледелия к рисосеянию с использованием иррига-

ции. При этом основной проблемой для них остается труднодоступность их района, и, если в столице провинции, г.Палу, закупочная цена на какао-бобы в конце 2015 г. составляла 23000 рупии за кг, то в самой деревне - только 18000 рупий[10].

Для сохранения редких растений и животных в провинции создан Национальный заповедник Лоре Линду, который был открыт 5 октября 1993 г. Территория заповедника, который в административном отношении находится в кабупатенах Посо и Донгала, расположена на высоте от 500 до 1000 м над уровнем моря. Его площадь составляет 218 тыс.га и состоит из трех частей: заповедника редких животных Сулавеси, Лоре Каламанта, заповедных лесов и озера Линду и заповедника Гумбаса в районе русла реки Палу. Помимо последней по территории заповедника протекает еще две больших реки: Пуна и Ларианг. Среди гор заповедника выделяется Рорекатимбу, вершина которой достигает 2610 м. (Границы Лоре Линду были утверждены, видимо, без учета существующих прав собственности на землю, поскольку в его границах оказалось 818 семей, владеющих земельными участками общей площадью 3800 га в районе Донги-Донги, которые частично относятся к кабупатену Посо, а частично – к Сиги. И еще 6000 га в Лоре Линду относится к категории адатных земель.) В заповеднике богато представлена горная растительность Центрального Сулавеси, в том числе эвкалипты. Одним из обитателей заповедника является баби-руса, или дикая свинья, клыки у которой растут вверх, что напоминает рога оленя (баби-руса в переводе значит «оленевидная свинья»). Это животное все реже встречается на территории Сулавеси, который, собственно, является основным местом его обитание. Это обусловлено как сведением лесов на острове, наступлением на среду обитания баби-руса человека, а также вытеснением этого вида родственными ему лесными кабанами, у которых более высокий уровень плодовитости. Здесь же обитают, пальмовая вивера, птица-носорог, являющаяся символом заповедника, и редкая птичка «малино», которая откладывает свое единственное яйцо в песке рядом с геотермальными источниками, а также один из самых малых приматов на земле – тарсиус, который ведёт преимущественно ночной образ жизни. В отличие от других приматов тарсиус не ест растительную

пищу, а питается исключительно насекомыми и мелкими птичками. Несмотря на свои крошечные размеры тарсиус может прыгать в длину до двух метров. К сожалению, из-за своего вкусного мяса тарсиус пользуется большим спросом у местных жителей, и его популяция сокращается. В этих условиях сотрудники парка Лоре Линду организовали центр по размножению этих животных на территории селения Камарора. На территории центра много баньяновых деревьев и бамбука, которые особенно ценят эти приматы[11].

В Национальном парке Лоре Линду проживает и редкая птица малео (Macrocephalon maleo), которая внешне напоминает большую курицу черно-белого цвета. В заповеднике насчитывается около 120 пар малео, которая ранее встречалась на Сулавеси повсеместно, а теперь на всем острове осталось не более 5000 особей, из которых около 20% приходится на Центральный Сулавеси. Основная часть малео в провинции обитает в специальных заказниках, где этот исчезающий вид защищен от уничтожения. Помимо Лоре Линду на территории Центрального Сулавеси малео живут в заповеднике Пинджан-Танджунг Матоп в кабупатене Толи-Толи (около 100 пар), заповеднике Моровали (около 100 пар), однако наибольшее внимание малео уделяется в кабупатене Бангей, где создано несколько питомников и центров разведения малео: в селении Тайма кечаматана Буалемо в специальном заказнике проживает 90 пар малео, в заказнике Бангкирианг в кечаматане Батуй (30 пар) и в Центре малео в том же кечаматане, который организован местной газовой компанией ПТ. Донги Сеноро в селении Усо - здесь небольшой заказник устроен на берегу моря, недалеко от установки по сжижению газа. Другой заказник малео был создан еще в 1981 г. на островке Даланган, который относится к кабупатену Толи-Толи и является одной из конечных точек территории Индонезии на границе страны. Около 100 пар малео живут в естественных условиях в кечаматанах Ампана, Бунта и Пагимана кабупатена Бангей. В этом кабупатене яйца малео традиционно использовались в церемонии «тумпе», которая символизировала взаимосвязь княжества Бангей с территорией, расположенной на архипелаге Бангей, острова которого отделены от собственно Бангея, расположенного на северо-

восточном полуострове Сулавеси, проливом Пеленг. Эта церемония ежегодно проводится в сентябре, когда у малео наступает период яйцекладки. В это время из селения Кусалик Лоа в кечаматане Батуй на архипелаг Бангей отправляются яйца малео, но, если раньше в такой посылке насчитывалось около 1000 яиц, то теперь не более сотни[12].

На Центральном Сулавеси живут и обезьяны, в том числе и человекообразные орангутаны, которые, например, находятся в пределах заповедника Моровали. Впрочем, с территории последнего они могут свободно выходить и нередко появляются в пределах людских поселений. Зафиксированы случаи, когда обезьяны ведут себя агрессивно и нападают на местных детей, нанося им серьезные травмы. Такой случай, например, имел место в 2013 г. в кабупатене Моровали, где, очевидно выдавленный из заповедника более сильными самцами, молодой орангутан хулиганил в селении Матубе кечаматана Бунгку Утара, после чего несколько детей пришлось отправлять в больницу, а самого орангутана убили солдаты.[13]

Горнодобывающая промышленность

Несмотря на все усилия и декларации властей по спасению дикой природы, наступление человека на нее на Центральном Сулавеси продолжается, что в первую очередь связано с бурным развитием здесь горнодобывающей промышленности. Провинция богата многими видами минерального сырья, в частности, золотом и никелевой рудой, что и предопределило развитие горного бизнеса здесь в XXI веке. В условиях бурного развития экономики КНР Индонезия в значительной мере превратилась в сырьевой придаток северного соседа, а ряд провинций Сулавеси и Центральный Сулавеси, в частности, стали основными поставщиками никелевой руды для китайской промышленности. Бурный рост сектора горнодобывающей промышленности на Центральном Сулавеси в период 2009 – 2013 гг. в значительной мере обеспечил опережающее экономическое развитие этой провинции: в 2013 г., когда, например, наблюдался наибольший объем производства никелевой руды и ее экспорта в Китай перед запретом экспорта необработанного минерального сырья, который был введен правительством Ин-

донезии в январе 2014 г., экономический рост в провинции составил 9,38%, тогда как в целом по стране он был на уровне 6%. Рост же сектора горнодобывающей промышленности составил 35,23%[14]. В последующие годы в результате резкого уменьшения добычи минерального сырья экономический рост в провинции замедлился, однако в 2016 г. он оставался выше среднеиндонезийского: 6,04% против 5,02%.

В 2013 г. общий объем добычи никелевой руды в провинции составил 8,2 млн.т, причем никелевые руды залегают и добываются лишь в трех кабупатенах: Моровали – 5,6 млн.т, Моровали Утара – 1,9 млн.т и Бангей – 0,7 млн.т. В этот период вся добытая руда шла на экспорт, главным образом в Китай, однако в январе 2014 г., в соответствие с Законом №4-2009 г. «Об угле и минеральных ресурсах», экспорт необработанного минерального сырья из Индонезии был полностью запрещен.

В условиях введенного в январе 2014 г. полного запрета на экспорт необработанного минерального сырья целый ряд китайских и местных компаний приступили к строительству в Индонезии заводов (смелтеров) по переработке никелевой руды в ферроникель, необходимый для сталелитейной промышленности. И именно на Центральном Сулавеси, в кабупатене Моровали китайской компанией Чингсан совместно с местной ПТ.Бинтанг Делапан Минерал (БДМ) был построен флагман индонезийской никелевой промышленности ферроникелевый завод мощностью 600 тыс.тонн ферроникеля в год, работающий по технологии электроплавки.

К сожалению, развитие горнодобывающей промышленности сопровождается массовым сведением лесов под рудные карьеры, подъездные пути и поселки рабочих. В условиях же гористой местности Центрального Сулавеси это неминуемо приводит к оползням на горных склонах, в результате которых гибнут люди и порой уничтожаются целые селения. Так, в постоянном страхе живут жители городка Колонодале (в настоящее время это – административный центр кабупатена Моровали Утара), над которым возвышаются холмы, где осуществляется добыча никелевой руды. Если раньше они были сплошь покрыты густым лесом, то теперь эти лесные массивы в значительной мере сведены, и резко возросла опасность оползней[15].

Регулярно в результате сведения лесов при добыче никелевой руды случаются и наводнения. Такая ситуация, например, наблюдается в районе Бахадопи кабупатена Моровали, где добыча руды в верховьях реки Бахонгколангу является причиной выхода ее из берегов, от чего периодически страдают жители селений Бахадопи, Куреа, Фатупия, Бахомакмур и др. Местные жители пытаются протестовать, иногда даже нападают на лагеря горнодобывающих компаний, уничтожая их технику, что приводит к столкновениям с полицией[16].

Между тем, недовольство местного населения вызывает и бездействие горнодобывающих компаний, в первую очередь бразильской Вале, правопреемницы канадской Инко, которая еще в 1968 г. по рабочему контракту получила в провинции никелевые концессии в кабупатене Моровали общей площадью 36,6 тыс.га, однако никоим образом их не использовала. В начале февраля 2012 г. в районе селения Бахадопи кечаматана Бунгку Тенгах имело место выступление сотен местных жителей, которые требовали от Вале убираться из Моровали, уничтожив часть оборудования и строений компании[17]. Эти протестные настроения местного населения соответствовали позиции руководства и провинции, и кабупатена, которое крайне заинтересовано в развитии этих месторождений и в строительстве на их базе перерабатывающих мощностей. В конечном итоге месторождения ПТ. Вале Индонесия, находящиеся в провинции Центральный Сулавеси были возвращены компанией государству, которое должно передать их либо госкомпании Антам, либо государственным предприятиям провинциального или областного подчинения.

Большое распространение в провинции получили мелкие кустарные промыслы золотодобычи, которых особенно много в районе столицы, г. Палу, причем золотокопатели роют порой в административной черте города, нанося окружающей среде огромный урон, поскольку процесс отделения золота от земли они осуществляют с помощью ртути. В Палу такие кустари разворачивают свою деятельность и по берегам рек, и в непосредственной близости от жилых построек, что категорически запрещено действующим законодательством (в населенных пунктах не ближе 300 м от жилья). В 2011 г. такая активность

наблюдалась в столичных районах Побоя, Ласоани, Каватуна и Танамодинди, и это вынудило местные власти заняться упорядочиванием деятельности этих промыслов, тем более, что проведенные в городе замеры воздуха показали содержание частиц ртути на уровне 3000 – 5000 нано-грамм в 1 куб.м, тогда как допустимый, например, в США и Японии уровень составляет 400 – 1000 нано-грамм на 1 куб.м[18]. Нелегальные золотодобытчики вторгаются даже на территорию Национального заповедника Лоре Линду, что заставляет власти применять силу для их выдворения оттуда. При этом необходимо отметить, что по действующему в Индонезии законодательству любое вторжение в заповедные леса уголовно наказуемо, однако властям, видимо, затруднительно прибегать к уголовному преследованию сразу большой группы таких старателей, а их численность, например, в 2016 г. превышала 100 человек. Первый раз власти »выкуривали» старателей с помощью армии и полиции в марте 2016 г., но, как только военные ушли, золотодобытчики вновь вернулись в заповедник, где в интересах их промыслов было вырублено около 10 га леса. В результате, уже в августе того же года силовую операцию в местечке Донги – Донги кечаматана Лоре Утара, в кабупатене Посо пришлось проводить вторично[19].

Центральный Сулавеси богат и природным газом, который добывается в кабупатене Бангей – блоки Матиндок и Сеноро. В районе Донги – Сеноро сооружается комплекс по производству сжиженного газа. На базе природного газа компанией ПТ.Панча Амара Утама в деревне Усо, кечаматана Батуй сооружается завод по производству аммиачных удобрений стоимостью 830 млн.долл., продукция которого уже в 2017 г. должна пойти на экспорт. В небольших количествах добывается в провинции и нефть, объем производства которой в 2014 г. составил около 830 тыс.барр.

Кроме того, на территории провинции встречаются залежи галена, или черного олова, молибдена, гипса, гранита и железистых песков. Последние в объеме 50 тыс.т были добыты в 2013 г. в кабупатене Тоджо Уна-Уна.

Серьезной проблемой развития горнодобывающей промышленности в Индонезии в целом и на Центральном Сулаве-

си, в частности, являются права на земельные участки, находящиеся на территории частных концессий. По действующему законодательству, владельцы концессий имеют права лишь на недра, и, в случае проведения буровых работ или добычи минералов, они вынуждены выкупать земельные участки у местного населения даже при отсутствии у последнего земельных сертификатов. Речь в данном случае идет об участках, имеющих статус «земель прочего назначения», т.е. тех, которые не относятся к лесному фонду. Земли прочего назначения, как правило, находятся в частной собственности местного населения, и здесь большое значение начинает играть этнический фактор. Как отмечают местные специалисты, во внутренних районах, например, кабупатенов Посо и Моровали земельные участки обычно контролируют коренные этносы, соответственно, памона в Посо и мори – в Моровали. Что касается прибрежной зоны, то здесь уже в большей мере доминируют пришлые этносы: бунгку в том же Моровали, а также вездесущие буги. Эти этносы обычно менее образованы, нежели этносы внутренних районов, однако в большей мере обладают деловой хваткой и успешно проявляют себя в деловой активности. Относительно более образованные коренные этносы в большей степени тяготеют к чиновничьей, бюрократической сфере, что соответствует уровню их образования. Для реализации своих экономических интересов, в том числе в области горнодобывающей промышленности, где огромное значение имеет возможность влиять на выдачу горнодобычных лицензий, представители тех или других этносов стараются занять властные позиции на уровне кабупатенов, а, по возможности, и провинции. С этим же связаны и попытки осуществления административного деления существующих кабупатенов. Так, из кабупатена Моровали, который сам в 1999 г. выделился из кабупатена Посо, в 2015 г. выделяется уже новый кабупатен Моровали Утара, который становится важным центром развития никеледобывающей промышленности. Однако и в новых административных единицах продолжается борьба за власть между крупными местными кланами и различными этносами, населяющими соответствующий кабупатен.

Проблема землевладения на Центральном Сулавеси имеет непосредственное отношение и национальной программе трансмиграции, поскольку в провинцию периодически переезжают переселенцы из других частей Индонезии. Впрочем, участь их незавидна, поскольку зачастую их права на выделенную для переселения землю нарушаются сплошь и рядом. Обычным явлением являются претензии местного населения на соответствующие земельные участки, причем уже после того, как трансмигранты расчищают и подготавливают их для сельхозработ. Излишне говорить, что земельных сертификатов на эти участки у местных нет, и они просто утверждают, что работали на этой земле испокон веков. Власти на такие демарши просто закрывают глаза. Интересно, что трансмигранты страдают и от концессионеров, поскольку с ними зачастую не церемонятся, и на их землях ведутся без их согласия горнодобычные работы. Так, в деревне Бимор Джая в кечаматане Петасия Тимур, что в кабупатене Моровали 250 семей трансмигрантов из Восточной Нусатенгары, прибывших сюда в 1993 году, спустя 15 лет обнаружили, что и их поселение, и сельскохозяйственные угодья оказались в пределах никелевой концессии. Крупная горнодобычная техника нанесла большой урон трансмигрантским посадкам масличной пальмы. По дорогам их поселения стали регулярно курсировать многотонные грузовики, поднимающие облака пыли, что вело к возникновению многочисленных респираторных заболеваний у детей. В результате многие из них были вынуждены вернуться в свою провинцию[20].

Однако вопрос взаимоотношений горнодобывающих концессий и местного населения касается в неменьшей мере и коренных жителей. Существовавшая до 2015 г. практика выдачи лицензий на горнодобычную деятельность главами кабупатенов, бупати, зачастую не учитывала интересы местных жителей, проживающих на соответствующей территории. Получив это право в начале 2000-х гг., бупати в массовом порядке стали за серьезную мзду выдавать такие лицензии, не считаясь порой с реальной ситуацией, что приводило и к наложению лицензионных участков на существующие сельхозугодия местных, и к взаимоналожению различных горнодобычных участков. По-

скольку эти лицензии, как правило, получали богатые китайцы или предприниматели из Джакарты и Макассара, им было весьма нелегко договориться с местным населением о возможной компенсации, и обычно они пытались это сделать через глав местных деревень, которые также за деньги подписывали согласие на работу горнодобывающих предприятий не получив согласия всего населения, что иногда приводило к трагическим последствиям. Так, в июле 2012 г. жители деревни Малей в кечаматане Балесанг Танджунг кабупатена Донггала, возмутившись деятельностью золотодобывающей компании ПТ. Чахая Манунггал Абади, которая только собиралась проводить геологоразведочные работы на землях их деревни, сначала уничтожили лагерь компании и принадлежавшую ей технику, а затем разрушили дома тех местных жителей, которые были согласны на ее работу. В результате власти были вынуждены ввести в данный район подразделения полиции, которые в конечном итоге применили оружие, убив одного и ранив еще несколько человек. Необходимо отметить, что площадь концессии составляла 5000 га, тогда как площадь всех крестьянских плантаций – 4000 га. Крестьяне также опасались, что золотодобыча приведет к загрязнению местного озера Рано, в котором они разводили рыбу[21].

Транспорт

Серьезной проблемой в провинции является внутреннее сообщение. Хотя провинция относительно небольшая, однако расстояние между столицей Палу и, например, административным центром кабупатена Моровали, г.Бунгку составляет 600 км, что в условиях разбитых дорог занимает на автомобиле не менее 14 часов. По данным Службы общественных работ провинции, на ее территории протяженность дорог национального уровня составляет 2182 км, из которых 340 км имеют серьезные повреждения, а уже из дорог провинциального значения протяженностью 1619 км в плохом состоянии в 2014 г. были 728 км[22]. Сами жители провинции, кажется, уже привыкли к такому положению дел и спокойно отправляются в поездки по провинции длительностью 12 часов и более. Такое положение дел неминуемо сказывается на управляемости территорией и не

может не вести к развитию центробежных тенденций. Кроме того, тяжелая логистика существенно удорожает стоимость сельскохозяйственной продукции, производимой во внутренних районах провинции.

Главной причиной неудовлетворительного состояния дорог в провинции является, конечно, особенность рельефа Сулавеси, территория которого повсеместно покрыта горами, и, в условиях проливных тропических дождей, неминуемы сходы оползней, которые, и разрушают дорожное полотно. Бюджетных средств для оперативного ремонта у властей провинции, конечно, не хватает, а страдает порой и транссулавесийская магистраль, которая соединяет Северный, Центральный и Южный Сулавеси. Такой оползень, например, произошел в начале августа 2010 г. в деревне Темпемадоро кечаматана Лаге, что в 22 км к югу от г. Посо. В результате дорога оказалась серьезно разрушена, и Служба общественных работ кабупатена Посо была вынуждена в срочном порядке делать альтернативную дорогу для восстановления движения на транссулавесийской магистрали[23].

В силу недостаточного развития дорожной сети в ряде районов провинции многие ее населенные пункты труднодоступны и даже не обеспечены постоянно электричеством от госкомпании ПЛН. Такая ситуация, например, существует в горном районе Пипикоро, кабупатена Сиги, где сосредоточено 19 деревень с населением около 8 тыс. человек. Дороги к большинству населенных пунктов здесь представляют собой узкие, извилистые тропинки, зачастую зажатые между отвесными склонами и глубокими ущельями. Глубина последних, например, вдоль течения реки Ларианг достигает 100 м. Из-за таких сложных дорожных условий любая транспортировка в эти деревни становится крайне сложной, что автоматически удорожает любые товары для местных жителей. А проживает здесь этническая группа, именуемая «Topo Uma», что в переводе с местного языка означает «люди, говорящие на языке Ума». Главным занятием местных жителей является выращивание какао-бобов, вывоз которых из данного района также недешев. Так, например, доехать на мотоцикле из деревни Масево до районного центра кечаматана Кулави Тимур, селения Гимпу,

составляет 300 тыс.рупий с человека, а это всего 40 км. При перевозке же товаров цена составляет 2 тыс. рупий за кг, что также существенно удорожает крестьянскую продукцию. Достаточно сказать, что расстояние между, например, деревней Мапахи и столицей Палу составляет 147 км, а дорога в один конец занимает 7,5 часов[24].

В условиях сложной ситуации с сухопутными дорогами особое значение имеет транспортное сообщение по морю. Передвижение по морю на моторных лодках весьма дорогое удовольствие, поэтому основная часть пассажиров перевозится видавшими виды судами госкомпании Пелни, которые практически всегда ходят переполненными. В 2014 г. только по официальным данным, поток пассажиров через порты провинции составил около 750 тыс. человек, но реальный объем перевозки по морю, конечно, реально больше, поскольку значительная часть их осуществляется частными судовладельцами, которая обычно не учитывается официальной статистикой. При этом, в обоих случаях речь идет о перевозках как через крупные морские порты, так и через небольшие деревенские причалы, которые есть практически у каждого поселения, находящегося на морском берегу.

Аналогичным образом осуществляются и экспортно-импортные операции предприятий провинций, в рамках которых основной поток товарооборота осуществляется через порты городов Лувук, Посо и Колонодале, а также через порт Пантолоан города Палу. Вместе с тем, экспорт никелевой руды до его запрета осуществлялся непосредственно через причалы добывающих компаний, так называемые «джетти», от которых руда перевозилась на баржах до судна – морского перевозчика, как правило, грузоподъемностью 50 тыс.тонн. Местные глубины позволяют таким судам подходить на расстояние от нескольких километров до нескольких сотен метров от берега, где и происходит перегрузка руды с барж на судно.

Постепенно развивается в провинции и воздушное сообщение. Аэропортов в провинции пять: «Мутиара Сис Аль-Джуфри» - в столице, г. Палу, «Шюкуран Аминуддин Амир» - в административном центре кабупатена Бангей, г. Лувуке, «Касигунчу» - в г. Посо, «Погогул» - в кабупатене Буол и «Султан

Бантилан» - в Толи-толи. Первые три аэропорта принимают среднефюзеляжные самолеты, и эти города связаны с Джакартой прямыми рейсами. При этом, для целого ряда районов, того же Моровали, проще и ближе добраться в аэропорт г. Кендари, столицы Юго-Восточного Сулавеси. Сейчас, правда, завершается строительство еще одного небольшого аэропорта, который будет располагаться на равном расстоянии от административного центра кабупатена Моровали, г. Бунгку и административного центра Моровали Утара, г. Колонодале. Местный аэропорт с длиной взлетно-посадочной полосы 1400 м должен существенно упростить жизнь местных жителей, которым в качестве альтернативы путей в Палу или Кендари оставалась еще дорога до озера Матано, где в местечке Бетелеме нужно было сесть на паром до Сороако, находящимся уже в кабупатене Луву Утара провинции Южный Сулавеси, откуда уже далее на автомобиле до Макассара. Впрочем, и этот маршрут составляет все те же 600 км[25]. Как бы то ни было, в 2014 г. через аэропорты Центрального Сулавеси прошло более 600 тыс. пассажиров, основная часть которых – полмиллиона человек пришлась на аэропорт Палу. Следует подчеркнуть, что на местных линиях все самолеты обычно летают с максимальной нагрузкой: жители Центрального Сулавеси, как и большинство других индонезийцев, питают особую страсть к путешествиям и с удовольствием пользуются воздушным транспортом.

Энергетика

Развитие электроэнергетики в провинции до недавнего времени шло за счет преимущественного строительства электростанций, работающих на дизельном топливе и угле. При этом, из-за сложного топографического характера местности и удаленности многих горных районов, значительная часть Центрального Сулавеси вообще не была электрифицирована, и до сих пор многие ее жители электричеством не пользуются. Тем не менее, в последние годы госкомпания ПЛН постепенно начала охватывать, пусть и не в полном объеме, все новые и новые районы, ранее лишенные электричества. В 2014 г. выработка электроэнергии на Центральном Сулавеси составила 926,5 тыс.мегават/час, а общее количество пользователей, те

домохозяйств и различных предприятий, и учреждений превысило 457 тысяч. Конечно, в силу недостатка мощностей многие населенные пункты получают централизованно электроэнергию на 1 – 2 часа в сутки, а в остальное время, при необходимости, состоятельные местные жители вынуждены использовать электрогенераторы. И в крупных городах периодически происходят перебои с подачей электроэнергии, однако в самые последние годы ситуация в электроэнергетике провинции стала меняться в лучшую сторону самым кардинальным образом, что связано с вводом в строй гидроэлектростанции на реке Сулевана, вытекающей из озера Посо. ГЭС Сулевана, известная также под названием «Посо 2» как и многое другое на Сулавеси, принадлежит семейству нынешнего вице-президента Индонезии Юсуфа Калла через дочернюю структуру Калла Групп, ПТ.Посо Энерги. Введенная в строй в конце 2012 г. эта ГЭС имеет мощность 3 х 65 Мвт, стоимость же ее, по словам президент-директора Калла Групп, Фадмаха Калла, составила 3 трл.рупий (около 230 млн.долл). При этом, только в августе 2016 г. Посо 2 вышла на запланированную мощность в 195 Мвт, из которых 10 Мвт должны использоваться в самом Посо, а 90 МВТ – в Палу. Электроэнергия этой ГЭС должна обеспечить бесперебойное снабжение электричеством столицы провинции, которая до этого зависела от угольной электростанции Мпанау (27 мегаватт) и дизельной Силаэ (22 Мвт).[26] При максимальной нагрузке в Палу в 50 Мвт здесь нередко происходило отключение электроснабжения. Остаток мощности ГЭС будет использован для поставок электроэнергии в провинцию Южный Сулавеси по линиям электропередач протяженностью 209 км, которые, правда, еще предстоит построить. Пока же мощность станции используется лишь наполовину. Между тем, предполагается строительство еще двух блоков этой станции мощностью 95 Мвт каждый, введение в строй которых намечено на 2020 г. Одновременно ПТ. Посо Энерги собирается строить ГЭС Посо 1, которая, видимо, была запроектирована первой, мощностью 4 х 30 Мвт, а также Посо 3 мощностью 100 Мвт.[27]

Внутренняя напряженность

Следует отметить, что строительство ГЭС началось еще в 2004 г., когда в Посо в результате межрелигиозного конфликта было неспокойно, и первых строителей охраняла армия. Сразу после крушения режима Сухарто, в 1998 г. в Посо разгорелся конфликт между мусульманским и христианским населением этого кабупатена, который с той или иной степенью интенсивности продолжался до 2007 г., и унес жизни около 3000 человек[28]. Наиболее острая фаза его пришлась на период 1998 – 2000 гг., в результате чего были и многочисленные человеческие жертвы, и тысячи семей оказались в положении беженцев. Многие семьи остались без кормильцев, и детей приходилось отдавать в детские дома. По состоянию на 2006 г. из почти 30 тыс. детей школьного возраста в Посо менее половины имели возможность учиться. В отношениях двух общин возникла глубокая трещина, усугубляемая бездеятельностью властей по наказанию виновников массовых убийств и террора. Семьи жертв конфликта видели, что убийцы их близких безнаказанно живут по соседству с ними, что не могло не вызывать дополнительной напряженности, хотя в ходе конфликта в Посо началось и территориальное размежевание по религиозному признаку: если город Посо стал преимущественно мусульманским, то район Тентена – христианским.[29]

При этом необходимо отметить, что в самом Посо был район, который этот межрелигиозный конфликт абсолютно не коснулся, хотя здесь бок о бок живут представители обеих религий. Речь идет о долине Бада, где разместились два кечаматана: Лоре Барат и Лоре Селататан с населением около 9 тыс. человек, проживающих в 14 селениях. Местным мусульманам и христианам в самые жаркие периоды конфликта удалось избежать острых противоречий, как они сами объясняют, за счет приверженности трем основным принципам общежития: «pohalalu» - братство, «kahimbali» - коллективизм и «modame» - миролюбие[30].

Стоит отметить, что и другие районы провинции периодически становятся ареной различных социальных и бытовых конфликтов, возможно, замешанных на межэтнических разли-

чиях местного населения, что максимально замалчивается местными властями. Довольно ожесточенные и порой кровавые конфликты возникают в провинции по причине, казалось бы, незначительных споров. Так, в течение 2011 и начале 2012 г. происходили многочисленные стычки между жителями двух келураханов в г.Палу: Нуну и Таванджука, в результате которых были и человеческие жертвы, и раненые, и уничтоженное имущество. А поводом послужили разногласия населения этих микрорайонов относительно административной границы между ними. Этот вопрос оказался настолько принципиальным, что с разной степенью интенсивности длился в течение 17 лет. Только в течение января 2012 г. в ходе столкновений погибло два человека, и десятки были ранены[31]. Дерутся и жители соседних деревень, причем также с человеческими жертвами. Такая ситуация, например, сложилась в феврале 2012 г. в кабупатене Сиги, где произошли столкновения между жителями селений Олободжу и Ватиноджу, в результате которых один человек погиб, и были разрушены ирригационные сооружения, и каналы снабжения водой. Поводом же для этих стычек стали слухи, что житель деревни Ватиноджу пострадал от рук деревенских из Олободжу[32].

31 августа 2010 г., незадолго до мусульманского праздника Лебаран, разгорелся конфликт в далеком от столицы провинции кабупатене Буол, где местные жители вступили в противостояние с полицией. Поводом для конфликта стала смерть в полицейском участке одного из местных, который был задержан за транспортное происшествие с участием полицейского. Когда стало известно о смерти задержанного, тысячи разъяренных жителей пришли к полицейскому участку, требуя ответа от стражей порядка, последние же стали стрелять, что еще больше возбудило толпу, со стороны которой были задействованы «коктейли Молотова». В результате нескольких дней беспорядков, 8 убитых среди гражданских, десятки раненых и обожженных, в том числе со стороны полиции, сожжены полицейский участок и прочее полицейское имущество[33].

Центральный Сулавеси, в частности, район Посо в последние годы стал местом сосредоточения мусульманских террористов, возглавляемых неким Сантосо, группировка которо-

го, по некоторым оценкам, состояла из десятков человек. Террористы, которые скрывались в лесах в районе Посо, периодически нападали на полицейские патрули. Многие годы Сантосо был практически неуловим, однако 18 июля 2016 г. спецподразделению полиции все же удалось выследить и уничтожить Сантосо. В конце декабря 2016 г. спецназ индонезийской полиции Денсус 88 в столице провинции, г. Палу арестовал предполагаемого террориста Ирванто, известного также как Абу Мухаммад, который, по данным полиции, собирался осуществить серию взрывов самодельных бомб в период новогодних праздников в христианских церквях и местах проживания шиитской общины Палу. Ирванто, очевидно, планировал создать под своим началом новую террористическую группу посредством привлечения в нее молодых исламистов Палу, которые симпатизировали убитому Сантосо. Кроме того, в Посо, в районе Гунунг Биру продолжают действовать остатки группировки исламских моджахедов восточной Индонезии (МИТ), которую ранее возглавлял Сантосо, а также банда Бахрун Наима, связанная с Исламским государством[34]. Против остатков банды Сантосо в районе Посо в марте – апреле 2017 г. проводилась операция «Тиномбала», в которой были задействованы сотни полицейских и военнослужащих. Одновременно в кабупатенах Толи-Толи и Мутонг Париги было арестовано 9 предполагаемых террористов, которые, как считает местная полиция, через некоего проповедника Басри из Макассара поддерживали отношения с ИГИЛ и представляли собой новую группировку не связанную с Сантосо.[35]

[1] Kompas. Jakarta, 24.02.2012.
[2] Kompas. Jakarta, 03.06.2014.
[3] Kompas. Jakarta, 29.08.2014.
[4] Kompas. Jakarta, 19.11.2011.
[5] Kompas. Jakarta, 02.05.2011.
[6] Tempo. Jakarta, 23.02.2014.
[7] Kompas. Jakarta, 20.02.2012.
[8] Kompas. Jakarta, 07.05.2012.
[9] Kompas. Jakarta, 03.10.2013; 18.10.2013.

[10] Kompas. Jakarta, 06.11.2011; 13.10.2015.
[11] Jakarta Post. Jakarta, 25.02.2014.
[12] Tempo. Jakarta, 30.06.2013.
[13] Pamor Sulteng. Bungku, No.99/2013.
[14] Kompas. Jakarta, 27.02.2014.
[15] Kompas. Jakarta, 31.05.2012.
[16] Kompas. Jakarta,10.01.2012.
[17] Kompas. Jakarta, 07.02.2012.
[18] Kompas. Jakarta, 13.09.2011.
[19] Kompas. Jakarta, 02.09.2016.
[20] Kompas. Jakarta, 07.09.2012.
[21] Kompas. Jakarta, 27.07.2012.
[22] Kompas. Jakarta, 27.02.2014.
[23] Koran Tempo. Jakarta, 04.08.2010.
[24] Kompas. Jakarta, 10.10.2015.
[25] Kompas. Jakarta, 22.02.2012.
[26] Kompas. Jakarta, 28.05.2012.
[27] Kompas. Jakarta, 31.08.2016.
[28] Kompas. Jakarta, 10.03.2011.
[29] Kompas. Jakarta, 14.08.2006.
[30] Kompas. Jakarta, 11.11.2011.
[31] Kompas. Jakarta, 08.02.2012; 26.01.2012.
[32] Kompas. Jakarta, 18.02.2012.
[33] Kompas. Jakarta, 05.09.2010.
[34] Jakarta Post. Jakarta, 02.01.2017.
[35] Koran Tempo. Jakarta, 13.03.2017.

© ***Петрова О.Л.***
ИВ РАН

ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО МЕНЬШИНСТВА в ИНДОНЕЗИИ в СВЕТЕ ИНДОНЕЗИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Китайская диаспора в Индонезии является одним из самых крупных зарубежных китайских сообществ. Она занимает важное положение в социально-экономической структуре страны. Однако в силу комплексных явлений индонезийской действительности национально-этнические конфликты занимают заметное место в современном обществе. Основными причинами антикитайских настроений можно назвать следующие представления о китайцах у основной массы индонезийского населения:

1) Китайцы – немусульмане;

2) Китайцы – тайные агенты, работающие на благо КНР;

3) Китайцы господствуют на рынках и несут ответственность за все, что происходит в экономике страны, включая благосостояние населения.

И если второй фактор наиболее явно проявлял себя в 1960-х гг., то два других актуальны и по сей день. Большинство нападений на этнических китайцев осуществляется мусульманскими организациями или под лозунгами ислама. Как и у общества в целом, неприязнь таких организаций к этническим китайцам носит комплексный характер и часто переплетается с пунктом три. В 1990-х гг. переплетение антикитайских и антихристианских настроений укрепилось. В 1996 г. в Ситубондо, Восточная Ява, были разрушены 27 церквей и один китайский храм после того, как местные мусульмане посчитали вынесенный судом приговор по делу о богохульстве слишком мягким. А в 1997 г. на Западной Яве, в городе Ренгасденгклок, антикитайский погром разразился после того, как местный китаец в грубой форме выразил протест против шума барабанов в местной мечети, которые должны были разбудить верующих на трапезу до восхода солнца во время месяца Рамадан. Помимо

разрушенных в итоге десятков магазинов этнических китайцев, разгромленных жилых домов, церквей и храмов, китайца приговорили к 3,5 г.м тюремного заключения за богохульство. Антикитайские движения, сопровождаемые погромами, превратились в некое ритуальное действо, для которого достаточно всего одной искры.

Последний фактор со временем становится только заметней. Китайцам не могут простить их экономического превосходства.

Хотя индонезийские китайцы составляют около 3-6% населения Индонезии, они являются доминирующей силой в экономике. В настоящее время нет статистических данных, но, по данным газеты «The Jakarta Globe», в 1995 г. в докладе аналитического отдела департамента иностранных дел и торговли Восточной Азии (East Asia Analytical Unit Department of Foreign Affairs and Trade) было подсчитано, что китайские индонезийцы владеют 68% из 300 крупнейших конгломератов в стране[1].

Возможно, это не означает, что китайские индонезийцы контролируют почти 70% экономики Индонезии, но их доля значительна и статистически несоизмерима с их численностью. Это вызвало возмущение, а в некоторых случаях негодование со стороны остального населения страны, явление, часто упоминавшееся во время правления президента Сухарто (1966-1998 гг.) как «социальная зависть».

Фактор «социальной зависти» сохраняется и сегодня. В некотором роде он принял новую форму, учитывая, что после падения Сухарто китайским индонезийцам было дано разрешение на выражение своей культуры и самобытности, и поэтому они стали более заметными, чем когда-либо.

На пленарном заседании функционеров Надхатул Улама (НУ) в июле этого г. бывший министр и мусульманский ученый профессор Рокхмин Дахури (Rokhmin Dahuri) в своем выступлении сказал: «Факт остается фактом: хотя мусульмане составляют 87% населения страны, они контролируют лишь 12% экономики Индонезии»[2]. Это заявление отражает разочарование многих мусульман Индонезии, поскольку они видят, что самый большой кусок «экономического пирога» по-прежнему ускользает от них.

Вместе с тем, нет оснований полагать, что мусульмане выталкиваются из экономического сектора китайскими индонезийцами. В последнее десятилетие виден значительный рост мусульманского предпринимательства в Индонезии, особенно среди молодежи. Например, Сандиага Салахудин Уно. Когда компания в США, где он работал вице-президентом, обанкротилась, С. Уно решил вернуться на родину и основал PT Recapital Advisors – консалтинговую компанию для предпринимателей, а позже он выступил в роли сооснователя одной из ныне крупнейших инвестиционных компаний в Индонезии Saratoga Capital. В 2009 г. его удостоили 29-м местом в рейтинге самых богатых людей Индонезии по версии Forbes. Эрик Тохир – индонезийский бизнесмен. Является основным владельцем американского футбольного клуба (ФК) D.C. United и индонезийского ФК Persib Bandung[3].

Суси Пуджиастути – индонезийская предпринимательница и государственный деятель, министр по делам водных ресурсов и рыболовства Индонезии (с 2014 г.). Владелец компании по экспорту морепродуктов PT ASI Pudjiastuti Marine Product, а также чартерной авиакомпании PT ASI Pudjiastuti Aviation, более известной как Susi Air. Начала карьеру предпринимателя, став дистрибьютором морепродуктов на рыбном аукционе в Пангандаране.

Вице-президент Юсуф Калла был генеральным директором NV Hadji Kalla, и генеральным директором дочерних компаний предприятий. Компания NV Hadji Kalla расширилась и стала предлагать услуги в таких сферах, как гостиничный бизнес, строительство, продажа автомобилей, морские перевозки, недвижимость, транспорт, телекоммуникации, также у компании появились фермы по выращиванию креветок.

И, разумеется, сам нынешний президент Джоко Видодо, который начал свою карьеру с мелкого мебельного бизнеса, а к началу 2000-х годов руководил крупной древесинно-мебельной фирмой. И в ходе его президентской избирательной компании в 2014 г. ходили слухи, что он является скрытым христианином китайского происхождения и марионеткой Пекина, но, несмотря на это он выиграл выборы[4]. Отметим, что еще раньше, во время президентской компании Мегавати Сукарнопутри, ве-

лись жаркие споры о том, может ли женщина быть президентом?[5]

Одной из причин, по которой китайские индонезийцы доминируют в экономическом секторе, было то, что они сталкивались там с меньшим количеством препятствий как до, так и во время 32-летнего правления Сухарто. Второй же причиной было то, что они чувствовали себя в экономике, как рыбы в воде, обладая природными инстинктами, крепкой хваткой и связями. Поэтому им довольно легко давались такие области, как бизнес и торговля.

Профессор Баскара Т. Вардайа, профессор университета Саната Дхарма (Sanata Dharma University) в Джокьякарте, который изучает роль Холодной войны в истории Индонезии, сказал следующее: «Сухарто использовал внутренние элементы, которые уже существовали, например, некоторые антикитайские настроения, а также геополитическую ситуацию и предполагаемую угрозу коммунизма, чтобы выработать свою политику в отношении местного китайского населения. Но это была дискриминация с неравномерными результатами: индонезийским китайцам фактически запретили участвовать в общественной жизни, в политике и армии, а их детям было трудно поступать в государственные школы или университеты. В то же время Сухарто полагался на влиятельных китайских бизнесменов для строительства экономики, и многие из них стали очень богатыми, в то время как обычные китайские граждане остались позади»[6].

В 1998 г. по всей стране вспыхнули антикитайские беспорядки, поскольку цены на основные потребительские товары резко подскочили, и в этом кризисе страны население обвинило бизнесменов из группы меньшинства. Многие предприниматели китайского происхождения тогда покинули Индонезию.

С начала 1999 г. китайские погромы прекратились, а в выступлениях высших должностных лиц Индонезии зазвучали призывы к китайцам принять участие в восстановлении экономики страны. Президент Бахаруддин Юсуф Хабиби инициировал компанию по возврату этнических китайцев в Индонезию и отменил официальное употребление терминов «коренной» и «некоренной», чтобы стереть границы между коренными индо-

незийцами и этническими китайцами. В мае 1999 г. был снят запрет на использование и преподавание китайского языка в школах. К концу 1999 г. заметно возросла активность китайских бизнесменов на джакартской фондовой бирже.

После падения режима «нового порядка» участие китайцев в политической жизни Индонезии возросло, что выразилось в частности в создании организаций, которые отражали бы и защищали их интересы. Новообразованные организации, как правило, делятся на два типа:

1) «Интеграционистские» – выступающие за интеграцию китайцев в индонезийское общество, при сохранении их языка, культуры и традиции;

2) «Ассимиляционистские» – выступающие за полное «растворение китайцев» в индонезийском обществе.

Постсухартовский период для этнических китайцев в целом можно назвать достаточно благополучным. Сменявшие друг друга правительства постепенно отменяли законы, носившие дискриминационный характер. Появилась возможность в реализации прав и культурного возрождения. В феврале 2001 г. был снят запрет на ввоз книг, журналов и музыкальных записей на китайском языке[7]. В 2002 г. начали создаваться факультеты китаеведения в индонезийских университетах, появились центры по изучению культуры и традиций Китая. Китайцы получили право отмечать свои традиционные праздники.

Однако китайцы до сих пор чаще других сталкиваются с противоправными действиями чиновников, вымогательством за получение обычных документов или при записи детей в школу[8]. За медицинское обслуживание китайцам нередко приходится доплачивать из-за общественного мнения об их богатстве, а медицинский персонал может проявлять грубость и невнимательность.

Отметим, что до 1965 г. официальное название Китая поиндонезийски было «Tiongkok», а прилагательное «китайский» – «Tionghoa». При «новом порядке» практически официально было введено в обоих случаях «Tjina» (позже «Cina»), которое ранее было сугубо оскорбительным. В период реформ было изначально введено нейтральное «China», а затем официальные органы и СМИ вернулись к варианту досухартовской эпохи,

хотя некоторые органы печати и публичные деятели до сих пор демонстративно оперируют термином «Cina».

Выборы

Басуки Чахая Пурнама «Ахок» – первый этнический китаец, ставший губернатором Джакарты, и первый немусульманин, занявший этот пост за последние полвека. Выдвинутое против него обвинение в богохульстве подняло волну недовольств по всей стране, и пробудило радикальные исламские группировки, утверждающие, что выступают от лица всех мусульман. Неумолимая мстительность против губернатора, который вел кампанию за свой второй срок на предстоящих губернаторских выборах, исключительна по всем стандартам. Напомним, что Ахок был обвинен в богохульстве и осквернении ислама, когда на предвыборном митинге он попросил не поддаваться призывам исламистских лидеров, утверждающих, что Коран запрещает мусульманам подчиняться представителям других религий[9]. Некий пользователь Facebook по имени Буни Яни выложил выступление Ахока на своей странице в отредактированном виде. В результате его редактуры у читателя невольно складывалось впечатление, что губернатор Пурнама обвинял в ошибках не религиозных деятелей, а Коран и, следовательно, всю религию[10]. Сестра Ахока, Фифи Лети Индра, возглавляющая собственную команду юристов, утверждает, что ни один из свидетелей, которые давали показания против Ахока, не слышали, что он сказал на самом деле в своей предвыборной речи[11]. Ахок не раз извинялся за свое высказывание и объяснял, что его слова вырвали из контекста, и он никогда не сказал бы ничего подобного. Однако консервативные группы мусульман не приняли его извинения.

Самого Буни Яни тоже ожидает суд. Ему предъявлено обвинение по статье 28 Закона об электронной торговле (Electronic Information and Transactions (ITE) Law), в котором содержится максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком на шесть лет. Буни, о котором полиции Джакарты сообщили сторонники Ахока, сказал, что он загрузил видео только для обсуждения со своими друзьями в Facebook. Тем не

менее, Буни признался, что в ходе «редактирования» допустил искажение контекста речи Ахока[12].

Тем не менее, атмосфера в Джакарте оставалась напряженной. Массовые выступления против Пурнама придали его политическим противникам и исламским радикалам уверенность. При этом жертвой их гнева являлись не только христианский губернатор, но и китайцы, которые занимаются в основном бизнесом и финансами. Многие этнические китайцы с тревогой следили за событиями в столице. По их словам, такой напряженности не было с 1998 г., когда по всей стране прокатилась волна китайских погромов и кровавых столкновений между мусульманами и христианами.

По количеству ложных новостей Индонезия заняла одно из лидирующих мест на планете. Немало придуманных новостей было направлено против этнических китайцев. К примеру о том, что индонезийские китайцы объединились с сородичами из Китая и плетут с Пекином заговоры против Индонезии. А Китай намерен вторгнуться в Индонезию и пытается разрушить индонезийскую экономику при помощи «биологического оружия» — отравленных семян перца чили. Инцидент с перцем действительно имел место быть. В одном из отчетов по нарушениям со стороны иностранных граждан были указано, что нескольких китайцев поймали за посадкой перца чили, содержащего вредоносные бактерии[13]. Индонезийские власти заявили, что бактерии на семенах, изъятых на ферме в 60 км от Джакарты, безвредны для человека, но могут плохо сказаться на посевах[14]. Как заявил глава карантинного учреждения Индонезии, это был первый случай обнаружения подобной бактерии в стране. Событие сразу получило огласку в СМИ, которые поспешили сделать виновными четверых рабочих китайского происхождения, игнорируя тот факт, что тридцать остальных были индонезийцами. Посольство Китая в Индонезии, опровергнув подобные слухи, выразило тревогу по поводу количества искаженных СМИ фактов, касающихся этого вопроса[15]. Особенно по поводу новости про «биологическое оружие», которое отозвалось волной антикитайских волнений: «мы надеемся, что этот вопрос никак не затронет двусторонние отношения и дружбу народов Китая и Индонезии». Проблема китай-

ских мигрантов то и дело появляется в виде сообщений о ликвидированной подпольной деятельности или жалоб о том, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения, а безвизовая политика, направленная на привлечение туристов, лишь способствует этому. Китай стоит на первом месте по таким нарушениям[16].

На Восточной Яве из общего числа иностранных рабочих (3,460) 40% были из Китая. Они работали в промышленных районах и 44 из них не имели действующих разрешений. Министр трудовых ресурсов и миграции Мухаммад Ханиф Дахири заявил, что правительство делает все, чтобы контролировать компании, вербующие иностранных рабочих, но не выполняющие требования, обговоренные в регламенте[17]. Очень часто компании, нанимающие иностранных рабочих, у которых есть лицензии, в дальнейшем не проверяют их по истечении срока этих лицензий.

Президент счёл необходимым лично опровергнуть слухи о том, что в Индонезии работают несколько миллионов китайских рабочих-мигрантов. Реальное число их, по его словам, составляло 21 000. По его указанию полиция начала поиски распространителей этих слухов[18].

Среди криков «кафир» (неверный) трудно было избежать впечатления, что протесты были частично подкреплены статусом Б. Пурнама как двойного меньшинства. Тревожно то, что это дело, похоже, использовали, чтобы возбудить антикитайские настроения с целью разжигания общественного недовольства.

Синофобные (антикитайские) настроения в Индонезии, несомненно, усугублялись тем фактом, что большинство китайских индонезийцев принадлежат к религиозным меньшинствам, особенно к христианству и буддизму.

И все же беспорядки, устраиваемые из-за скандала с Ахоком, не идут в сравнение с беспорядками 1998 г.

Газета «The Jakarta Post» 10 декабря 2016 г. опубликовала у себя интересное письмо одного из молодых участников Большого Протеста 212 (прошедшего 21 февраля), в защиту оскорбленных Ахоком чувств мусульман. В нем можно увидеть такие моменты:

«Дорогая тетя Дви,

Спасибо, что спросила, безопасно ли мне участвовать в Большом Протесте 212… Они говорят, что числа посылают нам знак, но не говорят, что они значат. На нашей улице под номером 212 живет мусорщик, и на его доме есть знак. Может в этом дело…»

В этом же письме автор рассказывает, что когда они ехали в автобусе, её подругу укачало, и её второй друг сделал колкое замечание по этому поводу, сказав, что виной всему демон, которого она проглотила. Когда ему ответили, что она съела только шоколад, он сказал: «Должно быть, китайский».

«…Каждые 10 минут кто-то давал мне ланч-бокс или просил помахать плакатом. Я не знаю, что на них говорилось, поскольку надписи были жуткими и красными с изображением заключенного, трясшего прутья решетки. Кто-то сказал, что его имя Ахок и он плохой человек, но изображение показало его просто грустным. Еще они сказали, что он китаец, но я думала, что если он родился здесь, разве это не делает его индонезийцем?..»[19].

Изучая это письмо, можно сделать вывод, что не все участники протеста осознавали, что делают и против чего протестуют. Можно заметить, что есть и второй сегмент, который как раз разжигает нетерпимость. Во время протеста автор этого письма обмолвилась: «Боже мой», на что мрачный сосед сказал ей быть осторожнее с высказыванием, а то можно попасть в ад. Итак, можно наблюдать разделение на два лагеря, один из которых привержен «единству в многообразии», а второй продолжает подливать масло в огонь.

Китайскому меньшинству в Индонезии сейчас с одной стороны стало «легче дышать», но с другой они все так же дискриминируются, а иногда принимают слишком близко к сердцу то, что дискриминацией не считается. Например, когда Себастьян Уилли купил крошечный участок для строительства складского помещения, правительственные чиновники в центре острова Ява преподнесли ему неприятный сюрприз. Он не мог зарегистрировать покупку, так как земля принадлежала султану. Но он решил, что это все потому, что он был китайского происхождения. И тот факт, что семья мужчины уже несколько

поколений жила на этой земле не имел значения и не делал его «коренным индонезийцем». Однако в повседневной жизни, он не чувствовал никакого отличия: «я не чувствую, что обычные люди относятся ко мне по-другому из-за того, что я китаец. Мы прекрасно ладим»[20].

Сипут Локасари оказался в похожей ситуации. Его жена купила землю, чтобы открыть магазин рядом с аэропортом, но земля все равно не считалась принадлежащей им. Они должны были арендовать свою же землю у султана (там вся земля принадлежит султану), с чем они не согласились. Сипут, вместе с Себастьяном, пытались обратиться с этим делом непосредственно к правительству, но ответа так и не получили.

«Мы - меньшинство. И раньше была дискриминация, и хотя сейчас закон на нашей стороне, многие другие люди все еще боятся высказываться», сказал он[21].

Другие местные китайские индонезийцы, пожелавшие сохранить анонимность, заявили, что у них были подобные проблемы, но они предпочли не высказываться публично, из страха навредить себе.

«Сейчас гораздо меньше дискриминации по отношению к гражданам китайского происхождения, чем в эпоху Сухарто, но здесь все еще нужно многое сделать, и это ощущается», - сказал Буди Сетьяграха (Budi Setyagraha), глава Джокьякартского отделения китайской мусульманской ассоциации Индонезии. «И это не только экономическая проблема, но и символическая. Мы все строили эту нацию, и все мы заслуживаем того, чтобы к нам относились одинаково»[22].

Маргарета Диана, описывая собственный опыт, также выделяет некоторые острые углы в этом вопросе. Сама она родом из смешанной семьи, где отец был китайского происхождения. И несмотря на то, что она родилась в Индонезии, общество причисляло ее к китайцам. Делясь опытом, Маргарета рассказывает, что ее глубоко задевает такое положение. Ходят разговоры, что с китайцами нужно быть осторожней, а то они возьмут всю страну под контроль, как сделали это с экономикой (игнорируя тот факт, что многим предприятиям пришлось потрудиться, чтобы выжить и добиться определенного статуса); все китайцы в стране верны Пекину, они просто ждут своего

часа. Она не выбирала, где и кем ей родиться, и уж точно не плетет никаких заговоров. Она индонезийка по матери, но считается иностранкой. Маргарета говорит, что людям достаточно увидеть разрез глаз и больше они ничего не хотят знать. Закон о гражданстве 1945 г. и его изменения в 1958 г. (Закон № 62), должны были исправить проблему индонезийских китайцев, дав им гражданство. Однако получение такого гражданства уже тогда оказалось неимоверно сложным. В результате, индонезийские китайцы по-прежнему считались иностранцами или потомками иностранцев, что не играло особой разницы[23]. Из-за религиозных различий смешанные браки были редки и юридически сложны, что лишь увеличивало дистанцию между коренным населением и китайским. Когда речь идет о школах, то 60% мест предназначены индонезийцам, а 40% иностранцам, и дети индонезийских китайцев, даже если они всю жизнь прожили в Индонезии, попадают в эти 40%. Маргарет переживает, что сложившийся образ толстосума-китайца, заправляющего всем бизнесом, распространился на всех индонезийских китайцев, вне зависимости от реального положения дел. Она просто хочет мирно жить в своей стране, которая именуется Индонезией, а не КНР.

В среду 19 апреля 2017 г. губернатор Джакарты Б. Пурнама Ахок уступил сопернику Анису Басведану бывшему министру культуры и образования на втором туре губернаторских выборов, набрав 42%, в то время как Анис победил с 58%. После поздравлений победителя, Ахок призвал своих сторонников двигаться дальше и оставить позади выборы, которые, по оценкам многих, затронули самые острые и спорные вопросы[24].

После поражения Ахока, в мэрию Джакарты стали присылать множество букетов и других цветочных композиций, вскоре улица перед мэрией начала пестрить благодарственными посланиями и добрыми пожеланиями[25]. Народ показал поддержку Ахока даже в его поражение. К вечеру 27-ого августа насчитывалось более 2 000 венков, и они были перемещены на центральную площадь города[26]. «Цветочная дорога» перед мэрией стала настоящим магнитом, из-за которого и без того трудное движение на дороге стало почти непроходимым[27]. Машины замедлялись, а люди стремились сделать лучший

снимок на фоне красочных плакатов. Цветочный рынок Западной Джакарты в этот период был перегружен заказами. Количество желающих выразить Ахоку благодарность за годы губернаторства оказалось огромным. Некоторые магазины даже вынуждены были закрываться раньше из-за переутомления сотрудников[28].

Ахок для большинства остался смелым и не коррумпированным государственным чиновникам, который многое сделал для улучшения благосостояния народа. Его популярность вышла за приделы Явы, побудив людей приезжать с других островов, чтобы выразить ему поддержку. Например, жительница Джаяпуры в Папуа, потратив значительную сумму денег на билет, прилетела вместе с семьей в Джакарту, чтобы встретиться в Ахоком. Элизабет Меме Дасион приехала с Восточных Малых Зондских островов и прождала пять часов, прежде чем встреча с Ахоком состоялась[29]. Мэрия превратилась в одно из популярных туристических мест, где люди стремятся сфотографироваться и поприветствовать своего кумира. Службе безопасности даже пришлось создать ряд правил, чтобы контролировать поток желающих встреться с Ахоком. В мае, к печали многих, часть цветочных венков была сожжена. Кандидат на пост вице-губернатора Джакарты Сандиага Уно тоже выразил сожаления по этому поводу. Руководитель муниципальной полиции Джакарты Джупан Роитер (Jupan Royter) извинился за произошедшее, объяснив, что это часть плановой уборки улицы[30].

Нельзя точно сказать насколько обвинения в богохульстве повлияли на поражения Ахока. По данным опросов исследовательских групп, победа А. Басведана была ожидаема, так как он пользовался поддержкой таких коалиций, как партия Движение за Великую Индонезию, «Гериндра» и исламоориентированная Партия справедливости и процветания[31], в то время как за Ахока выступали Демократическая партия Индонезии, Голкар и Партия единства и развития. Позднее политический деятель, генерал-лейтенант в отставке и главный покровитель партии «Гериндра» Прабово Субианто сказал, что победа А. Басведана была во многом обязана роли мусульманского духовенства, ко-

торая, по его мнению, была намного больше, чем роль политических деятелей на этих выборах[32].

Тянувшееся ни один месяц судебное разбирательство по делу Ахока 9 марта завершилось тем, что Окружной суд Северной Джакарты признал его виновным в богохульстве и осудил на два г. тюремного заключения. Ахок, чей губернаторский срок окончится в октябре, заявил, что намерен обжаловать вердикт[33]. Приговор суда противоречил обвинению, которое не содержало признания вины в богохульстве, а обвиняло в оскорблении улемов. У обвинения не было никаких прямых доказательств его вины, и оно настаивало на годе условного тюремного заключения с испытательным сроком два г.[34]. Решение суда вызвало волну резонанса по всей стране, разделив людей на два противоборствующих лагеря: те, кто требует отмены приговора и те, кто согласен с решением, хотя были и те, кто не удовлетворен столь маленьким сроком. Партия «Гериндра» и Партия справедливости и процветания поддержали приговор, заявив, что он имеет убедительные юридические доказательства[35]. Совет улемов Индонезии попросил народ уважать решение суда[36]. Того же мнения придерживается президент Д. Видодо заявивший, что все должны уважать судебный процесс и верить в юридические механизмы решения[37], он добавил, что правительство не может вмешиваться в судебный процесс. Хотя до этого президент не скрывал своих симпатий к Ахоку, который был его замом на посту губернатора Джакарты. Сразу после объявления вердикта, министр внутренних дел Нидонезии Чахьо Кумоло назначил заместителя губернатора Джакарты Джарота Саифула Хидаят исполняющим обязанности губернатора. В своем выступлении Чахьо Кумоло пояснил, что целью назначения является предотвращение образования силового вакуума в городской администрации[38]. Ч. Кумоло также сказал, что Д. Хидаят будет занимать эту должность, пока более высокий суд не отменит решение по делу Ахока, или до окончания его губернаторского срока.

Возмущение сторонников Ахока благодаря социальным сетям распространилось далеко за приделы Джакарты. Среди сообщений в Твиттере можно прочесть упреки в сторону правовой системы и удивление, что, учитывая сколько индонезий-

ских политиков заслуживают этого больше, к тюремному заключению приговорили именно Ахока. Малайзийский политик в своем сообщении указывал, что приговор глубоко обескуражил не только Индонезию, но и весь регион АСЕАН[39]. Помимо сообщений на просторах интернета легко можно найти карикатурные рисунки, саркастически высмеивающие происходящее. В числе возмущенных решение и группа по защите прав человека «Amnesty International», которая заявила, что решение суда подрывает статус Индонезии, как толерантной нации и должен быть немедленно отменен[40]. Согласно данным «Amnesty International», закон о богохульстве 1965 г. при президенте Сухарто применился только к десяти людям. После 1998 г. это число увеличилось, и в период между 2005 и 2014 гг. количество людей, осужденных по закону, достигло 106[41].

Тем не менее, даже если противникам Ахока удалось пробудить некие антикитайские и антихристианские настроения, они явно были намного слабее и не вызвали цепной реакции, которую можно было бы ожидать в 1990-х гг. С другой стороны, мы не знаем и уже не узнаем, что было бы в случае победы Ахока. Занятным фактом является то, что среди сторонников Басведана есть этнический китаец и миллиардер Хари Танусудибьо (Hary Tanoesoedibjo), но во время нападок на Ахока, Хари остался вне синофобных радаров, что может говорить о некой направленности и инструментальности этих волнений.

Антикитайские настроения, как и религиозные чувства, использовались группировками, боровшимися за весьма доходное место губернатора Джакарты. При этом самого Ахока никто не мог обвинить в коррупции и корыстолюбии. В то же время следует признать, что эти настроения оказались менее глубокими и взрывоопасными, чем в 1998 г., и это явное следствие демократических реформ, открытости (индонезийский синоним гласности), как бы сложно они ни развивались. Неоднозначное поведение КНР в Южно-Китайском море тоже не усилило эти настроения, и в ходе компании никаких выпадов в сторону Пекина не было.

Важной задачей для индонезийского правительства является необходимость контролировать антикитайские настроения, которые, хоть со временем и начали проявляться слабее,

но продолжают играть не последнюю роль в индонезийском обществе. Расовые проблемы – легкий способ породить различные виды конфликтов, особенно по религиозным вопросам. Поэтому религия не должна быть политизирована в пользу местных выборов, особенно в процессе кампании. Порой возникающие антикитайские движения являются умелым инструментом в руках политиков в борьбе за свои интересы и доходные места. Такие инструменты продолжают использоваться во внутриполитических целях и нередко вызывают опасения, что в случае обострения отношений с Китаем могут вспыхнуть новые беспорядки.

Демократия требует толерантности, и все должны быть в состоянии понять друг друга. Индонезия является красочной и разнообразной страной во всех отношениях, но только чувство единства способно помочь избежать раскола.

Дело Ахока стало очередным тестом на зрелость и устойчивость индонезийской демократии. Этот тест дал тревожные результаты, по крайней мере, в двух отношениях: сохранившаяся угроза радикального исламизма и отсутствие достаточной солидарности среди элиты, некоторые круги которой готовы ставить под угрозу идеалы демократии, национальное единство и конституционные нормы ради своих узких материальных и политических интересов.

[1] The Jakarta Globe, 19.12.2016.
[2] The Jakarta Globe, 19.12.2016.
[3] The Jakarta Globe, 19.12.2016.
[4] Reuters.com, 16.12.2016.
[5] Koran Metro, 19.10.2016.
[6] Astro Awani, 19.03.2017.
[7] «How to be Chinese» Chang-Yau Hoon (University of Western Australia).
[8] The Straits Times, 03.02.2006.
[9] The Jakarta Post, 28.02.2017.
[10] The Jakarta Post, 06.12.2016.
[11] Мировые Христианские Новости – МХН, 21.01.2017.
[12] The Jakarta Post, 06.12.2016.
[13] REPUBLIKA.CO.ID, 20.12.2016.

[14] Indonesia Expat, 28.12.2016.
[15] Reuters.com, 16.12.2016.
[16] REPUBLIKA.CO.ID, 20.12.2016.
[17] REPUBLIKA.CO.ID, 18.12.2016.
[18] suaramerdeka.com, 24.12.2016.
[19] The Jakarta Post, 10.12.2016.
[20] Astro Awani, 19.03.2017.
[21] Astro Awani, 19.03.2017.
[22] Astro Awani, 19.03.2017.
[23] Tempo.co, 11.04.2017.
[24] The Jakarta Post, 19.04.2017.
[25] suaramerdeka.com, 26.04.2017.
[26] The Jakarta Post, 27.04.2017.
[27] Antara News.com, 26.04.2017.
[28] REPUBLIKA.CO.ID, 27.04.2017.
[29] The Jakarta Post, 29.04.2017.
[30] suaramerdeka.com 02.05.2017.
[31] The Jakarta Post, 20.04.2017.
[32] The Jakarta Post, 20.04.2017.
[33] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[34] The Jakarta Post, 10.05.2017.
[35] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[36] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[37] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[38] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[39] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[40] The Jakarta Post, 09.05.2017.
[41] The Jakarta Post, 09.05.2017.

© ***Ефимова Л.М.***
МГИМО (У) МИД России

РОССИЙСКО – ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСЛАМСКИЙ ВЕКТОР

Основная задача исследования — показать значение исламского вектора российско-индонезийских отношений, вытекающее из национальных интересов страны в контексте усиления воздействия ислама на мировую политику.

Исламский мир стал важным игроком на мировой арене. РФ развивает с миром ислама плодотворное сотрудничество, что отвечает её национальным интересам. Для России важно разработать формы и методы использования исламского фактора во внешней политике. Первостепенное значение приобретает развитие двусторонних отношений с мусульманскими государствами.

Индонезия является самой крупной страной исламского мира, влиятельным центром умеренного ислама. Она также проявляет интерес к упрочению связей с РФ в мусульманской сфере, поскольку индонезийские мусульмане видят в России единственный центр силы, способный противостоять превращению мирового порядка в однополюсный. Такие связи становятся дополнительным каналом взаимовыгодных гуманитарных контактов.

Разнообразные связи по линии ислама с Индонезией открывают для России новые возможности для активизации деятельности в мировой мусульманской умме, поскольку этот вектор может служить одним из эффективных инструментов «мягкой силы» во внешней политике. Очевидно, что анализ исламского аспекта взаимодействия России и Индонезии приобретает политическую и научную актуальность.

Представляется важным ответить на вопрос: какие формы и методы двусторонних отношений в сфере ислама складываются между РФ и РИ и как они работают в национальных интересах обеих стран.

Следует подчеркнуть, что ни в отечественных, ни в зарубежных научных исследованиях современных двусторонних российско-индонезийских отношений исламскому вектору практически никакого внимания не уделялось.

Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа документов, научных статей, сообщений СМИ.

Россия и исламский мир

В качестве партнёра Москвы исламский мир занимает третье место после Запада и Китая. Развитие сотрудничества РФ с мусульманскими странами вытекает из национальных интересов страны в контексте усиления воздействия ислама на мировую политику. За всю историю отечественной государственности В. В. Путин стал первым, кто официально признал на высшем уровне, что Россия – «и мусульманская страна»[1]. Президент неоднократно подчёркивал, что российские мусульмане имеют полное право чувствовать себя частью глобальной уммы, а сама Россия всегда была и остаётся геополитическим союзником ислама[2]. В Концепции внешней политики РФ поставлена задача «развивать, в том числе с использованием ресурса общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, уделяя особое внимание межрелигиозному диалогу»[3].

Одной из главных составляющих положительного образа России является утверждение на международной арене и в мусульманском мире в частности, представления о России как о стране, где победил мультикультурализм. Межнациональное и межконфессиональное содружество является опорой российской государственности. В стране отсутствует исламофобия. Президент РФ подчеркнул, что «российские мусульмане – это неотъемлемая, полноценная и полнокровная часть многонационального и многоконфессионального народа России. И мы видим в такой межрелигиозной гармонии силу страны. Видим ее достояние, богатство и преимущество»[4].

Внешнеполитическая стратегия РФ предусматривает особые отношения с мусульманским миром. Они строятся на том, что Россия является преимущественно христианско-исламской, страной, и это предопределяет ее право на одновременное пребывание сразу в обеих цивилизациях. Религиозные связи представляют собой дополнительный дипломатический канал. Исламский аспект внешней политик России призван сыграть серьезную роль в урегулировании противоречий и смягчении конфликта цивилизаций. В 2004 г. в Государственной думе создано парламентское объединение «Россия и исламский мир: стратегический диалог». Цели сформулированы как «законодательное обеспечение развития отношений России с мусульманскими странами и международными исламскими организациями, прежде всего с ОИК <...>; создание условий для обеспечения конструктивного диалога между политическими и экономическими элитами России и исламского мира» и т. д. [5].

Сотрудничество по линии ислама выгодно России и Индонезии

В советское время исламскому аспекту российско-индонезийских отношений не придавалось значения. Иногда в состав индонезийских делегаций включались мусульманские деятели, наносившие протокольные визиты в ДУМ Москвы и Ташкента. Только с начала XXI века контакты по линии ислама становятся составной частью внешней политики России. И Российская Федерация, и Республика Индонезия заинтересованы в развитии двусторонних отношений в сфере ислама. Российским и индонезийским мусульманам отводится роль важного дополнительного связующего звена между Москвой и Индонезией.

Индонезия – новый формирующийся центр силы не только в масштабах ЮВА, но и в мировой политике. Индонезия стремится стать мировой морской державой, геостратегическим центром между Индийским и Тихим океанами, глобальным геополитическим и геоэкономическим узлом[6]. Внешнеполитическая доктрина ставит приоритетной задачей превращение страны во влиятельную мировую державу[7]. Индонезия, где мусульмане насчитывают около 90% из 262 млн жителей, стремится выдвинуться в лидеры мировой исламской уммы

(сообщества единоверцев), позиционируя себя как влиятельный центр умеренного ислама. Активизация отношений с Индонезией по исламской линии фиксирует «особое место» России и служит напоминанием о том, что, будучи страной христианской, она не подходит под принятые в мусульманском мире стереотипы Запада.

Индонезия также проявляет значительный интерес к упрочению связей с РФ в мусульманской сфере. Это способствует утверждению образа Индонезии как влиятельной страны ислама на международной арене и в мусульманской умме. Внимание со стороны России важно для подкрепления претензий Индонезии на лидерство в мусульманском международном движении. Отношения с РФ способствуют позиционированию Индонезии как оплота умеренного ислама. Индонезия, как и весь исламский мир, нуждается в России в качестве противовеса США, стремящихся доминировать на мировой арене и в ЮВА.

Политическое сотрудничество

Политическое сотрудничество является одним из основных направлений взаимодействия между мусульманскими кругами России и Индонезии. В 2006 г. в ходе визита в Россию президент Индонезии С.Б. Юдойоно совершил утреннюю молитву в Соборной мечети Санкт-Петербурга. Это явилось значимым символом признания высокого места, которое занимает ислам в России.

Российский президент накануне визита в Индонезию подчеркнул: «Диалог с Индонезией как одним из ведущих государств исламского мира, страной с самым большим мусульманским населением для России представляет особый интерес. Готовы совместно искать пути налаживания столь необходимого в современных условиях межконфессионального взаимопонимания, в том числе – в рамках Организации Исламская Конференция, наблюдателем в которой наша страна стала при поддержке Индонезии»[8].

Сотрудничество осуществляется в различных форматах. Одним из главных служит участие представителей России в международных исламских форумах и солидарный с Индоне-

зией подход к решению актуальных вопросом, волнующих исламский мир.

Важнейшей проблемой современного мусульманского мира является проблема Палестины и Иерусалима. У Индонезии и России в этом вопросе общие позиции. 6 марта 2016 г. в Джакарте по инициативе Индонезии открылся 5-й внеочередной саммит Организации Исламского Сотрудничества (ОИС). Согласно заявлению МИД Индонезии, 605 делегатов из 57 стран-членов ОИС, 5 представителей Совета Безопасности ООН, двух международных организаций, а также 3 стран-наблюдателей приняли участие в работе саммита. Это были президенты, премьер-министры, принцы, министры иностранных дел, специальные представители и послы из мусульманских стран. Посол России в Индонезии М. Галузин присутствовал на саммите ОИС в качестве наблюдателя. Он изложил подходы России к достижению справедливого решения палестинской проблемы[9].

Индонезия благодарна РФ за поддержку ислама и со своей стороны способствует утверждению благоприятного образа России среди мусульман как страны, поддерживающей ислам, и где нет исламофобии. В рамках совместного брифинга со спикером Совета Федерации В. Матвиенко в ноябре 2015 г. глава индонезийского сената подчеркнул, что во всем мусульманском мире высоко оценили открытие в городе Москве самой большой в Европе соборной мечети и что Индонезия благодарит РФ за шаги по укреплению взаимодействия между религиями, толерантности. Он отметил, что данный шаг демонстрирует, что Россия — одна из стран, поддерживающих ислам, пропагандирующих, что эта религия взаимопомощи, добра и совсем не связана с отрицательными клише, которые СМИ хотят на него примерить[10].

Российские религиозные деятели также вносят свой вклад в политическое сотрудничество с Индонезией. В октябре 2016 г. в Совете муфтиев России и ДУМ РФ прошла встреча Председателя СМР и ДУМ РФ Р. Гайнутдина и индонезийской делегации высших государственных служащих. Муфтий Р. Гайнутдин рассказал о взаимодействии религии и власти в России, особо отметив роль Межрелигиозного совета РФ и Совета при

Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями в осуществлении межрелигиозного сотрудничества и диалога, вносящих свой конструктивный вклад в стабильность и устойчивое развитие общества. Он рассказал о международной деятельности духовных управлений и тесном взаимодействии с мусульманами Индонезии. «Благодаря поддержке руководства страны, МИД мы общими усилиями способствуем развитию двусторонних российско-индонезийских взаимоотношений, углубляя сотрудничество в культурной и религиозной сферах. Ведется сотрудничество с Министерством религиозных дел Индонезии. Подписаны меморандумы о взаимопонимании сотрудничестве с крупнейшими исламскими религиозными объединениями Мухаммадийя, Нахдатул Улама, Индонезийского совета улемов. Индонезийцы дали высокую оценку деятельности Совета муфтиев и ДУМ РФ, выразив надежду, что сотрудничество мусульман двух стран будет углубляться и расширяться»[11].

Большой вклад в развитие контактов с Индонезией по исламской линии вносят российские республики с мусульманским населением. В октябре 2016 г. в Уфу с двухдневным визитом прибыли посол РИ в РФ и высокопоставленные сотрудники посольства. Председатель ЦДУМ РФ Т. Таджуддин тепло приветствовал высоких гостей: «Мы очень рады встрече с вами и надеемся, что взаимоотношения, основанные на дружбе и братском сотрудничестве наших государств, с каждым годом будут расширяться и укрепляться». Собеседники обменялись мнениями по ситуации в Сирии, выразили озабоченность по поводу опасности радикализации ислама и обсудили обстановку в мире. Т. Таджуддин напомнил про несправедливое отношение к российским олимпийцам, по политическим мотивам отстраненным от участия в соревнованиях, и рассказал о спортсменах-паралимпийцах из Башкортостана, чьими достижениями гордится вся страна[12].

Антитеррористическое сотрудничество

Антитеррористическое сотрудничество развивается как новое направление российско-индонезийских отношений в сфере ислама. В 2016 г. в Москве состоялось заседание россий-

ско-индонезийской Рабочей группы по противодействию международному терроризму. Стороны обсудили вопросы противодействия международному терроризму, его финансирование. Россия и Индонезия зафиксировали общие подходы к борьбе с «Исламским государством» (деятельность организации запрещена в России). Представители страны обменялись мнениями по проблеме радикализации населения.

Стороны высказались за объединение усилий мирового сообщества в борьбе с терроризмом, при координации со стороны ООН на основе норм международного права, без предварительных условий и политики «двойных стандартов». «Достигнута договоренность о наращивании российско-индонезийского контртеррористического сотрудничества на ключевых международных площадках, включая ООН, АТЭС, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Диалоговое партнёрство Россия-АСЕАН»[13].

В 2016 г. в Казани состоялось заседание Группы стратегического видения «Россия — исламский мир», которую, по поручению Президента РФ возглавляет Президент Республики Татарстан Р. Минниханов. Основной акцент был сделан на формировании у иностранных гостей объективного мнения о России, ее мультикультурном обществе, Одной из целей данного мероприятия являлось обсуждение проблемы борьбы с международным терроризмом, информационной политики противодействия исламистскому экстремизму[14].

Контакты между мусульманскими религиозными деятелями

Возрастающее значение приобретает сотрудничество между мусульманскими религиозными деятелями обеих стран. В 2016 г. в исламском университете «Мухаммадийя» в индонезийском городе Маланг прошел российско-индонезийский семинар, на котором особое внимание было уделено диалогу по линии мусульманских сообществ России и Индонезии. Акцентирована роль в налаживании российско-индонезийских межконфессиональных связей представителя Индонезии в Группе стратегического видения «Россия-Исламский мир», видного мусульманского деятеля Д. Шамсуддина. На семинаре присут-

ствовали ректор университета «Мухаммадийя», профессора, преподаватели и более 400 студентов университета[15].

Мусульманские религиозные деятели помогают налаживать сотрудничество и в исламской финансово-экономической сфере. Индонезия проявила интерес к сотрудничеству с Татарстаном. Вопросы перспективных направлений взаимодействия обсуждались в ДУМ РТ. На встречу с делегацией по приглашению муфтия РТ Камиля хазрата Самигуллина пришли руководители Ассоциации предпринимателей мусульман РФ и Центра партнерского банкинга. Индонезийцы пригласил татарстанских мусульман на крупнейшую торговую выставку в Индонезии. Татарстанская сторона озвучила направления для дальнейшего сотрудничества двух стран в контексте исламского банкинга, сертификации халяль-продукции, взаимодействия мусульманского бизнес — сообщества.

Сотрудничество в сфере мусульманского образования

Сотрудничество в сфере мусульманского образования только начинается. Основная задача – обмен опытом и информацией, программами, организация стажировок и совместных образовательных мероприятий на пути противостояния терроризму и экстремизму в деле воспитания и просвещения. Индонезия обладает значительными наработками в этой области, что важно и для РФ.

Мусульманская система образования в Индонезии даёт знания по различным отраслям современной науки и техники, но одновременно готовит специалистов по религиозному воспитанию, преподавателей религии, богословов, специалистов по шариатскому судопроизводству и служителей культа[16]. В Индонезии насчитывается полтора десятка государственных исламских университетов[17]. В России функционируют 7 исламских университетов и около 100 медресе[18]. Программа бесплатного обучения в индонезийских исламских ВУЗах для российских мусульман реализовывается правительством Индонезии с 2010 г. В настоящий момент 25 студентов из России учатся в трех ведущих государственных исламских университетах в Маланге, Джокьякарте и Джакарте. Студенты из России углуб-

ляют знания об исламе в бакалавриате и магистратуре Маланг-ского государственного исламского университета по специальностям: исламская экономика, исследование ислама и теология. Каждый год правительство РФ предоставляет индонезийской стороне квоту на бесплатное обучение в России. В 2012/13 году Индонезии выделено 50 мест[19]. Исламские учебные заведения России сотрудничают не только с мусульманскими, но и со светскими ВУЗами Индонезии. Особое внимание уделено развитию человеческих ресурсов для подготовки учёных в соответствии с современными требованиями[20]. Совет муфтиев России и Посольство РИ в Москве организовали визит ректоров Российского исламского университета (Казань), Института теологии и международных отношений (Махачкала), заместителя ректора Московского исламского университета в Индонезию с целью ознакомления российских учебных заведений с учебными заведениями этой страны. Делегация посетила шесть самых крупных учебных заведений: Государственный исламский университет (в столице страны Джакарте), университет «Мухаммадия» (Джакарта), Государственный университет (Джокьякарты), Государственный университет (Маланга) и другие. С Маланг-ским университетом был заключен договор, согласно которому туда будут направлять бакалавров для продолжения учёбы. Заключены договоры с шестью ВУЗами Индонезии. В магистратуре и докторантуре смогут обучаться наши граждане, будут организованы стажировки имамов. Во время визита в Россию индонезийцы провели встречи с профессорами, аспирантами и студентами мусульманских центров в Москве и Казани[21]. В Индонезии мусульманское высшее образование находится под контролем правительства, что служит гарантией того, что в сфере высшего образования не будут допускаться влияния радикальных и экстремистских исламских течений.

Проведённый выше анализ доказывает, что исламский вектор во внешней политике и России, и Индонезии служит дополнительным каналом взаимовыгодных контактов с учётом национальной специфики. Российско-индонезийские отношения в мусульманской сфере приобретают многообразные формы и вносят существенный вклад в сближение позиций обеих государств по актуальным проблемам, волнующим как ислам-

ский мир, так и Россию. Закономерным итогом расширения контактов между исламскими кругами России и Индонезии является углубление взаимопонимания и упрочение позиций умеренного ислама.

Необходимость межконфессионального диалога между Россией и Индонезией диктуется тем, что это две страны со сходным многонациональным и поликонфессиональным населением. Если таким государствам удастся наладить партнерство и контакт в религиозной сфере, это будет важным шагом для урегулирования противоречий между исламской и неисламскими цивилизациями.

В Концепции внешней политики РФ подчеркивается, что неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Одним из инструментов «мягкой силы» служит исламский вектор во внешней политике. Пример тому — связи с Индонезией в сфере ислама. Активность России на мусульманском направлении позитивно воспринимается в Индонезии как противовес давления Запада, особенно США.

---

[1] На закрытой встрече с муфтием В. Путин назвал Россию мусульманской страной
21:48 31.01.2003. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1044038880

[2] Малашенко А. Фактор ислама в российской внешней политике. Россия в глобальной политике. РСМД, 18 апреля 2007.
http://www.globalaffairs.ru/number/n_8391

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.)
http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-
/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

[4] Выступление на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская конференция 16 октября 2003 года, Путраджайя, Малайзия. http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/22160

[5] Малашенко А. Фактор ислама в российской внешней политике. Россия в глобальной политике. РСМД, 18 апреля 2007.
http://www.globalaffairs.ru/number/n_8391
[6] Pidato Lengkap Jokowi di KTT ASEAN Soal Poros Maritim
http://dunia.news.viva.co.id/news/read/558043-pidato-lengkap-jokowi-di-ktt-asean-soal-poros-maritim
[7] Rencana Strategi Kementerian Luar Negeri Republik Indonesia 2015-2019. www.kemlu.go.id/RENSTRA%...
[8] Заявление президента РФ Путина В.В. накануне визита в Индонезию. Россия–Индонезия: к новым горизонтам сотрудничества. 5 сентября 2007 года. Опубликовано в СМИ Индонезии.
http:// Заявление президента РФ Путина В.В. накануне визита в Индонезию. Россия–Индонезия: к новым горизонтам сотрудничества. 5 сентября 2007 года. Опубликовано в СМИ Индонезии.
http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24511
[9] Об участии Посла России в Индонезии М.Ю.Галузина в 5-ом чрезвычайном саммите ОИС по проблеме Палестины и Иерусалима. 7 Марта 2016 года. http://bcri.ru/ru/%D0%BE%D0%B1...
[10] Индонезия благодарна РФ за поддержку ислама. 15 октября 2015 года. http://islam-today.ru/novosti/2015/10/15/indonezia-blagodarna-rf-za-podderzku-islama/
[11] Андзержанов Х. Делегация Посольства Республики Индонезия посетила ЦДУМ России. 06.10.2016.
http://islamrb.ru/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0.
[12] Делегация Посольства Республики Индонезия посетила ЦДУМ России. 06.10.2016.
http://cdum.ru/news/44/7745/
[13] Россия и Индонезия усилят антитеррористическое сотрудничество.
http://www.tvc.ru/news/show/id/85534
[14] Там же.
[15] О российско-индонезийском семинаре в университете «Мухаммадийя» (г. Маланг). Посольство Российской Федерации в Республике Индонезии. Пресс-релиз No. 37-23-03-2016.
http://indonesia.mid.ru/news/-/asset_publisher/gD2Gg28ylluR/content/o-rossijsko-indonezijskom-seminare-v-universitete-muhammadia-?inheritRedirect=false&redirect=http%3A%2F%2Findonesia.mid.ru%2Fnews%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_gD2Gg28ylluR%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1
[16] Делегация Индонезии и представители ДУМ РТ обсудили перспективные направления сотрудничества. 8 июля 2016года. http://www.tatar-inform.ru/news/2016/07/08/511556/

Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim. Program Studi. URL: https://www.uin-malang.ac.id/s/uin/prodi)

[17] Ефимова Л.М. Мусульманское образование в современной Индонезии. Ислам в современном мире. 2016;12(1):221-236. DOI:10.20536/2074-1529-2016-12-1-221-236

[18] Делегация Посольства Республики Индонезия посетила ЦДУМ России. 06.10.2016. http://cdum.ru/news/44/7745/

[19] Российские мусульмане будут изучать ислам в Индонезии. http://forum.russiansingapore.com/index.php?topic=3429.0

[20] Индонезия становится ближе! http://www.islamdag.ru/vse-ob-islame/25164

[21] Там же.

© ***Бектимирова Н.Н.***
ИСАА МГУ

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ во ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КАМБОДЖИ

При реализации внешнеполитического курса нейтралитета, закрепленного в конституции страны, власти Камбоджи традиционно придерживались политики балансирования между ведущими внерегиональными и региональными державами, в первую очередь, между КНР и США. Хотя некоторые политологи давно называли Камбоджу «прокитайским» государством, отношения с США занимали важнейшее место среди внешнеполитических приоритетов Королевства Камбоджа. При администрации Б. Обамы американо-камбоджийские отношения получили новый импульс и достигли, по словам премьер-министра Хун Сена, невиданного доселе подъема. Существенное укрепление и расширение двухсторонних связей отмечал в ходе своего рабочего визита в Камбоджу в январе 2016 г. бывший госсекретарь США Дж. Керри[1].

Выстраивание позитивных отношений с США было особенно важным лично для Хун Сена, так как служило дополнительным фактором легитимации его сверх длительного правления. Общеизвестно, что именно к США традиционно обращались представители оппозиционных кругов, в частности, Партии национального спасения Камбоджи (ПНСК) за помощью в их внутриполитическом противоборстве с премьером. Особенно остро ПНСК нуждалась в поддержке со стороны правящих кругов США в периоды электоральных циклов, которые, как правило, сопровождались в Камбодже серьезным ухудшением ситуации с соблюдением прав человека, а также максимальным давлением со стороны правящей – Народной партии Камбоджи (НПК) на оппозицию с целью ее вытеснения из легального политического пространства. Призывы оппозиции оказать давление на официальные власти Пном Пеня, как правило, находили поддержку в конгрессе США и, несмотря на более осторожную позицию Белого дома[2], не раз приводили к введению времен-

ных экономических санкций против Пном Пеня. Самому Хун Сену нередко приходилось, как он говорил, выслушивать от американских руководителей «лекции по поводу прав человека». Визит Хун Сена в США в феврале 2016 г. в рамках Саммита США-АСЕАН дал повод правящей партии заявить, что «Б.Обама настроен оптимистично в отношении политической ситуации в Камбодже и не верит инсинуациям небольшой группы оппозиционеров»[3].

Подъем двухсторонних отношений – экономических, политических, гуманитарных Хун Сен считал своей особой заслугой. Большое значение премьер уделял начавшемуся с 2009 г. развитию сотрудничества в военной области и сфере безопасности. США оказывали содействие Камбодже в подготовке армейских кадров для участия в миротворческих акциях и для проведения контртеррористических операций, помогали в разминировании территорий. С 2010 г. стали проводиться ежегодные американо-камбоджийские военно-морские учения «Ангкор Сентинел». Причем в рамках министерства обороны каналы сотрудничества с США курировали сыновья премьера – Хун Манет (начальник департамента по борьбе терроризмом) и Хун Манит (начальник управления разведки и контрразведки). Уже в последние дни пребывания у власти администрация Б.Обамы предоставила Камбодже торговые преференции в поставках на американский рынок товаров туристического назначения, что было в высшей степени позитивно оценено бизнес сообществом Королевства.

В ходе американской избирательной кампании камбоджийский премьер-министр естественно «болел» за Д. Трампа, этого не скрывал, предрекал ему победу и с большим воодушевлением встретил избрание Д. Трампа на пост

президента, который, как считал Хун Сен, «не будет ему читать нравоучения по поводу прав человека»[4]. В поздравительном послании 45-ому президенту США Хун Сен, в частности, писал: «… надеюсь, что мы будем совместно трудиться на благо мира, стабильности и процветания наших народов»[5].

Однако именно с приходом к власти Д.Трампа начались определенные трения в двухсторонних отношениях. В январе 2017 г. Министерство обороны Камбоджи в одностороннем по-

рядке отменило на два года совместные военно-морские учения «Ангкор Сентинел», мотивировав это, «необходимостью решать более срочные проблемы», к числу которых были отнесены кампании по борьбе с наркотиками и подготовка к выборам в местные органы власти (июнь 2017 г.) и в парламент (июль 2018 г.). Официальное заявление об отмене камбоджийско-американских учений последовало вскоре после завершения в декабре 2016 г. широкомасштабных двухнедельных камбоджийско-китайских учений «Золотой Дракон»[6]. Американское посольство в Пном Пене не безосновательно расценила это как «пренебрежительный акт в отношении США и подобострастный в отношении КНР»[7]. Как известно, накануне своей инаугурации и в первые месяцы президентства Д.Трамп неоднократно заявлял о намерении пересмотреть торговые отношения с Китаем, сделать их экономически более выгодными для США, делал двусмысленные заявления по поводу формулы «единого Китая». Так, в интервью Fox News от 11 декабря 2016 г. Д.Трамп, в частности, заявил: «Я понимаю суть политики «единого Китай», но я не понимаю, почему мы обязаны связывать себя этой политической линией, пока мы не заключим с Китаем соглашения по другим вопросам, в частности, по торговым отношениям»[8]. В этой ситуации неопределенности в американо-китайских отношениях политические элиты Камбоджи своей отменой предстоящих американо-камбоджийских учений продемонстрировали символическую поддержку Китая.

В апреле 2017 г. правительство Камбоджи без объяснения причин приостановило деятельность строительного батальона морской пехоты США, который выполнял гуманитарную миссию и занимался строительством в сельских районах страны различных объектов социального назначения. Всего силами данного батальона в 11 провинциях Камбоджи было ведено в строй медицинских и учебных учреждений на сумму 5 млн долл.[9].

В ответ на «недружелюбное» поведение камбоджийского руководства американский посол в Пном Пене У. Хейд публично напомнил о финансовом долге Камбоджи который, по мнению посла, она, «как успешно развивающаяся страна, вполне способна вернуть США»[10]. Речь идет о кредите, предо-

ставленным США правительству Лон Нола, которого они посредством военного переворота привели к власти в 1970 г. В период 1972−1974 гг. департамент сельского хозяйства США выделил Лон Нолу сумму в 274 млн долл. на закупки продовольствия, в котором остро нуждалась страна, так как в результате военных действий сельскохозяйственное производство было полностью дезорганизовано. Однако общеизвестно, что режим Лон Нола использовал деньги главным образом на военные нужды, т.е. на борьбу против той части собственного населения, которая сражалась в рядах Национального Единого Фронта Камбоджи (НЕФК). Кредит предоставлялся как беспроцентный в течение первых 15 лет, а потом под 3% годовых. В результате к 2017 г. общая сумма задолженности составила порядка 505 млн долл.[11]. Вопрос о задолженности неоднократно обсуждался между сторонами, но разрешения так и не получил. В 1995 г. США предлагали Камбодже списать 58% долга, а остальную сумму заплатить. Но в тот период Камбоджа еще надеялась, что ей удастся убедить США списать долг, как «политически мотивированный». Однако американцы предпочли использовать долг как своего рода инструмент давления на камбоджийские власти. Так, в 2009 г. после депортации камбоджийскими властями в Китай 20 уйгурских беженцев американские конгрессмены внести в Акт о торговле с Камбоджей поправку, которая усложнила для правительства процедуру списания или сокращения долга[12]. В целом, переговоры по вопросу о долге проходили в спокойной, неконфронтационной обстановке за закрытыми для прессы дверьми.

После избрания Д.Трампа в камбоджийской прессе утверждалось, что Хун Сен намеревался официально обратиться к новому президенту с просьбой о списании долга. Однако неожиданно для всех вопрос долга был поднят в выступлении американского посла, который не только призвал Хун Сена заплатить США, но и пригрозил, что «американская сторона обратится в МВФ с просьбой ограничить выдачу Камбодже новых кредитов, как стране, которая не выполняет свои международные обязательства»[13].

Ответом на слова посла стала жесткая антиамериканская риторика премьера, которая содержалась в большинстве его

публичных выступлений. Так, на открытии морского фестиваля в Сианукville, премьер, в частности, заявил: «Мне трудно объяснить камбоджийцам, почему мы должны отдавать долг за деньги, на которые закупались бомбы и пули, которыми убивали кхмерский народ. Мы не требуем от США оплатить нам ущерб, причиненный войной, в результате которой Камбоджа оказалась полностью разрушена[14]. Мы просто хотим, чтобы Америка понимала свою ответственность за так называемый долг»[15]. Тема долга затрагивалась и на международной конференции по правам ребенка, проходившей под эгидой ЮНЕСКО в Сиемреапе. В приветственной речи Хун Сен, говоря о трагических последствиях военных действий на Ближнем Востоке для детей региона, прямо указал на одного из виновников этих событий – США. Затем он вновь обратился к истории Камбоджи и, в частности, заявил: «Когда Америка вторглась в Камбоджу, сколько детей погибло, было ранено, стало инвалидами, умерло от голода? США вторгаются в чужие страны. Они спровоцировали Индокитайскую войну, убивали жителей нашей страны, а теперь требуют вернуть им долг»[16]. Хун Сен постоянно проводил аналогии между события 1970-х гг. в Камбодже и современной политикой США на Ближнем Востоке. Его фраза – они бросали бомбы на наши головы, а мы должны им за это платить – обошла все ведущие СМИ страны[17]. Большинство камбоджийских политологов отметили, что прежде Хун Сен вел себя осторожнее в отношении США, не позволяя столь резких высказываний. Надо признать, что требование посла вернуть американские деньги вызвало негативную реакцию не только со стороны Хун Сена, но и представителей западной прессы, которых нельзя заподозрить в симпатиях к камбоджийскому премьер-министру. Это те корреспонденты, которые работали в стране в период второй Индокитайской войны. Так, по словам американской журналистки Е.Бейкер, «США намного больше в долгу перед Камбоджей за то, что они сотворили с ее народом в годы войны, и этот долг нельзя вернуть деньгами»[18]. По мнению бывшего шефа агентства Рейтер в Хошимине, «Камбоджа не должна платить ни гроша США за то, что они убивали кхмерский народ, уничтожали сельскохозяйственные угодья и выжигали леса…»[19]. Бывший посол Ав-

стралии в Камбодже Т.Кевин вообще назвал требование долга с Камбоджи «очевидной глупостью, которая может лишь еще сильнее толкнуть страну в объятья КНР»[20].

США стали объектом публичных нападок со стороны Хун Сена и в связи с их критикой современной политической ситуации в Камбодже. Так, на комментарий американского посольства по поводу ухудшения ситуации с правами человека последовали довольно жесткие заявления МИД Королевства о «недопустимости вмешательства США во внутренние дела Камбоджи». Причем в этих заявлениях содержались отсылки к предвыборной кампании США, когда представители американского истеблишмента выражали обеспокоенность вмешательством извне в их выборы. Камбоджийские власти заявляли о неприемлемости двойных стандартов, о том, что «любые негативные комментарии США относительно политической ситуации в Камбодже будут рассматривать как вмешательство в предстоящие выборы»[21]. Выступления премьера отличились еще большей резкостью. Так, в речи на церемонии вручения дипломов выпускникам Педагогического института, он в частности, сказал: «США, пожалуйста, занимайтесь своими собственными делами, а свои мы будем решать сами. Новый закон о партиях, который вы критикуете, не направлен на то, чтобы убивать кхмеров, как это делали вы во время Индокитайской войны»[22]. Очень мощно звучал и тезис о том, что не следует упрекать Камбоджу в отсутствии демократии, потому что «в Камбодже она просто совсем другая, чем на Западе, так как базируется на собственных цивилизационных устоях»[23].

Камнем преткновения стала и проблема репатриации кхмерских граждан из США. Между странами действует меморандум 2002 г., по которому кхмеры, являющиеся резидентами США, совершившие уголовные преступления и отсидевшие положенный срок, высылаются обратно на родину. Всего за этот период около 500 человек попали в данную категорию граждан. В среднем в год из США высылалось порядка 40 человек. В настоящее время около 30 человек ожидают репатриации. Кхмерские власти не хотят выдавать им въездные документы, а американцы в ответ угрожают сократить помощь. Все репатрианты, хотя и имеют камбоджийское гражданство, поки-

нули Камбоджу еще в раннем детстве и не имеют там ни жилья, ни родственников. Большинство обзавелись уже собственными семьями в США. Многие даже не владеют кхмерским языком. Потеряв родных при «красных кхмерах», они проживали в лагерях для беженцев в районе таиландской границы, откуда и получили возможность уехать в США по программе помощи беженцам[24]. Политика США в отношении кхмерских репатриантов, строго основывающаяся на принципах двухстороннего Меморандума 2002 г., была публично осуждена МИД Камбоджи как «направленная на разделения кхмерских семей, проживающих в США», чего, по заявлению Министерства, оно «отныне больше не позволит делать»[25]. Как оказалось, столь грозное заявление подразумевало намерение МИДа Камбоджи обратиться к американской стороне пересмотреть принципы Меморандума.

На наш взгляд, усиление антиамериканской риторике объясняется целым рядом причин. Во-первых, сложной внутриполитической ситуацией, обусловленной близостью выборов в местные органы власти, и стремлением правящей партии (НПК) любыми способами, включая манипулирование судебной системой, осложнить деятельность оппозиционной ПНСК, а в идеале не допустить ее к участию в выборах. Разжигание антиамериканских настроений, которые в массовом масштабе в камбоджийском обществе отсутствуют, может стать важным фактором «нейтрализации» главного внешнего критика режима Хун Сена. Как правило, после выборов оппозиция всегда обращается за помощью к США, как определенному гаранту и витрине демократии, для оказания международного давления на Пном Пень. Премьеру важно показать, что США таковыми не являются и поэтому к их мнению можно не прислушиваться.

Во-вторых, премьер-министр Хун Сен прекрасно понимает, что Д. Трамп едва ли отслеживает ситуацию в Камбодже, что процесс демократизации в кхмерском обществе его мало волнует[26], поэтому, по большому счету вся эта антиамериканская риторика, носящая со стороны камбоджийского руководства временный тактический характер, не повлияет серьезно на состояние двухсторонних отношений. К тому же помощь Камбодже в рамках различных международных гуманитарных про-

грамм, финансировавшихся США, может сократиться по объективным причинам, в силу стремления новой администрации оптимизировать расходы подобного рода. Так, Д.Трамп уже объявил, что намерен сократить на 28% финансирование программы USAID[27]. Достоверно известно, что финансовая поддержка США международной структуре UN Population Fund (UNFPA), которая с 2015 г. оказывала поддержку в осуществлении в Камбодже проектов в области здравоохранения, уже серьезно сокращена[28]. В-третьих, вне всякого сомнения, что «смелость» в антиамериканской риторике Хун Сену придал стиль поведения президента Филиппин Р. Дутерте, который известен своими резкими антиамериканскими высказываниями и равнодушием к критике по поводу прав человека в его стране.

С конца 2016 г. наблюдается явный «дрейф» Камбоджи в сторону КНР, на поддержку которой, в первую очередь, политическую Хун Сен надеется в случае каких-либо неприятных неожиданностей для НПК на выборах. На итоговом совещании МИД Камбоджи в феврале 2017 г., где присутствовали премьер-министр и все сотрудники министерства, глава ведомства Прак Сокхон заявил, что наиболее «выдающимся событием на дипломатическом поприще страны стал визит в Камбоджу в ноябре 2016 г. Си Циньпина», что отношения двух стран базируются на полном уважении, поддержке и доверии. В докладе не был упомянут ни визит Хун Сена в США, ни в Россию в рамках саммитов АСЕАН-США и АСЕАН-Россия[29].

Экономическая помощь КНР Камбодже общеизвестна, но в последние годы идет мощнейшее наращивание в стране т.н. китайской «мягкой силы». Новый председатель камбоджийско-китайской ассоциации[30] – преуспевающий банкир Пунг Кхеау Се, вступая в должность в 2016 г. заявил, что видит одну из главных задач своей миссии в продвижении в Камбодже китайской культуры и языка. Руководители ассоциации утверждают, что стараются создать в Камбодже условия, которые позволят «сделать систему китайских школ массовой, как в материковом Китае». 2/3 учителей в ныне действующих школах – учителя из Китая[31]. В Камбодже издаются 5 газет на китайском языке, владельцами которых являются местные окня[32], тесно связанные с властными структурами. Все газеты имеют в своем штате

значительное количество сотрудников из Китая. Как правило, редакционная политика в этих газетах нацелена на максимальную пропаганду позитивной информации о КНР и блокирование любых материалов, не отвечающих её интересам. Важным символом взаимной поддержки двух стран на международной арене стало публичное отстаивание Китаем права Камбоджи на «особый путь развития» в политической сфере, с которым выступил в 2017 г. на заседании комитета ООН по правам человека китайский представитель, когда обсуждался вопрос о резком ухудшении ситуации в Камбодже.

В конце 2016 – начале 2017 гг. продолжалось поступательное развитие диалога между Камбоджей и Россией. Так, в ноябре 2016 г. состоялся рабочий визит в Россию министра иностранных дел Камбоджи Прак Сокхона, в ходе которого обе стороны договорились о координации усилий в решении международных проблем в рамках в ООН. В феврале 2017 г. состоялся визит секретаря Совета Безопасности РФ Патрушева в Камбоджу, который заложил основы сотрудничества в сфере безопасности. Важной вехой должно стать очередное заседание Межправительственной комиссии России и Камбоджи, намеченное на лето этого года, в ходе которого планируется подписание не менее 7 различных договоров, в том числе и по использованию атомной энергии в мирных целях[33].

В 2016 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Камбоджей. В 2017 г. в Пном Пене заседала рабочая группа по взаимодействию между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и правительством Королевства Камбоджа, следующая встреча намечена на 2018 г. По заявлению сопредседателя рабочей группы ЕЭК Т.Валовой предстоит серьезная работа по расширению контактов, поиску сфер интересов и раскрытию потенциала торгово-экономических связей между ЕАЭС и Камбоджей[34]. Развитие отношений со странами ЕАЭС имеет для Камбоджи не только экономическое значение, как фактор диверсификации торговых связей, но и политическое. Евразийский экономический союз объединяет страны, которые разделяют взгляды Хун Сена на опасность «цветных революций» и которые будут поддерживать его даже в случае применения им

силы при неблагоприятном для НПК исходе всеобщих выборов в 2018 г.

[1] Подробнее см.: Бектимирова Н.Н. Стратегия политической борьбы Народной партии Камбоджи.//Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXX-XXXI. М., 2016.
[2] Thayer C.A. Cambodia-United States Relations.//Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. by Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore. 2012. P. 98.
[3] The Cambodia Daily. 19.02.2016.
[4] The Cambodia Daily. 10.11.2016.
[5] Ibid.
[6] Ibid. 01.03.2017
[7] Hutt D. Cambodia, US duel over Vietnam War debt. //Asia Times. 28.03.2017.
[8] Bush R. A one-Chinese policy primer.//Brookings Foreign Policy. 31.03.2017. В телефонном разговоре с Си Цзиньпинем от 9 февраля 2017 г. Д.Трамп подтвердил приверженность политике «одного Китай», как основы взаимоотношений между США и КНР.
[9] The Cambodia Daily 04.04.2017.
[10] The Cambodia Daily. 06.02.2017.
[11] The Diplomat. 23.03.2017.
[12] См. Бектимирова Н.Н. Традиционные факторы во внешней политике Камбодже на современном этапе.//Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXVI – XXVII. М., 2015. С. 125.
[13] Hutt D. Cambodia, US duel over Vietnam War debt. //Asia Times. 28.03.2017.
[14] С целью уничтожения так называемой тропы Хо Ши Мина США сбросили на восточные районы Камбоджи около 500 тыс. т бомб.
[15] Hunt L. Should Cambodia Forget Forgiveness in its US Debt Controversy? // The Diplomat. 23.03.2017; The Cambodia Daily. 26.12.2016.
[16] The Cambodia Daily. 02.03.2017.
[17] Ibid; The Phnom Penh Post 02.03.2017.
[18] The Cambodia Daily. 08.03.2017.
[19] Ibid.
[20] Hutt D. Cambodia, US duel over Vietnam War debt. //Asia Times. 28.03.2017
[21]Statement of the spokesman of the ministry of foreign affairs and International Cooperation. 22.02.2017// www.mfaic.gov.kh
[22] The Cambodia Daily.23.02.2017.
[23] Ibid. 26.03.17.

[24] The Cambodia Daily. 30.12.2016.
[25] Ibid. 01.03.2017.
[26]Так, на презентации ежегодного доклада Госдепа США о ситуации в мире с правами человека, впервые за последние десять лет на нем не присутствовал Госсекретарь США лично. Многие сочли это косвенным свидетельством меньшего внимания к данной проблеме со стороны новой администрации.
[27] На данный момент сокращение помощи по линии USAID Камбоджи не коснулось. США выделили на проведение местных и парламентских выборов 1.8 млн долл.
[28] The Cambodia Daily. 05.04.2017.
[29] www.mfaic.gov.kh [Обращение 19.03.2017]
[30] Образована в 1996 г.
[31] Pal Nyiri. Investors, managers, brokers and culture workers. C.37. //Chinese encounters in Southeast Asia. L. 2017.
[32] Титул, который даруется королем высокопоставленным чиновникам за особые заслуги в деле развития страны.
[33] Ibid. 03.04.2017.
[34] Российская торговая палата в Камбодже. 15.02.2017.//www.rcc-cambodia.com

© ***Муранова А.П.***
ИВ РАН

МЬЯНМА: АКТИВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ США, 2011-2016 гг.

Изменение стратегии США по отношению к странам Азии, их стремление нейтрализовать доминирование Китая в этом регионе, особенно в Мьянме, и важные политические события в Мьянме в 2010-2011гг. (парламентские выборы в ноябре 2010г., укрепление позиций демократических сил и передача военной хунтой власти гражданскому правительству во главе с У Тейн Сейном в апреле 2011 г., освобождение политических заключённых, радикальные экономические реформы) стали решающими факторами перемен в отношениях между Мьянмой и США, замороженных американской стороной с 1997 г.

Прежде чем проанализировать экономические отношения, активизировавшиеся после 2011 г., стоит, на наш взгляд, показать, как ужесточалась политика США по отношению к Мьянме[1].

Хроника введения и снятия санкций

20 мая 1997 г. президент Билл Клинтон подписал исполнительный указ № 13047 запрещавший американским компаниям инвестировать в экономику Мьянмы, обвинив правительство в жестоких репрессиях демократической оппозиции. С 1997 г. членам правительства был запрещён въезд в США, и с этого года представители США голосовали в международных организациях против сотрудничества с Мьянмой. Вслед за США правительства стран Европейского Союза, Канады, Австралии и частично Японии тоже ввели санкции против Мьянмы.

28 июля 2003 г. президент Джордж Буш-младший подписал закон («Закон о бирманской свободе и демократии»), который вводил санкции в отношении правящей военной хунты. Закон запрещал импорт в США мьянманских товаров. В тот же день президент издал исполнительный указ № 13310. Он бло-

кировал счета ключевых министров правительства в американских банках и всю их собственность (список лиц был вынесен в Приложение) и запретил прямой или косвенный экспорт или ре-экспорт финансовых услуг из США в Мьянму. Запрет относился и к американским гражданам, где бы они ни находились. Эти меры были ответом на очередной арест Аун Сан Су Чжи в мае 2003 г.

18 октября 2007 г. президент издал исполнительный указ № 13448, который блокировал собственность лиц, указанных в Приложении к указу,

30 апреля 2008 г.Дж. Буш подписал исполнительный указ №13464, в соответствии с которым замораживались активы госкомпаний Мьянмы, находящиеся в американских банках.

29 июля 2008 г. президентом Дж. Бушем был подписан закон («закон о жадеите»), ужесточивший торговые санкции и запрещавший ввоз в США добытых в Мьянме рубинов, жадеита и других драгоценных и полудрагоценных камней и изделий из них.

11 июля 2012 г. президент Б. Обама издал исполнительный указ № 13619, который блокировал собственность тех лиц, которые «представляли угрозу миру, безопасности и стабильности Бирмы».

6 августа 2013 г. в связи с истечением срока запрета на импорт товаров из Мьянмы был издан исполнительный указ № 13651, который отменил запрет на импорт мьянманских товаров, но оставил в силе запрет на ввоз в США рубинов и жадеита, добытых в Мьянме, и любых изделий, изготовленных из добытых в Мьянме рубинов и жадеита.

17 декабря 2013 г. США ввели санкции против трех промышленных компаний Мьянмы, подозреваемых в торговле оружием и военной техникой с КНДР, и двух штабных офицеров вооруженных сил Мьянмы.

В мае 2016 г. США продлили ещё на один год санкции. В список были внесены 6 мьянманских компаний, владельцами половины активов которых являются лица, уже находящиеся под санкциями (в списке более 100 физических и юридических лиц). В то же время из списка были исключены три государственные банка и семь крупнейших государственных лесопро-

мышленных и горнопромышленных компаний. Были разрешены определённые коммерческие сделки, осуществляемые финансовыми учреждениями и проживающими в стране американцами.

7 октября 2016 г. президент Б. Обама издал исполнительный указ № 13742, который отменил практически все санкции (они сохранились в отношении 204 физических и юридических лиц). В указе отмечалось, что «…Бирма значительно продвинулась в поддержании демократии, включая исторические выборы 2015 г…»/

Санкции нанесли колоссальный урон экономике Мьянмы, лишив её связей с высокоразвитым сегментом мирового хозяйства и финансовой поддержки международных и национальных кредитных институтов.

Первые шаги к нормализации отношений

Процесс восстановления экономических связей начался в 2012 г.

В мае 2012 г. после визита госсекретаря Х. Клинтон были восстановлены дипломатические связи до уровня послов (были прерваны в 1990 г.). 11 июля 2012 г. был сделан еще один шаг к улучшению отношений между странами. Бюро по контролю иностранных активов Министерства финансов США выпустило две генеральные лицензии, дававшие возможность осуществлять операции с Мьянмой. Это был отклик на реформы, которые стали проводиться в Мьянме после 2011 г. Генеральная лицензия № 16 позволила экспортировать в Мьянму финансовые услуги, оказываемые американскими фирмами, и реэкспортировать их из третьих стран. Генеральная лицензия № 17 разрешала новые инвестиции в ключевые сферы экономики Мьянмы. Реализация обеих лицензий блокировалась некоторое время. К тому же, она не распространялась на Министерство обороны Мьянмы и на все государственные и негосударственные вооружённые группы. Физические лица и предприятия, инвестиции которых в Мьянме превышают 500 тысяч долл. (позже сумма увеличена до 5 млн), были обязаны предоставлять информацию об инвестициях в Госдепартамент США[2].

В 2013 г. администрация издала указ, который разрешал гражданам США осуществлять финансовые операции в Мьянме. Разрешалось открывать и вести финансовые счета и осуществлять другие финансовые услуги с четырьмя из крупнейших финансовых институтов Мьянмы - Asia Green Development Bank, Ayeyarwady Bank, Myanmar Economic Bank, Myanmar Investment and Commercial Bank. 6 августа 2013 г. был издан указ с перечнем товаров, допущенных на американский рынок (рубины и жадеит не были включены в него).

14 сентября 2016 г. Президент Б. Обама объявил о готовности Вашингтона снять санкции. Заявление сделано по итогам встречи Обама с государственным советником и министром иностранных дел Мьянмы Аун Сан Су Чжи.

Постепенное и, наконец, почти полное снятие санкций создало благоприятные условия для взаимодействия двух стран.

Стратегически наиболее важной официальной акцией, открывавшей новый этап экономических отношений между ними, стало подписание 21 мая 2013 г. правительствами США и Мьянмы Рамочного соглашения о торговле и инвестициях, которое создало платформу для обсуждения проблем экономического сотрудничества[3].

Стороны признали, что потенциал для улучшения торговых и инвестиционных связей проистекает из реформ правительства Мьянмы и желания США поддержать эти реформы. Обе страны подтвердили свое желание поддерживать привлекательный инвестиционный климат, расширять и диверсифицировать торговлю товарами и услугами (статья 1). Предусмотрено создание Совета по торговле и инвестициям, который возглавит со стороны Мьянмы министр планирования и экономического развития, со стороны США – Бюро торгового представителя США. Совет будет встречаться в такое время, в таком месте и в таком составе, которое приемлемо для обеих сторон, но не реже, чем один раз в год. В функции Совета входит мониторинг торговых и инвестиционных отношений между двумя странами и выявление возможностей для развития торговли и инвестиций. Кроме того, Совет должен определять проблемы, которые могут обсуждаться на форумах. В их числе - проблемы, имеющие отношение к укреплению правовых норм и под-

держанию транспарантных и свободных от коррупции институтов, к защите прав интеллектуальной собственности и к защите прав рабочих, и к окружающей среде.

Подписанию этого соглашения предшествовал приезд торгового представителя Соединенных Штатов Дементриоса Марантиса в Янгон и Нейпьидо 25-26 апреля 2013 г. [4].

Его визит преследовал цель восстановить диалог о двухсторонней торговле, обсудить проблемы расширения торговли и инвестиций и поддержать программу экономических реформ правительства. Он встретился с высшими государственными чиновниками (в их числе управляющий делами президента У Со Тейн, министр торговли У Вин Мьин, заместитель министра труда У Мьин Тейн), а также с лидером оппозиции Аун Сан Су Чжи. Это посещение было первым официальным визитом торгового представителя Соединенных Штатов за всё время после провозглашения Мьянмой независимости.

Ниже рассмотрены основные направления активизации экономической деятельности США в Мьянме.

Внешняя торговля

Активизация торговых связей между Мьянмой и США началась лишь в конце 2012 г.

В ноябре 2012 г., накануне предстоящего визита в Янгон президента Б. Обама (он стал первым американским президентом, посетившим Мьянму), была выпущена генеральная лицензия №18, которая отменила введённые в августе 2012 г. торговые санкции и разрешила ввоз в США мьянманских товаров, за исключением рубинов и жалеита. Это дало импульс для возрождения торговли с почти нулевого уровня.

США никогда не были в числе крупных внешнеторговых партнёров Мьянмы. В XXI веке наибольший удельный вес США в общем обороте внешней торговли Мьянмы был отмечен только в 2000/01 г. (6,32%). После введения в 2003 г. санкций он снизился до ничтожно малой величины в 0,002%. Характерно, что, закрыв Мьянме доступ на свой рынок, США, тем не менее, не отказались полностью от вывоза своих товаров в Мьянму. Так, в 2005/06 г. на их долю приходилось 4,16% мьянманского импорта, в 2006/07-2008/09 гг. в среднем 1,5%.[5].

Мьянма - тоже малозначимый партнёр, занимающий 154-ю позицию в списке стран, поддерживающих торговые отношения с США[6].

Коммерческие операции между Мьянмой и США в целом невелики (см. Таблицу 1), но они расширяются, хотя и очень неравномерно. Так, в 2012/13 г. Мьянма вывезла в США продукции на 90% меньше, чем в предшествующем году, а в 2013/14 г. её экспорт вырос сразу на 782%, в 2014/15 г. - ещё на 105%, в 2015/16 г. – на 36%, в 2016/17 г. (апрель-декабрь) – на 173% .В итоге её экспорт увеличился за пятилетие в сорок пять раз. Так же скачкообразно изменяется и объём импорта.

Таблица 1

Динамика внешнеторговых операций Мьянмы и США, 2012/13-2016/17 гг.

Показатели	**2012/13**	**2013/14**	**2014/15**	**2015/16**	**2016/17 (апрель-декабрь)**
млн. долл.					
Экспорт в США	2.81	24,78	50,88	69,22	128,04
Импорт из США	119.98	79,66	494,04	127,68	162,18
Оборот	122.79	104,44	544,92	196,90	290,22
Сальдо	-117.17	-54,88	-443,16	-58,46	-34,14
Удельный вес США во внешней торговле Мьянмы, %					
В экспорте Мьянмы	0.03	0,22	0,41	0,62	1,51
В импорте Мьянмы	1.32	0,58	2,97	0,77	1,40
Во всём обороте	0.68	0,42	1,87	0,71	1,44

*Источники***:** Trade with United States.2012-2013 to 2015-2016 (April-March). Myanmar/United_States (2015-2016-April-March).pdf; Trade with United States.-2013-2014 to 2016-2017 (April-December) Myanmar/United_States (2016-2017 - April-December). pdf

Примечание: Данные за финансовый год, начинающийся 1 апреля и заканчивающийся 31 марта следующего года.

Приведенные в табл.1 данные свидетельствуют о том, что, во-первых, в отличие от предшествовавшего десятилетнего застоя внешнеторговые связи приобрели динамичность и расширяются и, во-вторых, США по-прежнему используют Мьянму прежде всего как удобный и в перспективе быстро растущий рынок сбыта, что оборачивается для страны постоянным пассивом сальдо внешнеторговых операций.

О том, какие мьянманские товары поступают на американский рынок, можно судить по показателям таблицы 2.

Таблица 2

Товарная структура экспорта Мьянмы в США, 2013/14-2016/17 гг.

Номенклатура товаров	**2013/14**		**2014/15**		**2015/16**		**2016/17** (апрель-декабрь)	
	Количество	Стоимость млн долл.	Количество	Стоимость млн долл.	Количество	Стоимость млн долл.	Количество	Стоимость млн. долл.
Швейные изделия, комп.	1.391168	4,19	3.147601	12,77	6945635	35,49	14.385823	63,14
Бобовые, м.т	4383	3,75	6151	5,86	3096	4,14	7161	8,2
Рыба, м.т	3746	6,25	3219	5.03	1942	2,99	1643	2,80
Обувь, пар	---	---	31737	0,27	436325	5,64	401662	3,48
Древесина, м.т	11	0,004	316	0,46	338	1,10	1774	3,09
Креветки, м.т	163	0,60	319	1,16	246	1,11	73	0,48
Изделия из ратана, комплекты	---	---	58109	0,15	13509	0,04	34853	0,05
Прочие		9,95		25,33		18,12		46,85
Все товары		24,78		50,88		69,22		128,04

Источник: Trade with United States. 2013-2014 to 2016-2017 (April-December) Myanmar/United_States (2016-2017 - April-December). pdf

Примечания: 1) Данные за финансовый год, начинающийся 1 апреля и оканчивающийся 31 марта следующего года

Как следует из данных таблицы 2, для мьянманского экспорта в США характерна высокая степень концентрации товаров - примерно две трети его стоимости приходится на всего лишь пять товаров – швейные изделия, бобовые, рыба, обувь и древесина. Ведущей статьёй стали швейные изделия, удельный вес которых становится с каждым годом всё весомее: за четыре года он увеличился с 16,9% до 49,3%. Общее количество изделий выросло в десять раз, а экспортная выручка – в 15 раз (хотя она ещё очень далека от того объёма, какой был в 2003 г., – 233 млн долл.).

Росту экспорта способствовали позитивные изменения в политике США по отношению к Мьянме, в частности, - снятие запрета на её участие в программе беспошлинного импорта. Как известно, в 1989 г. правительство США в знак протеста против нарушения военным правительством прав рабочих, вывело Мьянму из списка развивающихся стран, участвующих в американской программе Генеральной системы преференций (ГСП) и имеющих право на беспошлинный ввоз в США определённого количества товаров[7].

Президент Б. Обама после визита в Вашингтон государственного советника и министра иностранных дел Мьянмы Аун Сан Су Чжи подписал в сентябре 2016 г. постановление о восстановлении Мьянмы в программе ГСП с 13 ноября 2016 г. Под действие программы ГСП подпадают 5000 товаров, в том числе швейная продукция, бобовые, изделия из дерева и ратана, туристические товары. Предоставление Мьянме преференций имеет огромное значение для текстильной промышленности страны, ибо это дает дополнительный выход на американский рынок швейной отрасли, в которой, по данным 2014 г., функционируют более 200 фабрик и трудятся более 250 тысяч человек.

Принятию постановления предшествовали два важных действия. Во-первых, в 2013 г. правительство Мьянмы обратилось к американскому президенту с просьбой восстановить страну в списке преференциальных импортеров США. Во-вторых, в связи с этой просьбой Бюро торгового представителя США (the Office of the United States Trade Representative) провело тщательное исследование действующей в Мьянме системы защиты прав рабочих, чтобы убедиться, что Мьянма соот-

ветствует всем критериям, необходимым для включения страны в список ГСП. Прежде всего проверялось, были ли нарушения прав человека, так как защита рабочих является главным условием предоставления преференций[8].

О том, какая продукция вывозится из США в Мьянму, можно получить представление из статистических показателей, изложенных в таблице 3.

Таблица 3

Товарная структура импорта Мьянмы из США, 2013/14-2016/17 гг. (млн. долл.)

Номенклатура товаров	**2012/13**	**2013/14**	**2014/15**	**2015/16**	**2016/17 (апрель-декабрь)**
Основные металлы и продукция обрабатывающей промышленности	1,65	3,09	3,46	13,04	34,33
Механизмы и приборы	24,58	19,53	34,89	32,89	17,64
Электрооборудование и аппаратура	61,39	9,75	10,60	9,89	17,17
Фармацевтическая продукция	2,99	2,15	2,05	4,29	17,13
Транспортное оборудование	4,38	8,02	2,47	12,39	5,95
Пластик и изделия из него	1,43	0,69	1,24	3,66	5,85
Минеральное топливо и масло	1,34	5,20	6,87	3,36	4.11
Изделия из искусственной и синтетической пряжи	0,12	0,03	0,08	2,02	3,67
Научные инструменты	7,01	6,05	4,79	2,80	3,37
Химические элементы и компоненты	0,46	0,32	0,73	1,53	1,59
Изделия из каучука	0,53	0,30	1,78	0,79	1,42
Молочная продукция	0,62	0,32	0,33	0,51	0,78
Растительное и другое масло	0,02	0,02	0,21	0,12	0,68
Бумага и изделия из неё	0,25	0,55	1,51	0,29	0,18
Прочие товары	13,21	23,64	423,03	40,1	48,31
Все товары	119,98	79,66	494,04	127,68	162,18

Источники: Trade with United States.2012-2013 to 2015-2016 (April-March). Myanmar/United_States (2015-2016-April-March).pdf; Trade with United States.-2013-2014 to 2016-2017 (April-December) Myanmar/United_States (2016-2017 - April-December). Pdf

Примечание: Год финансовый, начинается 1 апреля и оканчивается 31 марта следующего года.

Концентрация товаров в импорте в целом несколько слабее, чем в экспорте, но и здесь среди товаров, закупаемых Мьянмой в США, на долю пяти товарных групп приходится более половины стоимости импорта. Ведущие позиции занимают машины и механизмы, электрооборудование, самолёты и автомобили, оптические и медицинские инструменты, фармацевтическая продукция. Единичные крупные покупки в США, как например, самолётов в 2014/15 г., увеличивают мьянманский импорт в разы и вызывают крупный пассивный баланс в торговле с США.

Подводя итог взаимодействию Мьянмы и США в сфере торговых отношений, можно отметить их последовательно возрастающий объём и наличие позитивных перспектив их развития.

Инвестиции

Несколько иная ситуация складывается в сфере инвестиций.

Санкции, введённые Соединенными Штатами и странами Европейского Союза, привели к уходу из Мьянмы большинства американских инвесторов.

Ослабление наиболее жестких санкций, начатое в 2012 г., позволило американским компаниям сделать новые инвестиции – впервые за длительный срок. Кстати, Х. Клинтон в бытность госсекретарём призвала американские компании «инвестировать в Бирму и делать это ответственно», добавив: «Давайте делать работу вместе, чтобы создать рабочие места, возможности и поддержать реформу»[9].

Общая сумма накопленных инвестиций американских предпринимателей в Мьянме оценивается, по данным Директората инвестиций и управления компаниями на 31 марта 2017 г., в 248,22 млн долл. (14-я позиция среди иностранных инвесторов в Мьянме). Они вложены в 17 предприятий. Из этой суммы 243,57 млн – вложения до 2003/04 г. Новые инвестиции появились только в 2014/15 г. в размере 2,041 млн (1 объект) и в 2015/16 г. – 2,61 млн (1 объект). Доля американских компаний в общей корзине иностранных инвестиций ничтожно мала – всего лишь 0,35% по сравнению с 26,37% Китая (18,554 млн

долл.), 24% Сингапура (16,884 млн) и 15,53% Таиланда (10,923 млн долл.)[10].

По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, потенциал Мьянмы не востребован в полной мере. И лишь в последнее время положение значительно изменилось. Иностранные, в том числе и американские, инвесторы проявляют всё больший интерес к стране. Среди них такие ТНК-гиганты, как энергетические Бритиш Петролеум, Шелл, Эксон Мобил, КонокоФиллипс, Шеврон, технологические ИБМ, Интел, Боинг, финансовые Гоулдман Сакс, Вестерн Юнион, Мастеркард и многие другие.

Развитию американского бизнеса в Мьянме препятствуют очень большие трудности при открытии бизнеса. При всей своей привлекательности Мьянма – весьма сложная площадка для размещения инвестиций и имеет очень низкий международный рейтинг. В частности, по данным Всемирного банка 2017 г., среди 190 стран Мьянма занимает 170-ю позицию по общему показателю «Ведение бизнеса», 179-ю – по показателю «защита миноритарных инвесторов» и 175-ю – по показателю «получение кредита»[11] В 2014 г. страна заняла по индексу «инновации» 140 место среди 143 государств, по индексу «коррупция» - 156 место среди 175 стран.

О том, что Мьянма уступает по условиям открытия предприятия не только развитым государствам, но и странам в регионе Восточной Азии и Тихого океана, свидетельствуют данные таблицы 4.

Таблица 4.

Сравнительные данные об условиях открытия бизнеса в Мьянме и в других странах

Показатели	**Мьянма**	**Страны Восточной Азии и Тихого океана**	**Страны ОЭСР с высоким доходом**
Число процедур	11,0	7,0	4,8
Время оформления процедур, дни	13,0	23,99	8,3
Стоимость, % подушевого дохода	40,4	19,0	3,1

Источник:Ease of Doing Business in Myanmar – World Bank Group

Функционирующие в Мьянме иностранные компании провели обследования, в результате которых были выявлены следующие трудности и препятствия для ведения бизнеса в стране: 1) получение кредита, 2) снабжение электроэнергией, 3) нехватка квалифицированной рабочей силы, 4) коррупция и плохое исполнение законов, 5) неясность налогообложения и регулирования, 6) слабая инфраструктура. Всемирный банк тоже отмечает, что Мьянма относится к числу стран с самым низким в мире уровнем доступа к финансовым услугам.

Проблемы улучшения инвестиционного климата в стране обсуждались на проведённой 6 июня 2016 г. конференции в Янгоне под названием «Экономические отношения США и Мьянмы: следующий этап». Она была организована совместно Федерацией торговых и промышленных палат Мьянмы и Торговой палатой США. На конференции присутствовали министр планирования и финансов У Чжо Вин, министр планирования и финансов региона Янгон У Мьин Таунг, посол США Скот Марсьел, чиновники разных министерств, американские и мьянманские предприниматели[12].

Джон Гойер, один из руководителей Торговой палаты США, в интервью радиостанции «Голос Америки» заявил, что проблемы финансового сектора и плохая инфраструктура отпугивают американских бизнесменов от инвестирования в Мьянме. Он сказал: «Есть много проблем, с которыми имеют дело американские компании. Это ограничители в финансовом секторе и его общее очень слабое развитие; неадекватное обеспечение электроэнергией, проблемы с человеческими ресурсами и поиски достаточного количества людей, способных для управленческой и технической работы, или такие более обычные вещи, как дорогие помещения для офисов и высокая аренда офиса, а также получение товара через таможню»[13].

Во время визита в США государственного советника и министра иностранных дел Мьянмы Аун Сан Су Чжи в сентябре 2016 г. была достигнута договорённость с президентом Б. Обама о создании сообщества «Партнёрство США-Мьянма». 15 ноября 2016 г. в Нейпьидо состоялось первое заседание сообщества. Американскую сторону представляли сотрудники госдепартамента, министерств торговли, финансов и обороны,

агентства международного развития, агентства торговли и развития и посол США в Мьянме Скот Марсьел. Делегацию правительства Мьянмы возглавил министр иностранных дел У Чжо Тин. Обсуждались проблемы, важные для текущего сотрудничества и для расширения американо-мьянманских отношений, а также способы построения крепкого экономического и торгового партнёрства. Было решено, что партнёрство будет поддерживаться путём ежегодного диалога госдепартамента США и Министерства иностранных дел Мьянмы и что будут созданы механизмы для сотрудничества в различных сферах (политические и дипломатические отношения, торговые и экономические связи, наука и технология, образование и обучение, оборона и безопасность, окружающая среда и здравоохранение, гуманитарная защита и поддержание норм закона, права человека)[14].

Принятие 18 октября 2016 г. нового (третьего по счёту после 1988 г.) Закона об инвестициях, учитывающего изменившиеся в стране условия, и активные действия правительства по модернизации законодательства и активизации хозяйственной деятельности, дают основание полагать, что сфера действия американского бизнеса в Мьянме будет расширяться.

---

[1] OFAC (Office of Foreign Assets Control).Burma Sanctions Program. Updated September 9,2015 – www.treasury.gov/burma.pdf ; U.S.Treasury Department.Office of Public Affairs. October 7, 2016 – www.treasury.gov/burma_fact_sheet_20161007.pdf

[2] www.hunto.com/OFAC_Lifts_Longstanding_Trade_Sanctions_Against_Burma.pdf

[3] Trade and Investment Framework Agreement between the Government of the United States and the Government of the Republic of the Union of Myanmar – https://ustr.gov/about-us/policy.../us-burma-sign-tifa

[4] Бюро торгового представителя Соединенных Штатов при Исполнительном бюро президента определяет функции торгового представителя США следующим образом: «Торговый представитель Соединенных Штатов (United States Trade Representative-USTR) несёт личную ответственность за администрирование торговых соглашений. Это включает мониторинг выполнения торговыми партнёрами условий торговых соглаше-

ний с США, настаивание на включение в соглашение американских прав и переговоры с последующим подписанием соглашений, которые продвигают торговую политику президента».

[5] Подсчитано автором по: GOM-Statistical Yearbook 2010-www/burmalibrary.org/GOM-Statistical_Yearbook_2010-en-red.pdf

[6] Ustr.gov/Burma/Uniyed States Trade Representative

[7] Программа Генеральной системы преференций США (United States Generalized System of Preferences) была создана для развивающихся стран на основе Закона о торговле 1974 г. с целью содействовать их экономическому развитию. В список входят 122 страны, каждая из которых имеет право ввозить в США без уплаты импортных таможенных пошлин около 3500 различных товаров. Для наименее развитых стран (Мьянма входит в их число) номенклатура товаров увеличена до 5 000 товаров. Согласно информации Бюро торгового представителя, в 2015 г. в США было импортировано беспошлинной продукции на основе ГСП на сумму около 17,7 млрд долл.– www.americanshipper.com/ Obama restores Myanmar to U.S.duty-free import program.

[8] Страны Европейского Союза восстановили Мьянму в свои режимы преференций ещё в июне 2013 г. (вводился с 1 января 2014 г.).

[9] US-Myanmar Commercial Relations: The Next Phase. June 2016 – www.uschamber.com/us_-_myanmar_commercial_relations_ _the_next_phase_ _.pdf.

[10] Yearly Approved amount of Foreign investment (by country) – www.dica.gov.mm/Foreign investment by country/ Directorate of Investment and Company Administration

[11] World Bank. Doing Business 2017, p.227 – www.doingbusiness.org/ DB-Full-Report.pdf

[12] www.dica.gov.mm

[13] www.voanews.com/a/united...myanmar.../3364356.html

[14] https://www.humanrights.gov/dyn/11/-first-u.s.---myanmar-partnership-meeting-held

© ***Соколов А.А.***
ИВ РАН

СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ из ВЬЕТНАМА: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

В последние десятилетия характерной чертой глобализационных процессов стала интернационализация высшего образования, которая охватила университеты, учебные организации и страны[1]. Она включает в себя различные формы международного взаимодействия, среди которых активное развитие получила учеба за рубежом.

Международная образовательная миграция представляет собой перемещения людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки. К ней относятся перемещения школьников, студентов средних специальных и высших учебных заведений, аспирантов, докторантов, стажеров, профессионалов.

Первый опыт учебы вьетнамцев за рубежом относится к началу XX века, когда они уезжали учиться сначала в Японию, а затем в метрополию – во Францию. В 1950–1980 гг. вьетнамцы из Северного Вьетнама обучались преимущественно в Советском Союзе и Китае, а также в некоторых других социалистических странах. Со второй половины 1980-х гг. во Вьетнаме была объявлена политика обновления и начали осуществляться реформы, направленные на внедрение механизмов рыночной экономики. Для развития производства предприятиям страны потребовались новые передовые технологии и специалисты, владеющие современными знаниями и обладающие профессиональным уровнем. Поэтому в начале 1990-х гг. вьетнамцы стали отправляться на учебу в высокоразвитые страны, первая волна таких студентов-мигрантов насчитывала около 20 тыс. человек. Со временем эта форма обучения приобрела во Вьетнаме массовый характер.

Впечатляющая динамика образовательной миграции из Вьетнама в разные страны мира за последнее десятилетие порож-

дает много проблем и вопросов, некоторые из которых будут рассмотрены в данной статье.

География образовательной миграции

По данным Министерства образования и подготовки кадров СРВ (МОПК), в 2016 г. 130 тыс. вьетнамских юношей и девушек обучались за рубежом[2], это больше, чем в 2015 г. − 120 тыс.[3]. Отметим сразу, чтобы учиться за границей, не обязательно окончить среднюю школу, среди вьетнамцев, получающих образование за рубежом, есть учащиеся и лицеев, и базовых школ. Согласно публикациям вьетнамских СМИ, количественный состав выезжающих примерно таков (в порядке приоритета): бакалавры – 57%, учащиеся старших классов школ – 22%, студенты – 7%, аспиранты – 5% и др.

Из общего числа учебных мигрантов только 10% являются государственными стипендиатами, а 90% юношей и девушек сами оплачивают свою учебу, которая обходится их семьям весьма дорого[4]. По информации образовательных ведомств СРВ, расходы на обучение одного вьетнамского студента за рубежом сегодня составляют от 30 000 до 40 000 долларов. В 2013 г. на обучение вьетнамской молодежи за рубежом было потрачено 1,8 млрд. долларов[5], сегодня эти расходы могут достигать 3 млрд. долларов[6].

В 2016 г. по государственной линии 5519 вьетнамских юношей и девушек обучалось почти в 50 странах мира, в том числе по линии МОПК: 580 магистрантов, 63 стажера-практиканта и 2501 аспирант – они получали государственную стипендию (в соответствии с Учебной программой «Проект 322»)[7]; по линии Министерства сельского хозяйства, Министерства промышленности и торговли и других ведомств обучалось 2375 студентов, стажеров и аспирантов[8]. Увеличилось количество стипендий, предоставляемых зарубежными странами. Так, Венгрия теперь предоставляет вьетнамцам для учебы 100 стипендий (раньше – 5), Россия – более 900 стипендий (ранее – 400) и т.д.

Можно выделить 4 категории стран, куда вьетнамцы отправляются на учебу: *англоязычные* – США, Канада, Австралия, Великобритания; *китаеязычные*: Китай, Тайвань, Синга-

пур; *русскоязычные* – Россия, некоторые страны СРГ; *остальные* – Южная Корея, Япония, Европа и т.д.

Студенты с хорошим базовым образованием и из состоятельных семей, как правило, едут на учебу в страны, считающиеся престижными – США, Канаду, Австралию, Японию, Южную Корею, Великобританию, Францию, Германию. При обучении в Австралии и европейских странах значительная часть вьетнамских студентов получают поддержку от местных образовательных учреждений и других организаций (в том числе от местной диаспоры) в различной форме: стипендии, гранты и т.п.

Следует особо подчеркнуть роль английского языка, который важен и обязателен для поездки на учебу за рубеж, вне зависимости от страны назначения. Сегодня во Вьетнаме английский язык − обязательный предмет в школьных и вузовских программах, повсеместно действуют многочисленные центры и курсы английского языка всех уровней. По информации Международной образовательной организации English First, в 2015 г. Вьетнам занял 29-е место среди 70 стран мира по уровню владения английским языком и 5-е место среди 16 азиатских стран[9].

Мотивы, побуждающие молодежь поехать учиться в другую страну, понятны и универсальны, в первую очередь они связаны со статусом и престижем такого образования: у выпускника с зарубежным дипломом, претендующим на хорошую работу, шансов в большинстве случаев больше, чем у выпускников отечественных вузов. Методика обучения в большинстве зарубежных вузов во многом отличается от вьетнамской, поэтому для молодых людей образование за границей является полезной практикой. Во время учебы в зарубежном вузе вьетнамские студенты ежедневно общаются с преподавателями и сверстниками, совершенствуя знание языка, прежде всего английского, работают в новейших лабораториях и на лучшем оборудовании. Как правило, западные фирмы активно привлекают студентов к себе на практику, и, показав хорошие результаты, те после окончания университета могут получить там работу. И, конечно, во время учебы в других странах вьетнамские

студенты могут найти новых знакомых и друзей, познакомиться с культурой разных наций, завязать полезные связи.

В 2016 г. Международный образовательный Интернет-портал EasyUni провел опрос среди молодежи СРВ относительно выбора места учебы и получил такие результаты: 41% вьетнамской молодежи хочет учиться дома, во Вьетнаме, а 59% − за рубежом[10]. При этом 64% из первой группы опрошенных согласны учиться дома по финансовым причинам – соответственно возможностям их семей, а около 80% при благоприятной возможности готовы уехать на учебу за рубеж. Вторая группа вьетнамской молодежи, выбравшая обучение за рубежом, свое решение обосновывает следующими аргументами: доверие качеству образования и подготовки – 38%, хороший жизненный опыт при освоении будущей специальности – 36%, это надежные инвестиции для получения диплома, имеющего международное признание, и создания благоприятных условий для последующей работы − 19%[11]. А вот какими аргументами руководствуются родители, принимая решение направить своих детей на учебу за границу (в порядке приоритета): всестороннее образование и развитие (46%), высокое качество образования (41%), креативность образовательного процесса (23%), непредвзятость образования (17%), персонифицированное обучение (14%), важность получения фундаментальных знаний (9%)[12].

Среди инструментов рекрутинга потенциальных студентов важную роль играют интернет-платформы, продвигающие в сети обучение за рубежом. Это – «Образование в Великобритании» (Education UK), официальный сайт правительства Австралии «Учись в Австралии» (Study in Australia), интернет-портал «Учись в США» (Study in USA), «Учись в Корее» (Study in Korea) и другие интернет-порталы и сайты, распространяющие информацию об образовательных возможностях в своих странах.

По данным МОПК и международных образовательных организаций, «география» приоритетных стран для учебы у современных вьетнамцев в 2013 г. оказалась следующей: Австралия – 26 015 человек, США – 19 591, Япония – 13 328, Китай – 13 000, Сингапур – 10 000, Франция – 6700, Тайвань – 6000,

Великобритания – 5118, Россия – 5000, Германия – 5000 (4600?), Южная Корея – 2600[13]. В последующие годы эти количественные показатели менялись в зависимости от разных обстоятельств и причин, но общая тенденция образовательной миграции сохраняется и продолжает действовать в настоящее время. Так, в 2016 г. количество вьетнамцев, обучавшихся обучались за рубежом, составило 130 000 человек, в том числе: в Япония – 38 000, Австралии – 31 000, США – 28 000, Китае – 13 000, Великобритании – 11 000, в других европейских странах – 18 000[14] и т.д. Прогнозируется, что в 2017 г. число образовательных мигрантов из Вьетнама может составить 140 000[15].

Самыми популярными специальностями, которые выбирают вьетнамские студенты в зарубежных вузах, являются: управление (в том числе EMBA, MBA[16] − до 15% от общего числа обучающихся), искусства, медиа, экономика и финансы, юриспруденция.

Наиболее популярной страной для получения образования у вьетнамской молодежи являются **США.** Именно в Америку всё больше вьетнамских студентов, стажеров и аспирантов уезжают на учебу. Так, в 1995 г., когда между двумя странами были установлены дипломатические отношения, там обучалось менее 800 студентов из СРВ[17], в 1998/1999 учебном году − 1587, в 2006/2007-м – 6036[18]. По данным международной образовательной организации Open Doors, по сравнению с 2009/2010 учебным годом их число увеличилось в 2010/2011-м на 14%: с 13 112 до 14 888 человек. В 2012/2013 учебном году в США обучалось 16 098 вьетнамцев, что означало рост на 3,4% по сравнению с предыдущим годом. В 2013 г. численность вьетнамских студентов в США составила 19 591 человек, а в 2014/2015 учебном году несколько снизилась и составила 18 722 человека.

В 2013 г. Вьетнам занимал 9-е место среди всех стран мира по числу студентов, стажеров и аспирантов, обучающихся в США по линии разных образовательных программ, а в 2015-м – уже 6-е место (после Китая, Индии, Южной Кореи, Саудовской Аравии и Канады)[19]. Факт увеличения численности вьетнамских студентов в США даже стал темой кандидатской диссер-

тации, защищенной в 2012 г. в Университете Северного Канзаса[20].

В 2016 г. вьетнамские студенты обучались во всех штатах США: от Аляски (6 человек) до Калифорнии (6151 человек)[21]. Больше всего вьетнамских студентов учатся в пяти штатах, это – Калифорния, Техас, Вашингтон, Массачусетс и Нью-Йорк. По американским данным, в 2015 г. по специальности *иностранные языки* занимались 3732 вьетнамских студента (12,9%), по всем остальным специальностям – 8050 (27,9%), на бакалавра – 8976 (31,1%), на магистра – 2330 (8,1%), в аспирантуре – 1159 (4%)[22] и т.д.

По данным американских образовательных ведомств, около 60% вьетнамских юношей и девушек в США обучаются в *коммьюнити колледжах* (Community College) – двухгодичных муниципальных колледжах.

Их преимущества и привлекательность для иностранных студентов состоит в доступной стоимости, легкой адаптации к новым условиям жизни и учебы, а также в возможности получить две квалификации − степень ассоциата (Associate Degree)[23] и степень бакалавра (Bachelor's Degree)[24].

Другой востребованной страной для получения образования у вьетнамцев является **Австралия.** Сфера человеческих ресурсов и прежде всего обучение вьетнамских студентов в высших учебных заведениях Австралии занимает особое место в двусторонних межгосударственных отношениях. По данным вьетнамских СМИ, в 2016 г. в Австралии обучалось около 30 тыс. школьников, студентов, аспирантов и стажеров из СРВ[25], причем 90% из них учатся за свой счёт. В настоящее время Австралия занимает лидирующие позиции по числу выдаваемых вьетнамским гражданам стипендий – свыше 400 стипендий в год. В основном это касается вузовского и послевузовского образования, а также программ подготовки высококвалифицированных кадров. Наряду с постоянными государственными стипендиями, некоторые австралийские неправительственные организации, университеты, исследовательские центры и фонды периодически выделяют свои стипендии вьетнамским студентам и служащим. С 1973 г., когда между двумя странами были установлены дипломатические отношения, по 2013 г. Австра-

лия предоставила Вьетнаму более 4000 стипендий по различным дисциплинам и направлениям. За период 2012–2015 гг. Австралия выделила 1380 стипендий, в том числе на 2013 г. - 272 долгосрочные и 88 краткосрочных стипендий.

По информации, предоставленной в мае 2017 г. австралийским посольством в СРВ, Австралия стала лидером по предоставлению стипендий вьетнамским студентам. С 1970-х гг. до настоящего времени более 5800 граждан Вьетнама получили стипендии от правительства Австралии. Кроме того, более 50 000 вьетнамских выпускников на коммерческой основе прошли обучение в Австралии. Стипендии правительства Австралии являются почетными и бывают как долгосрочные, так и краткосрочные стипендии – «Australia Awards» и «Endeavour»[26].

Начальник Управления по вопросам сотрудничества с зарубежными странами МОПК СРВ Фам Куанг Хынг так охарактеризовал значение высшего образования Австралии для подготовки вьетнамских специалистов *«Австралия выдаёт вьетнамцам стипендии с желанием, чтобы Вьетнам устойчиво развивался и в 2020 году превратился в индустриальную страну. В основном идёт подготовка специалистов в областях экономики, государственного управления, финансов, строительства, экологии, сельского и лесного хозяйства, социальной сферы и т.д. В Австралии развитая система образования, признанная во всём мире. Это важно и для работодателей. Вьетнамцы, получившие образование в Австралии, считаются высокопрофессиональными специалистами»*[27].

Вьетнамские юноши и девушки, учившиеся в Австралии, в настоящее время работают в разных государственных учреждениях, общественных организациях, научно-исследовательских институтах в разных городах и провинциях СРВ в различных сферах, таких как окружающая среда, банки, юриспруденция, милиция, сельское хозяйство, преподавание английского языка и т.д.

По данным японской образовательной организации JSSO, численность вьетнамских студентов **в Японии** увеличивается: в 2016 г. по сравнению с 2015 г. этот рост составил 14,8%. Из 239 297 иностранных студентов, обучающихся в этой стране,

вьетнамцы находятся на втором месте и составили 53 807 человек, уступив первенство китайцам (98 483 человека)[28].

Образовательная миграция вьетнамцев в **России** имеет давнюю историю[29]. Сегодня большинство вьетнамских студентов приезжают в Россию за свой счет и учатся в разных вузах России, основные города их учебы – Москва, Санкт-Петербург, Тула и др. В настоящее время только в одном Тульском государственном университете обучаются 180 вьетнамских студентов и аспирантов, из них 20 студентов – за свой счет, остальные – по межправительственному соглашению РФ - СРВ[30]. О возможностях обучения в России они узнают в основном от своих знакомых или от родственников, учившихся ещё во времена Советского Союза. Отметим, что в последние годы некоторые российские вузы стали проводить свои выставки-презентации в Ханое и Хошимине.

В 2014 г. в России обучалось 6000 вьетнамских студентов, из них – 2000 по межправительственному соглашению РФ – СРВ[31]. На тот период квота для Вьетнама составляла 500 стипендий. По данным Радио «Спутник», в 2016/2017 учебном году в России пройдут обучение 855 граждан Вьетнама, из них 70 стипендий будут выделены для дисциплин, связанных с ядерной энергетикой[32]. В 2017 г. российское правительство выделило 953 стипендии для граждан Вьетнама: для студентов вузов – 30%, для аспирантов – 65%, для стажеров – 5%[33]. Планируется к 2020 г. количество стипендий для вьетнамской молодежи в РФ довести до 1000.

Малочисленность вьетнамских студентов в РФ, по мнению некоторых отечественных исследователей, в немалой степени связана с тем, что в нашей стране образовательная политика в этом аспекте развивается недостаточно активно, опирается на традиционные методы и не имеет достаточного размаха[34]. Сегодня следует учитывать и такие факторы, как сокращение распространения русского языка во Вьетнаме, отсутствие рекламы российских университетов и доступных курсов русского языка и т.д. Кроме того, экономическое взаимодействие между Россией и Вьетнамом остается на невысоком уровне, что уменьшает возможности вьетнамцев – выпускников российских вузов найти достойную работу на вьетнамском

рынке труда. В результате, Россия не входит в число приоритетных направлений для обучения молодых вьетнамцев и существенно проигрывает в конкурентной борьбе другим государствам. Известно, что даже люди, учившиеся в СССР и России, отправляют своих детей учиться в страны Запада, Японию, Южную Корею, Австралию, поскольку не видят перспектив их трудоустройства с российскими дипломами[35].

Первая массовая волна вьетнамских студентов, отправившихся на учебу в **Южную Корею,** относится к 2003 г. и составила 367 человек.

По данным Министерства юстиции Республики Корея, в 2016 г. Вьетнам занимал второе место по численности (8293 чел.) среди иностранных студентов, обучающихся в Южной Корее, поднявшись с третьего места в 2014 г. (4451 чел.)[36]. Наиболее многочисленную группу составляют студенты, изучающие иностранные языки – 1715 человек, магистранты – 968 человек, студенты вузов и колледжей – 898 человек, аспиранты – 713 человек и т.д.[37].

Многие вьетнамские юноши и девушки выбрали для учебы Южную Корею под влиянием корейской массовой культуры *халлю*, которая чрезвычайно популярна в СРВ.

С каждым годом наблюдается устойчивый рост вьетнамских студентов в таких странах, как Германия, Франция, Великобритания, Голландия, Бельгия, а также бывшие социалистические государства. Учеба в Европе их привлекает, прежде всего, различными формами социальной поддержки: стипендии, гранты и т.д.

В настоящее время в **Германии** обучаются более 5000 вьетнамцев. Ежегодно Германия выдает визы 500 вьетнамцам, отправляющимся на учебу в Германию. В 12 из 16 федеральных земель Германии обучение в университете и в аспирантуре бесплатное. А в оставшихся 4-х землях плата за обучение невысокая – 500 евро за семестр.

В 2016 г. во **Франции** обучалось более 6000 вьетнамцев. Только в 2015 г. на учебу в эту страну приехали 1450 юношей и девушек из СРВ. До недавнего времени проводимая французскими властями политика в области образования мало стимулировала приезд вьетнамских студентов на учебу, Начиная с

2012 г. отношение Франции к образовательным мигрантам меняется в лучшую сторону. Флоран Менар, представитель французской образовательной организации Campus France в Ханое, в интервью радиостанции RFI отмечал: «Французское правительство считает иностранных студентов большой ценностью для экономики, культуры, развития Франции. Поэтому оно придает большое значение привлечению иностранных студентов»[38].

Вьетнамцы во Франции предпочитают изучать дисциплины, связанные с бизнесом, менеджментом, экономикой – таких до 45% от общего числа всех студентов. Другие же специальности, например, связанные с общественными науками, их мало интересуют, ведь они дают мало шансов найти хорошую работу. Важно отметить, что французские университеты оказывает материальную поддержку иностранным студентам в различных формах.

Сейчас в **Великобритании** обучаются около 5000 вьетнамцев на разных образовательных уровнях: от учащихся школ до аспирантов. Большинство учатся по программе магистерской степени. Многие студенты получают стипендию от английского правительства, а некоторые получают престижную стипендию Chevening, которая тоже выделяется из государственного бюджета и предоставляется иностранным студентам. Её цель – выявлять «будущих лидеров» по всему миру, обучать их в британских вузах и поддерживать с ними связь после их возвращения на родину. Так Великобритания создает связи с потенциально влиятельными людьми по всему миру, а также пропагандирует свое высшее образование и популяризует британскую культуру.

Учеба и/или работа

Практически во всех странах своего пребывания вьетнамские студенты ищут возможности для подработки, особенно это касается выходцев из небогатых семей. Они зарабатывают деньги на оплату жилья, покупку одежды и предметов повседневного пользования, особую статью расходов составляют книги и учебные пособия. Поэтому поиск дополнительной ра-

боты для них часто становится первоочередной задачей в стране их пребывания.

В Интернете можно найти много информации о дополнительной работе для молодежи, как официальные предложения о работе, так и конкретные советы, связанные с личным опытом. Как показывает статистика, весьма активно проблема дополнительной работы обсуждается среди вьетнамских студентов в Австралии. Вот типичный комментарий одного из них: «Если мы не будем работать, то этой возможностью сразу же воспользуется кто-то другой. Конечно, в работе бывают и неожиданности, и риски, но мы по-прежнему будем подрабатывать, чтобы иметь деньги на повседневные нужды»[39].

Согласно австралийскому законодательству, иностранным студентам старше 18 лет разрешено работать не более 20 часов в неделю, а во время официальных учебных каникул таких временных ограничений нет. Они могут работать официантами в ресторанах, продавцами в магазинах, подсобными рабочими на овощных рынках и т.д. Обычно для дополнительной работы требуется официальное оформление, тем не менее, есть много случаев нелегального труда, что влечет за собой более низкую оплату. Тем не менее, такая дополнительная работа позволяет студентам решать многие повседневные нужды, и более того, некоторые студенты даже умудряются помогать своим родным во Вьетнаме. Вьетнамские студенты пишут в Интернете, что на такую нелегальную работу их часто приглашают свои же соотечественники из многочисленной вьетнамской диаспоры в Австралии[40].

Как уже отмечалось выше, обучение за границей – и особенно в США - вьетнамским студентам обходится очень дорого: только оплата за учебу в университете может достигать 45 000 долларов, кроме того ещё нужны деньги на бытовые и прочие нужды[41]. Значительная часть вьетнамских семей, отправивших своих детей на учебу в США, с трудом выдерживают такое финансовое бремя. Поэтому многим вьетнамским студентам приходится подрабатывать и переходить на режим экономии (питаться только дома, не пользоваться общественным транспортом и передвигаться на велосипеде, и т.д.). Один вьетнамский студент из США так прокомментировал ситуацию с

подработкой: «Дополнительная работа в ресторане или магазине может принести краткосрочный доход, решить некоторые насущные финансовые проблемы, но от неё нет никакой практической пользы для моей учебы и она никак не повлияет на моё трудоустройство в будущем. Потому что такая работа не связана с моей специальностью в университете»[42].

Ещё один пример, на этот раз связанный с Японией. В начале 2017 г. многие вьетнамские СМИ опубликовали статью «Почему более 90% вьетнамских студентов в Японии бросают учебу?»[43], поводом для которой стала встреча посла Японии во Вьетнаме Кунио Умэда с министром образования и подготовки кадров СРВ Фунг Суан Ня.

По данным японских образовательных организаций, в настоящее время в этой стране в качестве студентов или стажеров находятся до 60 тыс. вьетнамцев, из которых только малая часть (некоторые источники называют цифру 8%) действительно занимается учебой или наукой. Остальные же или бросают учебу, или только формально числятся в своем учебном заведении. Как только они приезжают в Японию, то сразу же начинают поиски работы, причем, в такой ситуации, им часто приходится довольствоваться нелегальной работой. Некоторые из них уже имеют высшее образование, но не смогли найти работу на родине, поэтому отправились в Японию с надеждой на удачу. В подавляющем большинстве случаев им не удается найти работу по специальности, поэтому приходится соглашаться на любую другую, чтобы заработать денег.

Как пишет вьетнамская пресса, в Японии за 1 час можно получить 900-1000 иен (примерно 9 долларов), тогда как 1 час работы во Вьетнаме стоит в разы меньше. Поэтому получается, что учеба или стажировка вьетнамцев в Японии на деле оказывается ещё одним каналом экспорта рабочей силы.

Японский посол в беседе с министром образования СРВ посетовал, что такая ситуация с псевдостудентами и стажерами плохо отражается на имидже Вьетнама в Японии. Более того, по сообщениям японских СМИ, в последнее время вьетнамцы стали часто фигурировать в сообщениях местной криминальной хроники: кражи товаров в супермаркетах с последующей их перепродажей по более низкой цене, безбилетный проезд в

транспорте и т.д. Тем не менее отклики в Интернете на такую информацию свидетельствует, что большинство молодых вьетнамцев хотят поехать за границу не только, чтобы учиться, но и одновременно зарабатывать деньги.

Такая же ситуация характерна и для России, особенно во второй половине 1990-х годов – период массового приезда вьетнамских граждан на учебу в нашу страну. Многие из них имели учебную визу и числилась в вузах, однако обучение проходила только незначительна часть, остальные, въехав в Россию, как правило, торговали на рынках, либо занимались другой коммерческой деятельностью. Они рассматривали учебу в российских вузах как способ заняться бизнесом и другими личными делами.

«Невозвращенцы», или «утечка умов» по-вьетнамски

Интернационализация высшего образования, отвечающая растущей потребности в межкультурном взаимопонимании, является, безусловно, благоприятной тенденцией. Однако мобильность студентов и преподавателей в условиях сильных различий экономического развития разных стран приводит к такой негативной тенденции, как «утечка умов». Традиционно под этим явлением понимают процесс массовой эмиграции, при котором из страны или региона уезжают специалисты, учёные и квалифицированные рабочие по политическим, экономическим, религиозным или иным причинам. При этом странам, из которых происходит утечка специалистов, наносится весьма значительный экономический, культурный, а иногда и политический ущерб, и, напротив, страны, принимающие и обеспечивающие специалистов-эмигрантов, приобретают огромный и дешевый интеллектуальный капитал[44].

Основные причины «утечки умов» прежде всего экономические, а именно: низкий уровень оплаты труда, неудовлетворительные материально-технические условия для профессиональной деятельности, низкий социальный статус.

По данным вьетнамской партийной газеты «Нян зан», 60-70% студентов не возвращаются домой во Вьетнам, а остаются за границей, чтобы продолжать учебу или искать работу[45]. Ко-

нечно, эта цифра не точная и зависит от конкретной страны. Отметим, что в числе невернувшихся студентов есть и дети высокопоставленных лиц СРВ, и те, кто получал государственную стипендию.

Недавно одна известная рекрутинговая фирма в Ханое предоставила вьетнамской прессе следующую информацию: ежегодно она принимает для оформления около 1200 досье молодых вьетнамцев, уезжающих на учебу за границу, главным образом, в США, Канаду, Австралию и Сингапур. По окончанию учебы примерно 65% вьетнамцев, проходивших у них оформление, решают остаться в странах своей учебы[46]. Этой же фирмой был проведен опрос 500 обучавшихся за рубежом студентов, а также проживающих в разных странах вьетнамских эмигрантов (*вьет киеу*) – преподавателей, ученых, различных специалистов; 86% опрошенных совершенно определенно ответили, что решающим обстоятельством для их возвращения во Вьетнам могут стать более благоприятные условия для работы и жизни[47].

Но есть ещё и «внутренняя» причина для того, чтобы остаться за рубежом, это проблема трудоустройства на родине. По данным МОПК, в 1-м квартале 2016 г. в стране было 225 тыс. безработных бакалавров и магистрантов[48]. Было также заявлено, что к 2020 г. образовательная система страны не сможет принять всех выпускников педагогических специальностей, и 70 тыс. новых специалистов не смогут трудоустроиться[49]. Сегодня во Вьетнаме существует жестокая конкуренция за рабочее место.

Ситуация с невозвращением студентов даже стала предметом специального рассмотрения депутатами Национального собрания Вьетнама, эта тема также активно обсуждалась в СМИ и особенно в Интернете[50]. Она была связана с конкретной ситуацией: 13 вьетнамских юношей и девушек – победителей национальных предметных олимпиад получили премии и возможность получить бесплатно (за спонсорские деньги) высшее образование в Австралии. После окончания учебы за рубежом домой вернулся только 1 человек. Депутаты объясняли случившееся тем, что в стране отсутствует политика в отношении талантливой молодежи. Среди прочих причин такой ситуации,

когда молодые вьетнамцы, получившие образование за рубежом, не возвращаются домой, были названы следующие: низкий профессионализм, отсутствие честной конкуренции и перспектив для карьерного роста, низкий уровень зарплаты, непотизм и др.[51]

Доктор Чыонг Ань Хоанг, сотрудник Технологического университета (при Вьетнамском национальном университете), учившийся в Норвегии и получивший там докторскую степень в области информационных технологий, честно признал: условия для научной и исследовательской работы за рубежом намного лучше, чем во Вьетнаме. Зарплата специалиста его уровня в Норвегии достаточно высока, чтобы обеспечить хорошие условия жизни своей семье, тогда как во Вьетнаме это маловероятно[52]. Молодой ученый Ле Зунг, учившийся в Австралии, также подтвердил, что за границей для профессионального исследователя намного больше возможностей в творческом плане и для карьерного роста, и там он, благодаря своей зарплате, может поддерживать высокий уровень жизни[53].

Многие вьетнамские специалисты, вернувшись домой, не могут найти работу с достойной оплатой и с перспективами профессионального роста[54]. Но при этом следует отметить, что традиционное во Вьетнаме уважение к зарубежным дипломам нередко порождает у их обладателей чрезмерные притязания на высокий социальный статус, которые не всегда могут быть удовлетворены, что и ведет к долгим поискам престижной работы. Некоторые студенты возвращаются домой, не закончив учебу, и не обладают необходимой квалификацией. Специалисты с зарубежными дипломами нередко нацеливаются исключительно на работу в иностранных фирмах, пренебрегая государственными и отечественными частными фирмами.

Именно по этим названным выше причинам немало вьетнамцев – выпускников западных университетов, особенно научные работники, предпочитают не возвращаться на родину. При этом некоторые страны, например, Австралия и Сингапур, дают разрешение гражданам Вьетнама после окончания учебы остаться там и работать, если будет согласие какой-то местной фирмы взять их на работу[55].

Пожалуй, наиболее откровенно по этой проблеме высказался директор Института научных исследований и вычислительных технологий в городе Хошимине Чыонг Нгуен Тхань (одновременно преподает в США – в Университете штата Ута)[56]. Он считает, что вьетнамские студенты не возвращаются, «исходя из права человека самому заботиться о своем благополучии и личном счастье. Когда человек имеет право выбирать место работы, то он тогда найдет такое место, где он будет максимально счастлив. И возвращение во Вьетнам – это один из вариантов для такого выбора. Если он решил не возвращаться, то это означает, что он сделал такой выбор, более подходящий для данной ситуации»[57].

Вьетнамские власти должны понимать, что сегодня внутри страны нужно конкурировать с иностранными компаниями в борьбе за вернувшихся во Вьетнам специалистов. Живущий и работающий за рубежом известный вьетнамский ученый-математик Нго Бань Тяу очень точно высказался на этот счет: «Мозги побегут туда, где они хотят жить. И на этот случай есть вьетнамская поговорка: «Птица вьет гнездо в спокойном месте». Поэтому задача вьетнамских властей − готовить среду для возвращающихся специалистов с иностранными дипломами»[58].

«Утечка умов», особенно в эпоху глобализации, стала естественной, уже трудно запретить выбирать себе страну для жизни и работы. И противодействовать этому можно, только улучшая положение специалистов (в том числе и с зарубежными дипломами) в родной стране. Вьетнамское руководство придает большое внимание своим соотечественникам, проживающим за пределами своей исторической Родины, и активно призывает и всемерно содействует их участию в экономическом строительстве страны. А в отношении молодого поколения вьетнамцев, которые обучаются за границей, пока нет специальной программы, такой как «Тысяча талантов» в соседнем Китае. Там, кстати, наблюдается обратное явление − увеличивается число студентов, которые после обучения за рубежом возвращаются на Родину, в 2016 г. эта цифра составила 80%[59], тогда как в 2010 году – 40%. А ещё недавно в Китае была ситуация, аналогичная вьетнамской.

Тем не менее на нынешнем этапе решения этой проблемы следует признать, что, оставаясь работать за рубежом, многие вьетнамские студенты поддерживают постоянные личные и деловые связи с родиной. Их общественные организации, созданные с целью социального взаимодействия и поддержки новых эмигрантов, служат важными «площадками» для контактов с партнерами из Вьетнама и обмена деловой информацией. Эти организации спонсируют регулярные деловые поездки во Вьетнам, принимают делегации официальных лиц оттуда, помогают вьетнамским фирмам подыскивать сотрудников среди земляков.

Сегодня проблема «утечки умов» становится одной из самых актуальных для Вьетнама, так как она заставляет тратить большие деньги на приглашение иностранных специалистов, а свой имеющийся человеческий потенциал страна не использует. И понятно, такая ситуация делает Вьетнам ослабленным и экономически зависимым от других государств.

Основу программы противодействия «утечки умов» и привлечения способных молодых специалистов с зарубежными дипломами, во-видимому, должна составить развитая система льгот, хотя ей, понятно, трудно перевесить преимущества жизни на Западе. Это в свою очередь подразумевает создание благоприятных условий для их профессиональной деятельности и обеспечения перспективы профессионального роста.

Для достижения желаемых результатов правительству СРВ следует также усилить работу по совершенствованию качества образования внутри своей страны − как в государственных, так и негосударственных вузах, Если говорить о негосударственных вузах, то следует особое внимание обратить на иностранные вузы во Вьетнаме, среди которых наиболее известны Мельбурнский Королевский технологический институт (RMIT, работает во Вьетнаме с 2001 г.) и открывшийся в 2016 году в г. Хошимине Университет Фулбрайта (Fulbright University Vietnam).

* * *

Сегодня мировое пространство постепенно становится единой зоной, в которой свободно перемещаются информация,

товары, услуги, идеи, люди. Поэтому студенты, аспиранты, стажеры, преподаватели должны полнее использовать возможности для обучения, обмена опытом, проведения совместных исследований с зарубежными партнерами. И важной частью, залогом такого международного гуманитарного сотрудничества является образовательная миграция, которая в конечном счете должна служить целям и задачам социально-экономического развития Вьетнама.

---

[1] Эта публикация продолжает изучение проблем высшего образования СРВ, начатое автором в статье «Человеческий потенциал и модернизация Вьетнама: наука и образование» (См.: «XII съезд Компартии Вьетнама. Документы и экспертные оценки». М., 2016. С. 311-323) и докладе «Высшее образование Вьетнама: формы интернационализации» (7-я Международная конференция вьетнамоведов «Опыт обновления во Вьетнаме: современность и история». 6 октября 2016 г. ИДВ РАН).

[2] Du học sinh Việt Nam ở Nhật đông nhất // URL: http://vietnamnet.vn/vn/giao-duc/du-hoc/du-hoc-nhat-ban-du-hoc-my-du-hoc-sinh-viet-nam-dong-nhat-o-nhat-337144.html, дата доступа: 14.12.2016.

[3] Việt Nam đứng Top 6 lượng du học sinh ở Mỹ // URL: http://baodatviet.vn/chinh-tri-xa-hoi/giao-duc/viet-nam-dung-top-6-luong-du-hoc-sinh-o-my-3323090, дата доступа: 12.08.2016; Du học sinh Việt gia tăng đột biến // URL: http://www.sggp.org.vn/duhocgd/2016/7/427018, дата доступа: 07.10.2016.

[4] *Du học không phải là "chiếc đũa thần"* // URL: http://www.nhandan.com.vn/chinhtri/binh-luan-phe-phan/item/27803902-du-hoc-khong-phai-la-chiec-dua-than.html, дата доступа: 14.12.2016.

[5] Du học sinh Việt Nam ở Nhật đông nhất.

[6] Việt Nam mất 3 tỷ USD mỗi năm cho du học // URL: http://kinhdoanh.vnexpress.net/tin-tuc/vi-mo/viet-nam-mat-3-ty-usd-moi-nam-cho-du-hoc-3320723.html, дата доступа: 14.01.2017.

[7] Du học sinh Việt Nam hiện đang ở những đâu?// URL: http://naganumavietnam.com.vn/cam-nang-du-hoc/du-hoc-sinh-viet-nam-hien-dang-o-nhung-dau.html, дата доступа: 11.01.2017.

[8] Du học sinh Việt Nam ở Nhật đông nhất.

[9] Вьетнамское информационное агентство (ВИА) // URL: www.vietnam.vnanet.vn, дата доступа: 17.12.2017.

[10] Gần 60% người trẻ Việt muốn ra nước ngoài học tập // URL: http://duhoc.dantri.com.vn/du-hoc/gan-60-nguoi-tre-viet-muon-ra-nuoc-ngoai-hoc-tap-20160624081815717.htm; дата доступа: 31.06.2016.

[11] Там же.

Для наглядности можно сравнить с ситуацией в Китае. Согласно проведенному онлайн-опросу ежедневной газет China Youth Daily), в котором приняли участие как студенты, так и их родители, выяснилось, что большинство молодых людей едут за границу для получения диплома и повышения своего социального статуса. Опрос также выделил другие факторы, которые влияют на решение обучаться за границей. Так, 47% студентов считают, что зарубежное образование позволит им получить преимущества при устройстве на работу, 43% едут за границу для получения более качественного образования, 39% полагают – зарубежное образование позволит им расширить кругозор, 29% ищут возможности избавиться от родительской опеки, 28% ищут возможности избежать прессинга китайской экзаменационной системы, 22% – едут учиться за границу без каких бы то ни было четких целей. Цит. по: Краснова Г.А., Белоус В.В. Китайские студенты за рубежом // URL: http: //www. ak-vobr.ru/kitaiskie_studenty_za_rubezhom.html, дата доступа: 23.09.2016 .

[12] Хотя эти данные относятся к Китаю, но их вполне можно экстраполировать на ситуацию во Вьетнаме. См.: Краснова Г.А., Белоус В.В. Указ. соч.

[13] Number of Vietnamese students abroad up 15% in 2013 // URL: http://monitor.icef.com/2014/11/number-vietnamese-students-abroad-15-2013; дата доступа: 24.10.2016.

[14] Quốc gia nào có số lượng du học sinh Việt Nam đông nhất năm 2016? // URL: http://hoahoctro.vn/tin-tuc/quoc-gia-nao-co-so-luong-du-hoc-sinh-viet-nam-dong-nhat-nam-2016, дата доступа: 11.03.2017.

[15] Du học sinh Việt Nam đi du học nước nào nhiều nhất // URL: http://traumvietnam.com/du-hoc-sinh-viet-nam-di-du-hoc-nuoc-nao-nhieu-nhat, дата доступа: 24.02.2017.

[16] MBA (Master of Business Administration) - программа подготовки менеджеров среднего и высшего управленческого звена для эффективной работы в бизнесе, государственном и муниципальном управлении. Программа EMBA (Executive MBA) – специальная программа, рассчитанная на топ-менеджеров и руководителей организаций и предприятий, имеющих большой стаж управленческой работы.

[17] Việt Nam đứng Top 6 lượng du học sinh ở Mỹ.

[18] Vũ Thị Thu Giang: Hợp tác Việt Nam - Hoa Kỳ trong lĩnh vực giáo dục và y tế từ năm 1995 đến nay // Tạp chí Nghiên cứu Lịch sử, số 10 năm 2015. Trang 60 (Ву Тхи Тху Зянг. Сотрудничество СРВ и США в области образования и медицины: с 1995 года по настоящее время // журнал «Изучение истории». 2015. № 10. С. 60).

[19] Việt Nam đứng Top 6 lượng du học sinh ở Mỹ.

[20] Miller, Randy Scott. Understanding the motivation of Vietnamese International Students and their higher Education Experience in the United States.

Dissertation prepared for the Degree of Doctor of Philospphy. University of North Texas, 2012.

[21] Du học sinh Việt Nam ở Mỹ tăng 'chóng mặt // URL: http://thanhnien.vn/giao-duc/du-hoc-sinh-viet-nam-o-my-tang-chong-mat-658763.html; дата доступа: 22.10.2016.

[22] Там же.

[23] Степень ассоциата присваивается после двух лет обучения в колледже или вузе. Эта степень применяется сегодня не только в США, но в некоторых других странах: в канадской провинции Британская Колумбия, в Гонконге, Австралии и Нидерландах. После получения степени ассоциата следуют еще два года обучения, и студент получает степень бакалавра. Но существуют области, в которых получение степени ассоциата достаточно для того, чтобы построить успешную карьеру.

[24] При получении степени бакалавра молодой человек или девушка становятся дипломированным студентом, так называемым *graduate student*.

[25] Вьетнам и Австралия углубляют всеобъемлющее партнерство // URL: http://vovworld.vn/ru-Ru /441628.vov, дата доступа: 01.06.2016.

[26] Посол Австралии: Дипломы важны, но применение полученных знаний в социально-экономическом развитии Вьетнама важнее // URL: www. ru.nhandan.com.vn, дата доступа**:** 12 мая 2017**.**

[27] Вьетнам и Австралия сотрудничают в развитии человеческих ресурсов // URL: http://vovworld.vn/ru-RU/320591.vov, дата доступа: 27.03.2015.

[28] Số lượng sinh viên Việt Nam tại Nhật Bản tăng cao // URL: http://www.baobinhdinh.com.vn/viewer.aspx?macm=25&macmp=25&mabb=77351, дата доступа: 11.12.2016 .

[29] См. также: Соколов А.А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2014. № 4. С. 64-68.

[30] Количество вьетнамских учащихся в России продолжает увеличиваться // URL: http://vovworld.vn/ru-RU/F-205326.vov, дата доступа:25.09.2016.

[31] Số Lượng Du Học Sinh Việt Nam Tại Nga Tiếp Tục Tăng // URL: http://ibcnews.tv/a111/so-luong-du-hoc-sinh-viet-nam-tai-nga-tiep-tuc-tang, дата доступа: 03.12.2014.

[32]Năm nay Bộ Giáo dục Việt Nam sẽ gửi 855 sinh viên sang học ở Nga // URL: https://vn.sputniknews.com/vietnam/201603291410339, дата доступа: 12.03.2017.

[33] Thông báo tuyển sinh đi học tại Liên bang Nga năm 2017// URL: http://vied.vn/vi/tin-tuc/tuyen-sinh/865-thong-bao-tuyen-sinh-di-hoc-tai-lien-bang-nga-nam-2017.html, дата доступа: 27.04.2017.

[34] Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Миграционные установки молодых вьетнамцев на обучение за границей: имеет ли Россия шансы получить

вьетнамских студентов? // Новые ориентиры демографической политики Российской в условиях экономического кризиса. Материалы II Международной научно-практической конференции. 8 декабря 2016 г. М., 2016. С. 360-365. Электр ресурс: // URL: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Сборник%208.12.2016.%20Москва(2).pdf, дата доступа: 26.01.2017.

[35] Там же.

[36] Việt Nam có số học sinh đông thứ 2 tại Hàn Quốc // URL: http://thanhnien.vn/giao-duc/viet-nam-co-so-hoc-sinh-dong-thu-2-tai-han-quoc-624797.html, дата доступа: 15.12.2016.

[37] Việt Nam đứng thứ 2 về số lượng sinh viên du học Hàn Quốc // URL: uhochanquoc.org/viet-nam-dung-thu-2-ve-so-luong-sinh-vien-du-hoc-han-quoc, дата доступа: 04.12.2016.

[38] Pháp tăng cường quảng bá thu hút du học sinh Việt Nam // URL: http://vi.rfi.fr/viet-nam/20170127-phap-tang-cuong-quang-ba-thu-hut-du-hoc-sinh-viet-nam, дата доступа:

[39] Du học sinh Úc có nên đi làm thêm? // URL: http://megastudy.edu.vn/chia-se/du-hoc-sinh-uc-co-nen-di-lam-them-sh153.html, дата доступа: 05.07.2016. См. также:
Đồng lương đong đầy nước mắt của du học sinh VN tại Úc // URL: http://tuoitre.vn/tin/the-gioi/20170421/dong-luong-dong-day-nuoc-mat-cua-du-hoc-sinh-vn-tai-uc/1301799.html, дата доступа: 05.07.2016; Du học sinh làm thêm 'chui', lương rẻ mạt và nhiều rủi ro // URL: http://news.zing.vn/du-hoc-sinh-lam-them-chui-luong-re-mat-va-nhieu-rui-ro-post668286.html, дата доступа: 14.04.2017.

[40] Nước mắt du học sinh Việt: Vào vai xin việc chủ đồng hương // URL: http://tuoitre.vn/tin/the-gioi/20170421/vao-vai-xin-viec-chu-dong-huong-viet/1301841.html, дата доступа: 14.04.2017.

[41] Nhiều du học sinh Việt Nam kiếm việc làm thêm tại Mỹ // URL: http://vtv.vn/viet-nam-va-the-gioi/nhieu-du-hoc-sinh-viet-nam-kiem-viec-lam-them-tai-my-20160721112346012.html, дата доступа: 12.03.2017.

[42] Du học sinh làm thêm 'chui', lương rẻ mạt và nhiều rủi ro.

[43] Hơn 90% du học sinh Việt ở Nhật bỏ học, vì sao? // URL: http://www.rfa.org/vietnamese/in_depth/few-viet-learner-to-jp-really-mean-to-study-tt-01092017132152.html, дата доступа: 12.03.2017.

[44] См. о проблеме «утечки мозгов» во Вьетнаме: Việt Nam đang chảy máu chất xám // URL: http://www.cphud.danang.gov.vn/chi-tiet?articleId=520999, дата доступа: 14.03.2017; Chống “chảy máu chất xám”, chống “lãng phí” nguồn trí tuệ Việt Nam // URL: http://tcnn.vn/Plus.aspx/vi/News/125/0/1010067/0/21504, дата доступа: 17.04.2017; Chảy máu chất xám từ du học sinh Việt Nam // URL:

http://vtv.vn/giao-duc/chay-mau-chat-xam-tu-du-hoc-sinh-viet-nam-20160921183224006.htm, дата доступа: 17.04.2017 и др.

[45] Du học không phải là "chiếc đũa thần".

[46] Chảy máu chất xám từ du học sinh Việt Nam.

[47] Там же.

[48] 225.000 cử nhân, thạc sĩ thất nghiệp: Hệ quả của mở trường đại học ồ ạt // URL: http://dantri.com.vn/giao-duc-khuyen-hoc/225000-cu-nhan-thac-si-that-nghiep-he-qua-cua-mo-truong-dai-hoc-o-at-20160531074206426.html, дата доступа: 16.04.2017.

[49] Đến năm 2020 sẽ có khoảng 70.000 cử nhân sư phạm thất nghiệp // URL: http://dantri.com.vn/giao-duc-khuyen-hoc/den-nam-2020-se-co-khoang-70000-cu-nhan-su-pham-that-nghiep-20160517131031752.htm, дата доступа: 16.04.2017.

[50] Vì sao du học sinh không về? // URL: http://tuoitre.vn/tin/nhip-song-tre/20151105/vi-sao-du-hoc-sinh-khong-ve/997276.html, дата доступа: 18.03.2017.

[51] Показательно, что в последние годы к этим причинам прибавилась и плохая экология в стране, особенно в больших городах.

[52] Vì sao du học sinh không về?

[53] Там же.

[54] Nhiều du học sinh khó tìm được việc khi về nước // URL: http://vnexpress.net/tin-tuc/giao-duc/du-hoc/nhieu-du-hoc-sinh-kho-tim-duoc-viec-khi-ve-nuoc-3334550.html, дата доступа: 18.04.2017.

[55] Người Việt mạnh tay chi 3 tỉ USD/năm cho con cái du học // URL: http://motthegioi.vn/giao-duc-c-69/nguoi-viet-manh-tay-chi-3-ti-usd-nam-cho-con-cai-du-hoc-35157.html, дата доступа: 20.04.2017.

[56] Thu hút nhân tài: "Không trải thảm nào có thể gạt được họ"// URL: http://vietnamnet.vn/vn/giao-duc/du-hoc/thu-hut-nhan-tai-khong-chi-trai-tham-do-la-xong-315559.html, дата доступа: 21.04.2017.

[57] Там же.

[58] Нго Бань Тяу (род. в 1972) – известный вьетнамский математик. После окончания специализированной математической школы при Ханойском государственном университете получил высшее образование во Франции. Награжден престижной Премией Филдса (2010). Имеет двойное гражданство – Вьетнама и Франции. В настоящее время работает в Институте перспективных исследований в Принстоне (США).

[59] 80% студентов вернулись в Китай после окончания учебы за границей // URL: http://chinapk.ru/80-studentov-vernulis-v-kitaj-posle-okonchaniya-ucheby-za-granicej, дата доступа: 21.04.2017.

© ***Новакова О.В.***
ИСАА МГУ

ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЬЕТНАМА по ОТНОШЕНИЮ к ВЬЕТНАМСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПОЛИТИКИ «ОБНОВЛЕНИЯ» (1986-2016)

Положение католической общины в Южном Вьетнаме до провозглашения курса политики «обновления»

Для более полного понимания взаимоотношений и политики КПВ по отношению к Вьетнамской Католической Церкви, необходимо сказать несколько слов о религиозной ситуации в Южном Вьетнаме после победы над режимом Сайгона в 1975 г.

В первое десятилетие после воссоединения Вьетнама в 1976 г. основные усилия руководства КПВ/СРВ были направлены на налаживание диалога КПВ/государства с южновьетнамской католической церковью. Руководству КПВ/СРВ приходилось в своей политике учитывать, что в период Республики Вьетнам (1955-1975) католическое население и церковь Южного Вьетнама занимали привилегированное положение: крестьяне, пришедшие с Севера, из ДРВ, получили земли (за счет земель тямского населения), в выборных руководящих органах, в госаппарате, армии - католики были представлены значительно, зачастую преобладая в численном отношении. Достаточно сказать, что в 9 из 14 провинций Центрального Вьетнама администрация возглавлялась католиками, в дельте Меконга – в 14 из 18 провинций, лидеры двух крупнейших политических партий – «Труд и персонализм», созданной Нго Динь Зиемом, и «Социалистической партии» – были католиками. В Сенате в 1967-1971 гг. 40 из 60 мест занимали католики и 40 из 135 мест – в Палате депутатов[1]. В командном составе армии католики также преобладали, почти все профсоюзные организации возглавлялись католиками. Церковь развивалась без каких-либо помех и ограничений. Центром внимания политики КПВ была община г. Хошимина, роль и значимость которой трудно переоценить, а также личность предстоятеля южновьетнамской

церкви архиепископа Нгуен Ван Биня, занимавшего этот пост в самые трудные первые десятилетия – 1975 – 1995 гг. и много сделавшего для того, чтобы 1,9 млн. вьетнамских католиков Юга положительно восприняли победу революционных сил. В 1976 г. на встрече с премьер-министром СРВ Фам Ван Донгом в Ханое архиепископ Нгуен Ван Бинь заявил, что приложит все усилия для того, чтобы «католики глубже осознали необходимость социализма и были ему преданы»[2].

В такой важной сфере влияния, как образование, позиции католической церкви также были сильны: два крупнейших университета страны – в Далате и Хюэ были католическими, в них обучалось 4000 студентов (как католиков, так и не католиков), общая численность учащихся в 163 средних и в 1060 начальных католических школах Республике Вьетнам составляла 270 000 человек[3].

В РВ большое значение уделялось созданию новых епархий – основных церковных подразделений католической церкви. С 1963 г. в Южном Вьетнаме было создано 5 новых епархий, и таким образом их общая численность достигла 15, впервые превысив таковую на Севере, где их было 10. Подобная ситуация возникла в результате массового перехода католиков с Севера на Юг в 1954-1955 гг. При президенте Нгуен Ван Тхиеу численность южновьетнамской католической общины в 1973 г. составляла 1849252 человека. За период с 1969 г. по 1973 г. произошло увеличение численности католической общины на 150000 человек[4].

Под патронажем церкви существовали многочисленные благотворительные учреждения – в Сайгоне, Зядини и Тёлоне – 45 наиболее крупных, в Дананге – 13, в Кантхо – 9, в Нячанге – 7, в Плейку – 6, в Далате – 6, в Хюэ – 5. Многие из них пользовались финансовой поддержкой США. Имелось 4 госпиталя под патронажем католической церкви, два католических вуза в Далате и Сайгоне, в которых обучалось 4000 студентов, католиков и не католиков. Верующие (около 2 млн. человек) были объединены в 16 организаций, во главе южновьетнамской церкви находился архиепископ (с 1975 по 1995 гг. – Нгуен Ван Бинь)[5].

Данная ситуация вызывала протестные настроения со стороны других социальных и традиционных религиозных групп южновьетнамского общества, прежде всего, буддистов. Религиозное противостояние местных католиков (в основном северян) и буддистов вылилось в открытый конфликт в середине 1963 г., распространившийся вскоре на Сайгон и другие территории Южного Вьетнама и приведший к свержению президента Нго Динь Зьема.

Необходимо отметить эту упорную продолжавшуюся вражду буддистов по отношению к своим соотечественникам-католикам в Южном Вьетнаме уже и после свержения президента Нго Динь Зьема.

Налаживание диалога было тем более необходимо, что после воссоединения страны, с 1976 г. численность католиков в г. Хошимине не переставала возрастать: в каждый последующий год по сравнению с предыдущим число верующих увеличивалось на 5 – 10 тысяч человек[6].

Сразу же после воссоединения Вьетнама руководством КПВ/СРВ была разработана целая система различных политических мероприятий, направленных на «перевоспитание» и максимальное привлечение основных масс верующих к делу активного строительства социализма путем создания различных групп трудовой деятельности, кооперативов ремесленников и т.д. Несколько ремесленников были награждены почетным званием «Ударник социалистического труда», женщины-католички в одном из кооперативов получили звание «передовик производства», другому кооперативу было вручено переходящее красное знамя, католики призваны были покупать облигации государственного займа, участвовать в социалистическом соревновании и т.д[7]. Надо отметить, что вся эта новая, непривычная для католиков деятельность, обусловленная известными политическими событиями, послушно выполнялась ими в соответствии с духовными наставлениями их пастырей в приходах и общинах. Уже 1 мая 1980 г. Конференция епископов Вьетнама обратилась к вьетнамским католикам с Посланием, в котором была сформулирована новая концепция, определявшая цель и поведенческую модель верующих в новых условиях: «Жить, следуя Священному писанию в гуще своего народа,

чтобы служить счастью и благополучию своих соотечественников»[8]. Католики Южного Вьетнама с готовностью откликнулись на призыв духовенства, тем более, что вся та разнообразная деятельность, в которой им приходилось участвовать, проходила совместно с многочисленным некатолическим населением, способствовала узнаванию друг друга и в определенной мере уменьшала традиционно отрицательную реакцию на католиков большинства не католического населения, сложившуюся за прошедшие десятилетия. Так, в период 1978-1980 гг., во время войны на юго-западных границах Вьетнама и агрессии Китая на Севере, среди католиков распространилось движение за выполнение военных задач, большое число католиков было мобилизовано в армию. Многие католики начали работать в области просвещения, монахи и монахини – в детских садах[9].

Вместе с тем, уже в октябре 1975 г., то есть через несколько месяцев после свержения режима Нгуен Ван Тхиеу, коммунистическая власть взяла под свой контроль католические школы, а также выпускавшуюся религиозную литературу. Для приобщения католиков Южного Вьетнама к непривычной для них идеологической риторики и формам коллективного бытия народной властью были созданы патриотические организации соотечественников-католиков г. Хошимина и Комитеты по мобилизации католиков (1980), переименованные затем в Комитет солидарности католиков (1983) в соответствии с названием организации в масштабе всей страны. Главным идейно-политическим органом, контролирующим вьетнамскую католическую церковь, является Комитет по делам религий Вьетнама при Правительстве СРВ. В этом Комитете имеется обширный архив с ценными документами по истории католической церкви во Вьетнаме, но они недоступны для иностранных исследователей, так как архив работает в закрытом режиме. Представители Комитета по делам религий ведут с высшими иерархами вьетнамской католической церкви переговоры по самым злободневным и острым вопросам, возникающим в отношениях между государственной властью Вьетнама и церковью. Как положительный фактор настоящего времени надо отметить, что, если раньше редко удавалось договориться о чем-

либо, то первые десятилетия XXI века отмечены в этом смысле конструктивными диалогами.

Понятие свобода религии включает в себя три основных пункта: право свободного вероисповедания, свободу религиозного образования и свободу благотворительной деятельности. По поводу этого, третьего пункта, разногласий между ВКЦ и КПВ практически не возникает. Но остаются еще многие вопросы, требующие своего урегулирования. Например, речь идет о такой важной сфере, как обеспечение юридической основы для соблюдения свободы вероисповедания, которая до недавнего времени не обеспечивалась законодательными актами государственной власти СРВ. За открытую критику такой ситуации одним из католических священников – Нгуен Ван Ли и его призыва Конгрессу США не ратифицировать торговое соглашение с Вьетнамом, он был арестован и осужден на 15 лет тюремного заключения с последующим его сокращением до 5 лет тюрьмы и 5 лет – домашнего ареста[10]. Церковь же, со своей стороны, координирует свои отношения с государством через Конференцию епископов Вьетнама.

Начало политики «обновления»

Новый стратегический курс развития вьетнамского общества был сформулирован на VI съезде КПВ в декабре 1986 г. и стал известен под названием политики «обновления». Для его успешного осуществления было необходимо избежать внутри страны каких-либо потрясений и конфликтов, особенно после распада Советского Союза. Поэтому новый курс опирался на традиционную для вьетнамского социума идеологию – стабильность и всенародную сплоченность (ổn định và đoán kết). Новая идеологическая установка была подтверждена всеми последующими (VII, VIII, IX, X, XI и VII – январь 2016 г.) партийными съездами и подкреплена также в национальном масштабе активизацией изучения идеологического наследия Хошимина.

Следует отметить, что во второй половине XX века во Вьетнаме происходил интенсивный рост национального самосознания, связанный с многолетней войной. После победы 1975 г. в обществе ощущалась настоятельная потребность в новых идеях для выполнения новых задач мирного строительства.

Провозглашение политики «обновления» было ни чем иным, как официальной констатацией нового состояния умов во вьетнамском обществе. Тот факт, что политика «обновления» была провозглашена именно КПВ, давало руководству Вьетнама весомый и своевременный аргумент для утверждения своей легитимности в качестве лидера, монопольно руководящего обществом на современном этапе.

С середины 1980-х гг. произошло некоторое изменение политики КПВ/СРВ в сторону ее либерализации и терпимости, когда был сделан перенос акцента в религиозной политике от противопоставления католиков всей нации на тему включения основной массы верующих в ряды соотечественников, в ряды всей вьетнамской нации.

Руководство КПВ убедилось, что привлечение вьетнамской католической церкви, в подчинении которой находится более 7 млн. населения вьетнамских католиков (7,94% населения страны)[11], в относительные союзники, придаст политике КПВ дополнительную устойчивость и стабильность. Поэтому по отношению к миллионам вьетнамских католиков, КПВ перешла от политики притеснений и запрещений к диалогу, основанному на идее интеграции основной массы верующих в состав вьетнамской нации.

Это прозвучало в выступлениях вьетнамских руководителей высокого уровня по случаю празднования 10-летия освобождения Южного Вьетнама: секретаря горкома КПВ г. Хошимина Нгуен Ван Линя, занимавшего впоследствии пост Генерального секретаря КПВ, а также председателя Народного комитета г. Хошимина – Май Ти Тхо и других. В частности, было сказано, что гражданский долг защиты родины для католика совмещается с учением Иисуса Христа, что основные положения христианской религии преследуют те же цели и задачи, что и учение К. Маркса о построении социалистического общества, поэтому вера в Христа во Вьетнаме должна быть не разъединяющей, а консолидирующей силой в обществе и т. д[12].

Находясь на посту Генерального секретаря КПВ, Нгуен Ван Линь попытался установить контакты с вьетнамской католической церковью, впервые после десяти лет воссоединения Вьетнама. В одном из своих выступлений перед католиками

города Хошимина по случаю III съезда Комитета солидарности католиков г. Хошимина в 1993 г., он напомнил им слова известной песни: «Прежде, чем я стал католиком, я родился вьетнамцем»[13].

Католическая церковь, со своей стороны, также определила для своей паствы новые цели и поведенческие модели в новых условиях жизни, которые были озвучены архиепископом епархии г. Хошимина Нгуен Ван Бинем: «Жить, следуя Священному писанию в гуще своего народа, чтобы служить счастью и благополучию своих соотечественников»[14].

Поиски общих точек соприкосновения христианского вероучения с коммунистической идеологией и рассуждения о том, что «все мы в одной лодке» были совершенно новым тезисом в идеологическом арсенале руководства КПВ/СРВ. Это стало возможным потому, что к этому времени в результате глубокого социально-экономического кризиса, в котором находился Вьетнам к концу 1980-х годов, в руководстве партии и государства возобладала точка зрения о том, что в борьбе за преобразования страны и построение социалистического общества ментальная сплоченность и единство нации важнее, чем дискуссии о том, есть ли совместимость целей коммунизма с целями христианства, изложенными в Священном Писании.

Подобные изменения идеологических взглядов руководства КПВ/СРВ на проблему католиков во Вьетнаме тесно связаны с проявлением отмеченной выше новой идеологемы – вьетнамского социализма с национальной спецификой.

С провозглашением курса политики обновления началась и перестройка ортодоксальных коммунистических взглядов, во Вьетнаме получил право на существование вьетнамский социализм с национальной спецификой, что означало поворот к национальным традициям и включения их в политический багаж истеблишмента. Кроме того, новые вызовы XXI века, в том числе, глобализация, относительная открытость страны и связанный с этим вопрос ее имиджа в глазах мирового сообщества - все это и определило новую политику КПВ как политику определенной терпимости и компромисса.

Вьетнамское общество переживает переходный период, что составляет его главное своеобразие на данном этапе разви-

тия. В такие переломные моменты общество апеллирует к базисным духовным национальным ценностям, прежде всего, к национальной культуре и к традиционным религиозным и этическим ценностям[15].

Это переходное состояние, в котором находится современное вьетнамское общество, требует от руководства КПВ/СРВ новых методов и стиля управления страной. В отношении католической церкви налицо стремление государственной власти нейтрализовать, там, где это возможно, потенциальные возможности тех сил в стране, которые заведомо исповедуют иные, чем КПВ, цели и задачи.

Для реализации указанных выше задач по отношению к южновьетнамской католической общине был применен тот же метод, что и к северной католической общине в ДРВ, сразу же после окончания первой войны Сопротивления против Франции (1946-1954). Тогда, в 1955 г. был создан Объединенный комитет по сплочению католиков Вьетнама (Ủy ban Đoàn kết Công giáo), отметивший свой 55-летний юбилей (1955-2005). В том же, 2005 г. отметил свой 25-летний юбилей Объединенный комитет по сплочению католиков г. Хошимина (Ủy ban Đoàn kết Công giáo Thành phố Hồchiminh) (1980-2005). Оба этих комитета входят в еще более широкую организацию – Отечественный фронт Вьетнама. Характерно, что в названиях этих обоих комитетов ключевым словом является солидарность, сплочение нации, - остающееся знаковым и в настоящее время.

В связи с юбилеями был проведен ряд мероприятий – конференций, симпозиумов и т. д., как на Севере Вьетнама, так и на Юге, тематика которых должна была способствовать дальнейшему распространению и внедрению в католические массы верующих и не католическое большинство населения Вьетнама главной политической идеи текущего момента: совместного, всей нацией, строительства социализма и защиты родины. В Ханое состоялся на официальном уровне семинар «Полвека католики идут вместе с нацией» (декабрь 2004 г.), в котором наряду с такими известными во Вьетнаме священниками как Фам Кхак Ты, Тхиен Кам и Нгуен Тхай Хоп, приняли участие и известные историки Вьетнама – До Куанг Хынг, возглавлявший

в то время Институт изучения религий Вьетнама, Тьыонг у Тхау) и другие, а также вьетнамские журналисты[16].

В январе 2005 г. в г. Хошимине Комитет солидарности католиков организовал торжественное заседание, на котором был выдвинут и одобрен лозунг «Движение вместе с нацией». В обсуждении вопроса приняли участие католические священники, в том числе Тхиен Кам, монахини и известный католик-публицист, связанный с деятельностью вьетнамской католической церкви – Нгуен Динь Доу. Была подтверждена позиция епархии г. Хошимина в области культуры, обсуждены результаты деятельности благотворительных обществ, в том числе, по борьбе с наркотиками. Главное же, был подтвержден идеологический курс, совпадающий в данном случае с позицией КПВ/СРВ, на дальнейшую интеграцию католиков в дело строительства родины. Подчеркнем, что все эти мероприятия проходили в формате такой «около партийной» организации, как Комитет солидарности католиков, и не могли вызвать возражений со стороны власти. Таким образом, в настоящее время существует негласное правило общественной жизни Вьетнама: разрешается проведение многих различных мероприятий в области религии, культуры, даже критика партии в определенных пределах, но не допускается открытая критика основ политики КПВ, ее государственной идеологии, так же как и малейшая критика легитимности правящей КПВ.

Вьетнамская католическая церковь по понятным причинам поддерживает этот проводящийся КПВ курс, на официальном уровне выводящий католическую паству из сферы гонений и притеснений, столь характерных для предыдущего периода.

С принятием правительством СРВ трех юридических документов о свободе вероисповедания: Распоряжение от ноября 2004 г., Инструкция премьер-министра СРВ от февраля 2005 г. и Декрет о религии от марта 2005 г., некоторые обозреватели стали выражать надежду на то, что теперь дело религиозной свободы в стране будет обстоять гораздо лучше. Некоторые из них ссылаются также и на вьетнамо-американское Соглашение о соблюдении религиозной свободы во Вьетнаме от 5 мая 2005 г., заключенное после того, как США классифицировали Вьетнам как «страну особой озабоченности» в отношении сво-

боды вероисповедания. Но содержание этого Соглашения не разглашается, оно остается засекреченным документом[17]. Что касается трех вышеупомянутых правительственных документов, то они частично дублируют друг друга.

Примером бюрократических препон, предъявляемых к религиозным организациям, является Статья 16 Распоряжения, в соответствии с которой католическая община должна зарегистрироваться в качестве религиозной организации прежде, чем государство признает, является ли данная организация религиозной. Еще одну проблему создает Статья 6 Декрета: для регистрации религиозная организация должна иметь определенное число верующих, а для того, чтобы числиться верующим, необходимо быть принятым в религиозную организацию, однако религиозная организация должна быть утверждена государственным органом[18].

Подобные бюрократические процедуры создают определенные препятствия для развития вьетнамской католической церкви, но диалог ведется, и в начале XXI произошли положительные сдвиги. Одним из важных событий 2004 г. в области религий Вьетнама стала законодательная деятельность Постоянного комитета Национального собрания СРВ, издавшего Законы и постановления о верованиях и религиях (18.06.2004). Процесс выработки этих законодательных норм начался еще с конца 1990-х гг., было внесено более 20 изменений и поправок, в том числе и вьетнамскими католиками, причем, не только юристами, но и епископами, священниками и монахами. Было внесено много новых идей и сделано сопоставлений с текстами законов, вышедших за последние 30 лет. Это – Резолюция 297, Резолюция 69 и Резолюция 26. Основной акцент всех поправок делался на то, чтобы в законодательном порядке был зафиксирован и подтвержден плюрализм религиозной ситуации во Вьетнаме и уважение всех религий[19].

Был сделан важный шаг по пути консенсуса и религиозной терпимости, так как принятые Законы и постановления о религиях и верованиях затрагивают все официально признанные религии во Вьетнаме (в то время в количестве 6), их интересы и возможности религиозной деятельности на территории СРВ. Также нельзя не отметить, что в выработке этих законов

приняли участие не только католики, но и представители других религий - буддизма, ислама, протестантской конфессии и др. Иначе говоря, государство впервые предоставило католикам и другим верующим право высказать свои идеи и соображения по поводу наиболее интересующих их религиозных проблем и попытаться воплотить их в законодательных актах.

Подчеркнем еще раз, что в понятии традиционной концепции государственной власти, присущей странам Дальневосточной цивилизации, элементы которой во многом присутствуют в современной политической доктрине руководства Вьетнама, утверждается необходимость и право контроля власти над всеми сторонами общественной жизни, ни с кем не разделяя этого права.

После воссоединения страны в 1976 г. оставались сложности в отношениях между государственной властью и католической церковью, особенно это касалось южных районовстраны. Речь шла о таких наиболее важных для церкви и верующих вопросах как подготовка и рукоположения в сан духовных лиц национального клира – священников. Духовная семинария г. Хошимина (бывшего г. Сайгона) смогла возобновить свою деятельность только в 1986 г., то есть спустя 10 лет после воссоединения[20].

По-прежнему острыми вопросами в отношениях между государством (КПВ) и вьетнамской церковью остаются проблемы возведения и ремонта храмов и других культовых зданий, а также выделения земли под строительство новых храмов. Государство в некоторых случаях пользуется своим монопольным правом на землю, и ни при каких условиях не передает ее в пользование церкви. Пример только с двумя южными провинциями Баклиеу и Миньхай очень типичен в данном случае. В июле 2004 г. состоялась переписка между редакцией журнала «Католицизм и нация» и органами народной власти – Отделом религий Отечественного фронта Вьетнама этих двух провинций и Народным комитетом этих провинций по поводу разрушения Собора Богородицы епархии Кантхо, о чем сигнализировал епископ Ле Фонг Тхуан, и строительства нового храма.

Письмо Народного комитета провинции Баклиеу № 1034 от 22 июля 2004 г.. на имя епископа положило конец дискуссии: «Права на построение храма, о котором говорилось выше, с 1975 г. были переданы в ведомство органов революционной власти. Поэтому Народный комитет провинции Миньхай не согласен вернуть права на эти территории представителю церкви». Что касается провинции Баклиеу, то ответ Народного комитета был аналогичен: «…эти территории являются собственностью СРВ».

Другой, не менее важный вопрос – строительство и ремонт – храмов также встречал много трудностей. Только в 1985 г. было дано официальное разрешение властей на возведение первого нового храма после воссоединения страны – храма Выон Соай. Затем в Южном Вьетнаме был построено еще 51 храм и отремонтированы 17[21].

Отношения вьетнамской католической церкви с Ватиканом

Главным духовным религиозным центром для вьетнамской католической церкви, как и для всех католических церквей других стран, является непосредственно Ватикан, и Римский Папа – как высший понтифик. Из этого следует, что вьетнамская католическая церковь имеет мощный внешний центр, которому она подчиняется, становясь в какой-то степени независимым организмом внутри страны, мало поддающимся контролю со стороны партийно-государственной власти. Многолетние и разнообразные связи вьетнамской католической церкви со Святейшим престолом независимо от ханойского руководства делают ее единственной организацией во Вьетнаме, не подконтрольной партийно-государственным структурам, что встречает наибольшее количество трудностей в отношениях Ватикана с ханойскими властями. Запрет на самостоятельные международные контакты вьетнамской католической церкви был закреплен на правительственном уровне (Постановление Совета Министров СРВ от 21.03.1991 г.).

Подобная точка зрения руководства КПВ/СРВ исходит из указанной выше традиционной концепции власти, элементы которой во многом присутствуют в современной политической

доктрине руководства Вьетнама. Поэтому наиболее трудно разрешимым стал кадровый вопрос: назначение новых епископов и высших иерархов ВКЦ. Вьетнамские власти не приемлют независимых, не контролируемых отношений церкви с Ватиканом и настаивают на своем праве давать, или не давать одобрение всем назначениям, сделанным Ватиканом. Ватикан же, в свою очередь, не мог согласиться с таким положением, считая претензии вьетнамских властей вмешательством в религиозные дела церкви. Подобные разногласия не раз приводили к серьезным кризисным ситуациям: после кончины в г. Хошимине архиепископа Нгуен Ван Биня (1995) и архиепископа Ханоя, кардинала Чинь Ван Кана (конец 1990-х годов) вьетнамская католическая церковь в течение продолжительного времени оставалась без своих высших духовных пастырей и предстоятеля.

Первый визит делегации Папского престола во Вьетнам после воссоединения страны состоялся в ноябре 1990 г. Затем эти визиты проходили регулярно и довольно часто, что говорит о пристальном внимании Ватикана к положению вьетнамской католической церкви и к ее отношениям с коммунистической властью.

Признаки потепления отношений между Ватиканом и Ханоем появились в 2003 г. Власти Вьетнама одобрили ряд кандидатур католических епископов, назначенных Папой Иоанном Павлом II на вьетнамские кафедры, и даже возведение одного из вьетнамских прелатов в достоинство кардинала. Это был новый архиепископ г. Хошимина – Фам Минь Ман после скончавшегося в 1995 г. Нгуен Ван Биня. Понадобилось около 8 лет на урегулирование одной из самых существенных проблем для каждой христианской церкви – назначение главного предстоятеля церкви и высшего духовного пастыря.

В результате многолетних переговоров Ханою и Ватикану удалось добиться определенного консенсуса: согласия Ватикана на участие в процедуре назначения высших иерархов вьетнамской церкви – епископов и архиепископов - представителя Государственного комитета по делам религий при правительстве СРВ.

Но даже после согласования назначений вьетнамское правительство с явной неохотой позволяет новым прелатам при-

ступать к выполнению своих обязанностей, в силу чего кафедры некоторых вьетнамских епархий пустуют месяцами, а другие епархии иногда годами ждут, когда Ханой одобрит кандидатуры епископов, предложенные Папским престолом. Ограничения со стороны государственной власти Вьетнама проявляются и в такой области, как религиозное образование. Например, партийные власти на местах участвуют в кампании приема в духовные семинарии и даже проводят отсев поступающих по анкетным данным. Общее число семинаристов-первокурсников по всей стране было ограничено 50, что совсем не обеспечивает нужды прихожан в священнослужителях. Но в 2004 г. Ватикан сумел добиться увеличения их численности до 90 человек[22].

Несмотря на эти уступки со стороны государственной власти, Ватикан считает необходимым посылать ежегодно во Вьетнам свои делегации для ведения регулярных переговоров с различными органами коммунистической власти по проблемам вьетнамской католической церкви, устанавливая и развивая, таким образом, эти контакты и укрепляя, насколько это возможно, непростые отношения между Ватиканом и Вьетнамом.

Большой проблемой остается установление дипломатических отношений между Ханоем и Ватиканом. Но определенные подвижки в этом направлении имеются. В январе 2005 г. Ханой однозначно дал понять, что руководство КПВ/СРВ готово в конечном итоге установить дипломатические отношения со Святым Престолом. Была создана совместная вьетнамско-ватиканская рабочая группа для решения всех спорных вопросов.

Рабочие встречи проходят поочередно - в Ватикане и Вьетнаме. На одной из них, в июне 2010 г., было решено, что Святой Престол назначит своего постоянного представителя по отношениям с Социалистической Республикой Вьетнам, который будет иметь офис за пределами этой страны. В результате 13 января 2011 г. Бенедикт XVI поручил эту функцию архиепископу Леопольду Джирелли.

В июле 2005 г. состоялся визит Комиссии правительства СРВ в Ватикан. Делегаты из Вьетнама вновь выразили надежду на «нормализацию отношений между Святым Престолом и

Вьетнамом». В состав вьетнамской делегации входили представители правительства СРВ, в том числе МИД. Давая оценку визита, пресс-служба Святого Престола в своем заявлении подчеркивала: «Целью переговоров является укрепление связей между Церковью и государством. Нынешняя встреча позволила делегации Вьетнама больше узнать о структуре и деятельности Святого Престола». Однако официальные отношения не установлены до настоящего времени.

Вместе с тем, установление контактов государственной власти Вьетнама с Ватиканом, их регулярность, сам факт визитов в Ватикан и личного знакомства с прелатами Ватикана способствуют узнаванию многих неизвестных ранее властям Вьетнама деталей и регламента церковного круга, характерных для Римско-католической церкви. Так, 29 июня 2005 г. вьетнамская делегация присутствовала на Мессе, которую служил Папа Бенедикт XVI. В связи с кончиной Римского Папы Иоанна Павла II премьер-министр СРВ Фан Ван Кхай направил 3 апреля 2005 г. в Ватикан послание с глубокими соболезнованиями[23]. Другие руководители страны, в том числе председатель Отечественного фронта Вьетнама Фам Тхе Зует, официальный представитель МИД СРВ также выразили соболезнования вьетнамской католической церкви и местным католикам.

Самым выдающимся событием 2005 г. стало решение Папы Бенедикта XVI о создании новой католической епархии - Бариа на территории одноименной южновьетнамской провинции и назначение епископа новой епархии. На 29 ноября 2005 г. было намечено также одновременное рукоположение рекордного числа католических священников – 57 человек[24].

На церемонии открытия кардинал Сепе подчеркнул чрезвычайную важность происшедшего события: около трех десятилетий во Вьетнаме не создавались новые епархии. Увеличение же их числа свидетельствует о жизнеспособности местной христианской общины, а в конкретных условиях Вьетнама – об открытости со стороны Правительства к проблемам вьетнамской католической церкви, жизнедеятельность которой становится все более динамичной и заметной. В настоящее время численность желающих получить статус духовного звания растет, духовные семинарии переполнены, из Вьетнама направля-

ются миссионеры для евангелизации в соседние страны - Камбоджу, Лаос, Мьянму. В целом, вся миссия кардинала Сепе была согласована с властями как миссия, носящая религиозный характер[25].

Дальнейшие отношения вьетнамского государства и Ватикана получили свое развитие в последнее время.

Согласно договорённости, достигнутой на 3-м заседании совместной вьетнамо-ватиканской рабочей группы, проходившем в Ханое в феврале 2012 года, уже 13 и 14 июня 2013 г. в Ватикане под председательством главы ватиканской делегации, секретаря дипломатической службы Ватикана монсеньора Антуана Камиллери и заместителя министра иностранных дел Вьетнама, главы вьетнамской делегации Буи Тхань Шона состоялось 4-е заседание этого органа. Стороны обменялись информацией о вьетнамо-ватиканских отношениях и рассмотрели вопросы, связанные с католической церковью во Вьетнаме. Вьетнамская сторона подчеркнула, что Партия и Государство Вьетнама продолжают проводить последовательную политику свободы вероисповедания и всегда поддерживают религиозные общины в стране, в том числе и католическую церковь, в их участии в социально-экономическом развитии страны[26]. В свою очередь, представители Ватикана подчеркнули свое стремление к расширению двусторонних отношений с Вьетнамом. По их словам, необходимо в скорейшем времени утвердить должность специального посланника Ватикана во Вьетнаме, который будет отвечать за обеспечение интересов обеих сторон[27].

Осенью 2016 г. в Ватикане состоялось VI заседание Совместной рабочей группы по сотрудничеству между Вьетнамом и Святейшим Престолом. Встречу возглавили заместитель министра иностранных дел Вьетнама Буи Тхань Шон и заместитель секретаря по связям Ватикана с другими государствами, монсеньор Антуан Камиллери.

В центре встречи дипломатов Вьетнама и Ватикана, прошедшей в атмосфере дружбы и взаимного уважения, был вопрос о религиозной свободе, а также о ситуации Католической Церкви во Вьетнаме. Стороны с одобрением отозвались о прогрессе в отношениях между Вьетнамом и Святейшим Престолом, о чём говорят регулярные контакты и консультации, об-

мен делегациями на высоком уровне, а также частые пастырские визиты Папского представителя во Вьетнаме архиепископа Леопольдо Джирелли.

Святейший Престол выразил признательность правительству Вьетнама за внимание к нуждам Католической Церкви: свидетельством тому стала помощь в организации церемоний и важных церковных событий. Обе стороны подтвердили желание вести конструктивный диалог в духе доброй воли с целью углубления взаимопонимания и дальнейшего укрепления отношений между государствами.

Делегации Вьетнама и Святейшего Престола приняли решение о созыве VII совещания Совместной рабочей группы в Ханое. Дата проведения заседания будет согласована по дипломатическим каналам.

Перед тем как покинуть Ватикан, вьетнамская делегация совершила визит вежливости к государственному секретарю кардиналу Пьетро Паролину и к секретарю по связям с государствами архиепископу Полу Ричарду Галлахеру[28].

После призыва Папы Римского Франциска к открытому диалогу с церковью, власти Вьетнама разрешили католической церкви открыть университет. Это был впечатляющий жест, так как до сих пор католическая церковь Вьетнама могла курировать только детские сады и материнские школы.

Проект создания католического культурного Центра в епархии г. Хошимина был согласован с властями еще в начале XXI века. Этот центр был призван играть важную роль в жизни не только местной общины, но и всех епархий дельты Меконга по взаимному сближению католиков и не католиков. Раньше на месте планируемого Центра находилась небольшая семинария. В октябре 2004 г. Министерство финансов Вьетнама определило эту территорию под строительство культурного Центра.

В интервью в июле 2014 итальянскому сайту в Интернете архиепископ г. Хошимина подчеркнул: «Открытие этого университета будет означать решительный поворот в истории ВКЦ. Это будет давно ожидаемый католической церковью приход свободы в области образования[29].

6 августа 2015 г. вьетнамские власти в торжественной и официальной обстановке вручили представителям католиче-

ской церкви разрешение на открытие национального университета, получившего название «Католический институт».

Церемония проходила в присутствии многочисленных представителей ЦК Отечественного фронта Вьетнама, а также ответственного Государственного Комитета по делам религий. Вице-президент Отечественного фронта Вьетнама Ле Ба Чинь передал соответствующий документ председателю Конференции епископов Вьетнама, архиепископу г. Хошимина (Сайгона) монсеньору Буи Ван Доку. На церемонии присутствовали многочисленные епископы, а также Жозеф Динь Дык Дао, президент епископальной комиссии по образованию, главный инициатора проекта по созданию этого Института.

Однако религиозная политика КПВ/СРВ остается противоречивой. 18 ноября 2016 г. Правительством был опубликован Закон № 02/2016/QH14 «О религии и традиционном народном верования». Этот документ стал первым законом о религиях во Вьетнаме, заменив собой Указ 2004 года. Будучи еще законопроектом, данный документ вызвал волну протеста со стороны католических епископов, высказавших мнение о том, что данный законопроект противоречит Декларации ООН по правам человека, а так же вьетнамской Конституции 2013 г.

Это объемный документ, содержащий 9 больших глав и 68 статей, регламентирующий в деталях все стороны жизни не только католических епархий Вьетнама, но и приходов. Текст Закона свидетельствует о продолжении практики государственного контроля, а так же надзора за религиозными учреждениями и их деятельностью. Особую критику вызывает пункт о «Регистрации» и необходимость утверждения правительством таких вопросов, как создание духовных семинарий, набор кандидатов в священники, а так же деятельность вне церковных зданий. В частности затрагивается вопрос о назначении епископов, с тех пор как он связан с «иностранными элементами». В Законе говорится, что «соглашение с центральным государственным органом управления по делам религии должно быть запрошено предварительно» (статья 22).

Критика нового Закона была высказана также относительно требований к регистрации мест поклонения и религиозной деятельности в целом, вплоть до наложения ограничения на

церковные кадры и учебные программы. По словам церковных иерархов, вышеуказанные пункты делают любую религиозную деятельность почти невозможной[30].

Монсеньор Мишель Хоан Дык Оань, епископ епархии Контум, написал письмо председателю Национального собрания СРВ, назвав проект «нарушением права на свободу вероисповедания, что идет вразрез с Всеобщей декларацией прав человека (статья 18) и Конституцией Социалистической Республики Вьетнам»[31].

В августе 2015 г. 37 ведущих каодаистов направили открытое письмо в Комитет по делам религий ЦК КПВ и Отечественный фронт Вьетнама с требованием отмены нового законопроекта.

По их убеждению, «он противоречит цели демократии и свободам, изложенным в положениях вьетнамского законодательства». «Новый закон вынуждает верующих регистрировать свою веру и места поклонения в качестве условия для официального одобрения. Это противоречит прогрессу и цивилизации современного мирового сообщества»[32].

Тем не менее, эти протесты были оставлены без внимания. Более того, Постоянный комитет Национального собрания высоко оценил тот факт, что благодаря новому законодательству «люди могут реализовать свое право на свободу вероисповедания по закону и в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах», подписанным во Вьетнаме в 1982 году[33].

После обсуждения упомянутого законопроекта, Национальное Собрание СРВ приняло закон «О религии и традиционном народном веровании» 18 ноября 2016 г. Он вступит в силу с 01.01.2018 г.

В качестве одного из выводов следует отметить, что зачастую целеустремленная приверженность государства к поддержанию общественного порядка приводит к ограничению религиозной свободы. Это же ставит серьезные ограничения по евангелизации.

Кроме того, широкие полномочия данные чиновникам на местах, позволяют им толковать и применять религиозную по-

литику достаточно произвольно, что может служить причиной недовольства среди католического населения.

Таким образом, отношения между КПВ и ВКЦ за 30 лет проведения курса политики обновления прошли долгий путь и продолжают развиваться в формате диалога и атмосферы консенсуса, однако осталось еще много шагов, которые обеим сторонам стоит предпринять на пути к взаимопониманию, насколько это возможно.

---

[1] Иларионов С.В. Роль католической общины в общественной жизни Вьетнама с 1945 по 1982 гг. М.,1982г. Р. С.13.

[2] The Hung, Phong Hien. Les catholiques et le mouvement national. HN 1980. P. 157.

[3]. Ibid. P.117.

[4] Ibid.P. 118.

[5] Илларионов С.В. Указ. соч. С. 21.

[6] Trương Bá Cần. Đông báo công giáo trong chế độ mới (Соотечественники-католики и новый общественный строй)// Thành phố HCM hai mươi năm, 1975-1995., Thành phố HCM 1997. Рукопись Tr. 466.

[7] Nguyễn Nghi. Thiên chúa giáo tại Thành phố HCM. (30.04.1975-30.04.1985) // Hai mư'ơi năm hoạt đông khọa học của Trung Tâm ngiên cứu lịch sử (1975-1995) (Христианство в г. Хошимине // 20 лет научной деятельности Центра по изучению истории.). T.p. HCM, 1995. Tr. 139, 138, 146, 151.

[8] Trương Bá Cần. Указ. соч. 468.

[9] Там же.

[10] http://katolik.ru /modules.php?name=News&file=article&sid=487 . Несмотря на преклонный возраст и болезни, священник Нгуен Ван Ли был освобожден из тюрьмы в преддверии визита Барака Обамы во Вьетнам в мае 2016 г. // http://vovworld.vn/ru/ru. Новости Визит Б. Обамы во Вьетнам. 23-25мая 2016 г.

Nguyễn Văn Linh. Bài phát biêu tại Đại hội lần thứ III Ủy ban Đoàn kết Công giáo Thành phố HCM. Ngày 10-11-1993. Tr. 15-22 //V ề tôn giáo tin ngưỡng Việt-Nam hiện nay. Hà-Nội, 1996. Tr.114. Нгуен Ван Линь. Речь на 3-м съезде Комитета Солидарности католиков// О религии и верованиях в современном Вьетнаме.

[11] Công giáo và dân tộc («Католицизм и нация»). T P. HCM. № 112, 04, 2004. Согласно опросу 2010 г. католиков – 8,7%. По данным на 2012 г., общее количество вьетнамских католиков – 7 376 727// Giáo phận công

giáo Việtnam. Lavang, 2012 (Католические епархии Вьетнама. Портал паломнического центра Лаванг).
[12] Công giáo thành phố Hô Chí Minh (30-4-1975 – 30-4-1986). («Католики города Хошомин»). Ủy ban đoàn kết công giáo yêu nước Việt-Nam, tập II, T.P. HCM, 1987. Tr. 13-14; 15-16.
[13]Nguyễn Văn Linh. Bài phát biểu tại Đại hội lần thứ III Ủy ban Đoàn kết Công giáo TP. Hồ Chi Mính. Ngày 10-11-1993. Tr.15-22// Về tôn giáo tin ngưỡng Việt-Nam hiện nay. Hà-Nội, 1996. Tr.114.(Речь на 3-м съезде Комитета солидарности католиков г. ХШМ).
[14] Trương Bá Cần. Указ. соч. Tr. 469.
[15] Новакова О.В. . Религиозная жизнь вьетнамского общества и католическая церковь в XXI в. (проблемы интеграции и адаптации) // Индокитай на рубеже веков (политика, идеология). М.: МГУ, 2001 г. С. 138.
[16] «Công giáo và dân tộc», № 122, 02, 2005.
[17] http://katolik.ru /modules.php?name=News&file=article&sid=4124
[18] http://katolik.ru /modules.php?name=News&file=article&sid=4124
[19] « Công giáo và dân tộc», №122, 02. 2005. (Католицизм и нация)
[20] Trương Bá Cần. Указ. соч. С.470.
[21] Там же.
[22] http://katolik.ru /modules.php?name=News&file=article&sid=6378.
[23] http://katolik.ru /modules.php?name=News&file=article&sid=2469.
[24] http://katolik.ru /modules.php?name=News&file=article&sid=6378.
[25] Там же.
[26] Голос Вьетнама, 15 июня 2013 г.
[27] Там же.
[28] http://ru.radiovaticana.va/news/2016/10.
[29] Agence Eglise d'Asie - 25 Août 2015.
[30] Hanoi ignores Caodaists and Catholics who criticise new religious bill for violating human rights [Электронный ресурс] http://www.asianews.it/news-en/Hanoi-ignores-Caodaists-and-Catholics-who-criticise-new-religious-bill-for-violating-human-rights-35104.html
[31] AsiaNews, 26 августа 2015 г.
[32] AsiaNews, 26 августа 2015 г.
[33] AsiaNews, 26 августа 2015 г.

© ***Рубан Л.С.***
НИУ «МЭИ»

«ПЕТРОНАС» – ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР МАЛАЙЗИИ*

Один из символов Малайзии – это построенный и открытый в 1999 г. – год 25-летнего юбилея компании «ПЕТРОНАС», 88-этажный небоскреб из стали, стекла и бетона, состоящий из двух одинаковых башен – «Башни-близнецы ПЕТРОНАС» («Petronas Twin Tower»). Строительство гигантского небоскреба продолжалось три года с 1995 по 1998 гг. и обошлось в 1,5 млрд долларов США. Официальное открытие «близнецов» состоялось 31 августа 1999 г. в 42-ю годовщину национального дня Малайзии.

Небоскреб имеет форму восьмиконечной звезды в соответствие с традицией и символикой ислама. Он виден в Куала-Лумпуре издалека, и долгое время относился к самым высоким небоскребам-близнецам в мире, но сейчас уступает первенство небоскребу Бурдж Дубай в Объединенных Арабских Эмиратах.

Понятно, что «Башни-близнецы ПЕТРОНАС» символизируют не только мощь и силу компании, но и страны в целом. Эти знаменитые башни-небоскребы оборудованы по последнему слову техники. Так, для кондиционирования воздуха в Куала-Лумпурском Городском Центре, где и находятся «Близнецы ПЕТРОНАС», компания задействовала систему газового охлаждения, такая же система используется в международном аэропорту Куала-Лумпура и административном комплексе Федерального правительства. Кроме того, Централизованное коммунальное хозяйство обеспечивает подачу пара, электриче-

* В статье автор частично использовала статистические данные, подготовленные ею на основе корпоративного доклада корпорации «ПЕТРОНАС» для параграфа 4.2.6. «Развитие энергетической отрасли Малайзии на примере деятельности компании «ПЕТРОНАС» и опубликованные в коллективной монографии «Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире (энергетический аспект)» / под ред. Рубан Л.С. М.: Academia, 2014.

ства, кислорода, деминерализованной воды и очистку сточных вод.

История самой корпорации началась 17 августа 1974 г., когда была зарегистрирована нефтяная компания «Петролиам Насионал Берхад» («ПЕТРОНАС»), владеющая и управляющая нефтегазовыми ресурсами Малайзии по закону «О развитии нефтегазовой промышленности» (1974 г.). Уже в 1975 г. компания начала экспорт нефти и в 1976 г. заключила свое первое Соглашение о разделе продукции с компаниями «Эссо» и «Шелл», а в 1977 г. – вышла на рынок нефтепродуктов через операции с авиационным топливом и бункеровкой танкеров. Деятельность «ПЕТРОНАС» включает разведку и добычу нефти и газа, нефтепереработку и торговлю нефтепродуктами, производство СПГ, операции с газопроводами, производство и сбыт продуктов нефтехимии и перевозки, обеспечивающие бизнес-активность компании, которая является нефтегазовым лидером своей страны и имеет свыше 100 филиалов в более чем 30 странах мира, а также входит в группу 500 крупнейших корпораций в мировом рейтинге журнала «Форчун Глобал»[1].

Чтобы наиболее полно показать деловую активность компании и ее результаты, мы сделаем анализ работы «ПЕТРОНАС» по всем бизнес-направлениям.

Итак, компания стремится к поддержанию нефтегазовых запасов Малайзии за счет разведки и добычи как внутри страны, так и приобретения новых активов за границей. В 1982 г. отделение «ПЕТРОНАС Чаригали», зарегистрированное в 1978 г., сделало своё первое открытие на море – нефтяное месторождение «Дуланг» в штате Теренггану, а в 1988 г. подписало первый договор «О совместной эксплуатации» с «Эссо Продакшн Малайзия» на этом же месторождении. В 1991 г. лидер страны Доктор Махатхир Мохаммад торжественно открыл церемонию запуска добычи нефти на месторождении «Дуланг»[2].

Компания «ПЕТРОНАС Чаригали (Туркменистан)» была первой среди иностранных партнеров Туркменистана. В июле

1996 г. она оформила Соглашение о разделе продукции (СРП)[†] сроком на 25 лет на разведку и разработку контрактной территории «Блок-1», включающей каспийские месторождения Овез, Баринова (Диярбекир), Губкина (Гарагелдениз) и Вост. Ливанова (Махтумкули) – проект «Блок – 1», где в 1998 г. ею было произведено бурение первой морской скважины на туркменском шельфе Каспийского моря. В 2005 г. коммерческий приток углеводородов был получен компанией на всех скважинах, пробуренных в туркменском секторе Каспия: Овез, Диярбекир (Баринов), Махтумкули, входящих в договорную территорию «Блок 1»[3].

В 2006 г. компания ввела в опытно-промышленную эксплуатацию месторождение Диярбекир (Баринов), находящееся в 50 км от туркменского берега Каспийского моря. На этом месторождении на глубине более 4,9 км был получен промышленный приток нефти дебетом 1,5 тысяч тонн в сутки. Компания «ПЕТРОНАС» стала второй иностранной компанией, добывающей нефть в каспийском секторе Туркменистана, а ранее единственным морским нефтедобытчиком была англо-арабская компания «Драгон Ойл»[4]. Кроме того, со второй половины 2011 г. компания «ПЕТРОНАС» начала реализацию газовой части своего туркменского морского проекта «Блок 1»[5].

В 2016 г. компания «ПЕТРОНАС Чаригали (Туркменистан)» приступила к бурению первой скважины на месторождении Гарагол-Дениз Западный, расположенном на договорной территории «Блок-1» и начала разработку очередного перспективного участка территории в рамках СРП, что обещает существенный прирост добычи углеводородного сырья в данном проекте. Основные инвестиции компании в 2016 г. были направлены на финансирование бурения эксплуатационных скважин, строительство добывающих платформ, а

[†] Как предусмотрено в соглашении о разделе продукции (СРП) между малазийской компанией «ПЕТРОНАС Чаригали (Туркменистан)» и правительством Туркмении (1996 г.), 60% стоимости добытой нефти направляется на покрытие затрат, а остальные 40% считаются прибылью и делятся поровну.

также на осуществление проекта разработки месторождения Гарагол-Дениз Западный[6].

На сегодняшний день компания «ПЕТРОНАС» подписала более 60-ти соглашений о разделе продукции с рядом зарубежных компаний по разведке и добыче нефти и газа на условиях раздела прибыли и возмещения расходов. Деятельность «ПЕТРОНАС» по разведке и добыче нефти, производству СПГ, работе в электроэнергетике осуществляется в АТР (в Австралии, Брунее, Индонезии, Малайзии, Мьянме, Вьетнаме, а также совместно с Таиландом); в Центральной Азии (в Туркменистане и Узбекистане); в Африке (в Камеруне, Алжире, Египте, Чаде, Мавритании, Мозамбике и Судане); на Ближнем Востоке (в Ираке и Омане); в Северной Америке (в Гренландии), в Европе (в Ирландии и Великобритании); в Латинской Америке (на Кубе, в Венесуэле и Аргентине). Кроме того, в Аргентине компании «ПЕТРОНАС» принадлежит доля акций в трубопроводе «Транспортадора де Газ Дел Норте СА».

Однако если в Аргентине сотрудничество успешно развивается и в 2014 г. Аргентинская YPF и «Petroliam Nasional Bhd.» (Petronas) подписали меморандум о взаимопонимании по совместной разработке запасов сланцевой нефти на гигантском месторождение нетрадиционных углеводородов Vaca Muerta в провинции Неукен, запасы которого оцениваются примерно в 23 млрд баррелей нефти[7], то в Боливарианской Республике Венесуэла компания Petronas вышла в 2013 г. из совместного предприятия (СП) Petrocarabobo из-за разногласий с государственной нефтекомпанией Petroleos de Venezuela (PdVSA) по условиям контракта и в будущем не планирует участвовать в проектах в этой стране[8].

В 1990 г. в Мьянме было создано первое предприятие по разведке и добыче в составе консорциума по Блоку «D» на суше. В апреле 2008 г. «ПЕТРОНАС» провел переговоры с китайской компанией China National Petroleum, подписавшей контракт в первой половине 2007 г. и владеющей лицензиями на блоки AD-8, AD-1 и AD-6, расположенные у берега провинции Rankhine в Мьянме, по вопросу сотрудничества в деле исследования газовых блоков в Мьянме, так как Petronas является одним из крупнейших инвесторов в нефтегазовой отрасли

данной страны[9]. Кроме того, в 1996 г. «ПЕТРОНАС» подписал контракт по добыче нефти с China National Offshore Oil Corporation и компанией Chevron Overseas Petroleum Ltd. для проведения совместной разведки нефти и газа в береговой зоне 02/31 в заливе Лиадонг в оффшорной зоне Китая.

В 1991 г. «ПЕТРОНАС» начал первые операции во Вьетнаме по разведке и добыче в береговой зоне (блоки 1 и 2). 1994 г. ознаменовался началом добычи нефти на месторождении «Дай Хунг». Во Вьетнаме были открыты нефтяные Блоки 1 и 2 и месторождение «Руби» на шельфе Вунг Тау, добыча нефти на котором началась в 1998 г. В 2003 г. был подписан контракт о совместной разведке и добыче УВ-ресурсов в шельфовых зонах 01/97 и 02/97. В 2006 г. было подписано СРП с компаниями «Chevron» и «PetroVietnam» на Блок 122, а через дочернее предприятие «Petronas (Vietnam) Co Ltd» был открыт второй завод СПГ в провинции Донг Най на юге Вьетнама[10].

В 1998 г. была начата нефтедобыча в Иране на месторождении «Сирри». В мае 2008 г. Иранская нефтяная компания по разработке континентального шельфа и «ПЕТРОНАС» подписали соглашение об инвестировании и реализации проекта по разработке нефтяного месторождения «Халидже Фарс» («Персидский залив») в провинции Бушер, сумма инвестиций в который составляет 1,5 млрд долл. США. Ранее был подписан контракт между иранской нефтегазовой компанией «Парс» и малазийской компанией SKS на разработку нефтяного месторождения «Фердоуси» в Персидском заливе, а до этого между двумя странами был заключен контракт на добычу газа на юге Ирана в районе нефтяного месторождения «Гольшан». Такая активность компании понятна, так как Малайзия хочет опередить своих азиатских и европейских конкурентов в области инвестирования нефтяной и газовой отраслей Ирана[11].

В 2000 г. было подписано соглашение по разведке на двух нефтегазовых блоках «Восточный Каданвари» и «Мехар» в Пакистане, а в 2003 г. «ПЕТРОНАС» получил от правительства Пакистана контракт на разведку и добычу на шельфовых блоках Джи (G) и Эйч (H). На африканском континенте в 1998 г. стартовали первые операции «ПЕТРОНАС» по нефтедобыче и экспорту из Судана, а в 1999 г. состоялось подписание согла-

шения с компанией ENI об участии компании «ПЕТРОНАС» в трёх разведывательных зонах на шельфе Габона. В 2000 г. началось строительство трубопровода длиной 1070 км между Чадом и Камеруном по проекту «Chad-Cameroon Integrated Oil Development», а уже в 2003 г. по нему пошла первая партия нефти.

Проследим динамику углеводородной ресурсной базы Малайзии.

По состоянию на январь 2006 г. нефтегазовые запасы Малайзии насчитывали 5,25 млрд баррелей нефти (включая и конденсат) и 87,9 трлн стандартных куб. футов природного газа (около 62,8 млрд. куб. м), а потребление составляло 33 млрд куб. м газа. В энергетическом балансе страны природный газ составлял на тот период 49%, нефть – 39%, уголь – 10%, гидроэнергетика – 2%. Общий объем ресурсов «ПЕТРОНАС» составлял 28,3 млрд баррелей нефтяного эквивалента, то есть 26% от всех международных ресурсов.

На 1 января 2011 г. общая ресурсная база Малайзии увеличилась до 20,9 млрд баррелей нефтяного эквивалента в связи с пересмотром ресурсов на существующих месторождениях и открытием новых: Spaoh, Bunga Bakawali и Anjung Kecil, что увеличило ресурсную базу с 5,8 млрд баррелей до 5,9 млрд баррелей нефтяного эквивалента, а запасы природного газа увеличилась с 14,8 до 15,0 млрд баррелей нефтяного эквивалента. Производство было устойчивым, добавилось еще одно новое газовое месторождение Serampang и два новых нефтяных месторождений Западное Belumut и D30, что увеличило общее количество разрабатываемых месторождений в Малайзии в 2011 г. до 117, включая 73 нефтяных и 44 газовых месторождений.

В 2015 г. добыча нефти и газа «ПЕТРОНАС» составила 2,3 млн баррелей нефтяного эквивалента в день, что было на 3% больше, чем в 2014 г. Как отмечают эксперты, следует учитывать, что за последние 14 лет запасы нефти в Малайзии сократились в 1,2 раза до 3,8 млрд баррелей, а добыча упала на 8% до 666 000 баррелей в сутки, но при этом потребление нефти в стране выросло в 1,6 раза до 815 000 баррелей в сутки. Запасы газа также снизились в 2 раза до 1,1 трлн куб. м, тогда

как добыча выросла в 1,4 раза до 66,4 млрд куб. м, а потребление – в 1,5 раза до 41 млрд куб. м. (источник Нестеров В., аналитик «Сбербанк СІВ»)[12].

По данным ОАО «ВНИИ Зарубежгеология», добыча нефти в Малайзии в 2015 г. составила 31,9 млн тонн, а газа – 68,2 млрд куб. м. Запасы на 01.01.2016 г. по нефти составляли 500 млн тонн, а по газу – 1200 млрд куб. м. Следует отметить, что ресурсная база нефти и газа в Азиатско-Тихоокеанском регионе сужается. В настоящий момент основными производителями нефти в АТР являются только Китай, Малайзия и Индонезия, а газа – Малайзия, Индонезия и Таиланд, но как считает Нестеров В., у Малайзии возникают проблемы с ресурсной базой, ей нужно пополнять запасы и поэтому нужно привлекать к работе иностранные компании для освоения месторождений, иначе добыча на действующих месторождениях может упасть в ближайшие 10 лет в 1,5–2 раза. По его мнению, «Зарубежнефти» было бы интересно работать на шельфе с «ПЕТРОНАС», тем более, что малазийская компания ведет добычу в т.ч. на шельфе Малайзии и Вьетнама, а у «Зарубежнефти» большой опыт работы на таких месторождениях[13].

В 1980 г. состоялась регистрация первого завода по производству минеральных удобрений «Асеан Бинтулу», что ознаменовало вступление компании «ПЕТРОНАС» в нефтехимический сферу. В 1985 г. этот завод заработал, и был начат экспорт продукции. В 1991 г. был подписан Договор о совместном предприятии с «Бритиш Петролеум Кемикалз» и компанией «Идэмитсу Петрокемикалз» по производству этилена и полиэтилена в Кертихе штата Теренггану. Ввод завода в эксплуатацию состоялся в 1995 г. В 1992 г. был введен в эксплуатацию завод по производству полипропилена и метилтретилбутиэтилена/пропилена в г. Гебенг штата Куантан, что ознаменовало вступление компании «ПЕТРОНАС» в интегрированный нефтехимический бизнес.

В 1983 г. был запущен в эксплуатацию первый нефтеперерабатывающий комбинат в Кертихе, а в 1994 г. – в Мелакке. Этот завод является совместным предприятием государственной нефтегазовой компании «ПЕТРОНАС» (53%) и

американской ConocoPhillips (47%). В 1997 г. было подписано соглашение между «ПЕТРОНАС» и немецкой компанией «БАСФ Актиенгецелшафт» о строительстве и эксплуатации еще трёх новых нефтехимических комбинатов.

На африканском континенте «ПЕТРОНАС» приобрел ведущую Южно-Африканскую компанию по переработке нефти и сбыту нефтепродуктов «Энджен Лимитед» с ее нефтеперерабатывающими предприятиями в Дурбане, а для торговли сырой нефтью и нефтепродуктами в Малайзии и за рубежом сформировал дочернюю компанию «PETRONAS Trading Corporation Sdn Bhd (PETCO)»[14].

Если говорить о сотрудничестве с Россией, то следует отметить, что в 2010 г., когда Малайзия начала перерабатывать российскую нефть сорта ВСТО, поставляемую по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий Океан» (ВСТО), НПЗ Melaka II стал первым малазийским предприятием по переработке этого российского сорта[15], а с апреля 2016 г. оператор проекта «Сахалин-2» компания «Sakhalin Energy» впервые поставила партию нефти (730 тысяч баррелей) на переработку в Малайзию[16].

Итак, «ПЕТРОНАС» активно развивает downstream, осуществляет переработку нефти за рубежом. В Африке сотрудничество в этой сфере развивается с Ботсваной, Бурунди, Камеруном, Республикой Чад, Демократической Республикой Конго, Габоном, Ганой, Гвинеей Бисау, Кенией, Малави, Маврикием, Мозамбиком, Намибией, Руандой, Южной Африкой, Суданом, Танзанией, Угандой, Замбией и Зимбабве; в Европе – с Австрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Данией, Испанией, Италией, Нидерландами, Польшей, Португалией, Турцией и Францией; в Латинской Америке – с Аргентиной и Бразилией; в Северной Америке – с США; в АТР – с Китаем, Индией, Индонезией, Японией, Малайзией, а также с Филиппинами, с Таиландом и Вьетнамом; на Ближнем Востоке – с в ОАЭ.

В 1981 г. в Куала-Лумпуре была открыта первая автозаправочная станция, а сейчас «ПЕТРОНАС» владеет более 700 АЗС и автомастерских в Малайзии. В 1994 г. компания открыла первую зарубежную АЗС в Камбодже, в 2003 г. – первую АЗС в

Судане, а в 2006 г. – в Индонезии. Всего группе «ПЕТРОНАС» принадлежит в мире более 2000 АЗС и автомастерских в Южной Африке, Ботсване, Бурунди, Кении, Лесото, Малави, Маврикии, Мозамбике, Намибии, Свазиленде, Танзании, Замбии, Зимбабве и Судане, где «ПЕТРОНАС маркетинг Судан Limited» обслуживает международный аэропорт в Хартуме, базе операций ООН по программе по продовольствию в Судане. Корпорация поставляет топливо в ООН и миссии миротворческих сил Африканского союза в Дарфуре. В Европе через PLISB производит и продает смазочные материалы и средства для легковых и грузовых автомобилей, проводит техобслуживание и исключительную поставку смазочных материалов компании «Фиат»[17].

Компания «ПЕТРОНАС» является крупнейшим производителем сжиженного природного газа в Азии. 29 января 1983 г. первая партия СПГ была экспортирована в Японию с «ПЕТРОНАС СПГ» в Бинтулу штата Саравак‡. В 1985 г. компанией был осуществлен экспорт первой партии сжиженного нефтяного газа. В 2006 г. компания «Malaysia LNG Sdn. Bhd.» подписала контракт на 15 лет на поставку СПГ с «Shikoku Electric», завод «MLNG Tiga» – на 20 лет с «Toho Gas» и с компанией «Osaka Gas» на 15 лет и Соглашение о куплепродаже СПГ с компанией «Chubu Electric Power» на 20 лет. СПГ идет в Японию (60%), Южную Корею (18%), Тайвань (13%) и Китай (5%)[18].

В 2008 г. малазийская компания «Wah Seong» реализовала многомиллионный контракт, предоставленный «Petronas Carigali», на обслуживание газопроводного проекта Sabah-Sarawak по изготовлению, доставке и хранению труб для прокладки газопровода от нефтегазового терминала Сабах в штате Сабах, до комплекса СПГ в Бинтулу штата Саравак на острове Борнео. Стоимость контракта составила 121,9 млн долл. США[19].

‡ Полное завершение работ по реализации проекта по производству СПГ в Бинтулу состоялось в 1996 г.

«ПЕТРОНАС» проводит и расширяет программу по использованию природного газа в транспортном секторе для автомобилей. В соответствии со стратегией Малайзии по диверсификации энергетических источников «ПЕТРОНАС» содействует использованию природного газа в рамках своего трехфазового проекта, начатого в 1984 г. и завершенного в декабре 1997 г. Трансполуостровная система газопровода (2505 км) идет от газоперерабатывающего комплекса «ПЕТРОНАС» на восточном побережье к западному, и от таиландско-малайзийской границы на севере до Сингапура на юге, и включает в себя 6 газоперерабатывающих предприятий мощностью в 2000 млн куб. футов газа в сутки. Газопровод соединен с транснациональным Таиландско-Малайзийским газопроводом для транспортировки газа из Малайзийско-Тайландской зоны совместного освоения, что усиливает надёжность поставок в страну и одновременно подключает третье государство – участника АСЕАН к проекту газопровода «Газовая сеть АСЕАН». Наиболее важным достижением проекта «Использование газа на полуострове» является усовершенствование двух интегрированных нефтехимических предприятий в Гебенге и Кертихе, а также Централизованного резервуарного парка. «ПЕТРОНАС» также экспортирует газ в Сингапур для выработки электроэнергии[20].

«ПЕТРОНАС» эффективно реализует комплексную программу производства, сбыта и транспортировки своей продукции. Для этого компания приобрела 62% акций национальной судоходной корпорации «MISC Berhad», крупнейшей в мире владелицы и оператора танкеров по доставке СПГ, получив в результате этой сделки преимущество на рынке сжиженного природного газа. Кроме того, «ПЕТРОНАС» инвестировал средства в эксплуатацию трубопроводов в Аргентине, Австралии, Индонезии и Таиланде, а также в хранилища газа и регазификационные объекты СПГ в Европе.

Специалисты «ПЕТРОНАС» считают, что в обозримом будущем их компания и дальше будет оставаться лидером нефтегазовой отрасли Малайзии и вносить вклад в индустриальное развитие своей страны в ходе реализации плана по достижению Малайзией уровня развитого государства к 2020 г.

[1] Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире (энергетический аспект) / под ред. Рубан Л.С. М.: Academia, 2014. С. 303-307, 309.
[2] Там же.
[3] Калюжный В.И., Рубан Л.С. Сотрудничество на Каспии – путь успеху и процветанию. М.: Academia, 2011. С.79-80.
[4] Малазийский «Петронас» станет вторым иностранцем, добывающим нефть в туркменском секторе Каспия // Monday. 15 мая 2007. 13:41:07.
[5] Старый друг // Нефть и Капитал № 6 июнь 2011. С. 14.
[6] Малазийская компания «ПЕТРОНАС» наращивает усилия по разработке нефтегазовых месторождений на Каспии // OilCapital.ru. 4 апреля 2016.
[7] Малазийская Petronas стала новым партнером YPF в разработке сланцевых запасов Vaca Muerta // OilCapital.ru. 19 февраля 2014.
[8] Petronas выходит из добычи углеводородов в Венесуэле. RusEnergy.com 10.09.2013.
[9] Petronas и CNPC ведут переговоры по оффшорным блокам // RusEnergy 1 апреля 2008.
[10] Социально-политические сообщества планеты…
[11] Иран и Малайзия будут вместе разрабатывать нефтяное месторождение «Халидже Фарс» // RusEnergy 26 мая 2008.
[12] Старинская Г. «Зарубежнефть» ищет проекты // Ведомости № 4079 от 23.05.2016. http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/05/22/641917-zarubezhneft-proekti 22.05.16 22:37
[13] Там же.
[14] Социально-политические сообщества планеты…
[15] Малайзия начинает перерабатывать сорт ВСТО // Platts Энергоскан 18-24 мая 2010.
[16] Sakhalin Energy впервые поставила партию нефти в Малайзию//OilCapital.ru 08.04.2016.
[17] Социально-политические сообщества планеты…
[18] Там же.
[19] Малазийская «Wah Seong» получила от Petronas многомиллионный контракт // RusEnergy 14 апреля 2008.
[20] Социально-политические сообщества планеты…

© ***Пракапович Н.В.***

США И ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ» ЮГА ФИЛИППИН (1901-1913 гг.)

Традиционно, провинция Моро, охватывающая южные районы Филиппин, стояла особняком от остальной части Филиппинского архипелага, как в военно-политическом, так и в культурно-религиозном отношении. Моро – общее название тринадцати исламизированных этно-лингвистических групп, населяющих острова Минданао, Палаван, Басилан и архипелаг Сулу и составляющих не более 7% от общего числа филиппинского населения[1]. 77% населения моро представляют крупнейшие народности − *маранао, магинданао* и *таусуг.* 10% приходится на *сама,* 4% − *якан,* оставшиеся 9% − *иранун* и языческие племена.

История взаимоотношений этой немногочисленной группы мусульманских народностей с христианским большинством Филиппин и колонизаторами наполнена бесконечными конфликтами и борьбой за право на собственное вероисповедание и государственное управление[2].

К моменту высадки испанского колониального корпуса в XVI в. на юго-востоке острова Минданао и архипелаге Сулу уже существовали исламские султанаты (Сулу и Магинданао), которые крайне враждебно отнеслись к вторжению испанцев и массовому обращению филиппинцев в христианство. На протяжении всего периода испанского владычества моро весьма успешно сопротивлялись колониальной экспансии[3]. Лишь во 2-ой пол. XIX в. испанцам удалось прочно закрепиться на южных рубежах. Но внутренние районы Минданао так и остались незавоеванными. Формально к 1870-м гг. испанцам удалось добиться от султанов признания испанского протектората, однако по факту они удерживали контроль лишь над прибрежными территориями.

Будущий статус южных районов во время филиппинской революции оставался неопределенным. Лидеры филиппинских

повстанцев предлагали два варианта — либо эти районы должны были стать со временем частью унитарного филиппинского государства с сохранением автономии, либо вступить в федеративные отношения с ним. Но проблема мусульманского Юга не ограничивалась лишь вопросом административно-территориального статуса областей. Между двумя основными конфессиональными группами филиппинского населения, развивавшимися в изоляции друг от друга в течение более чем 300-летнего периода, сохранялись антагонистические отношения. Дело в том, что еще в годы испанского владычества на Филиппинах было положено начало переселению на Минданао крестьянской бедноты из северных христианизированных провинций. Помимо крестьян-переселенцев, увеличение численности которых было призвано «уравновесить» христиан и мусульман на Южных Филиппинах, на Минданао переселялись и богатые католики, которым покровительствовала испанская администрация. Но такая практика способствовало лишь еще большему отторжению Юга от Севера[4].

Революционное правительство 90-х гг. XIX в. предпринимало шаги для преодоления вражды между христианами и мусульманами. Позиция филиппинских лидеров основывалась на идее общефилиппинского национального единства в борьбе с испанским колониализмом (одинаково угнетавшим как христиан, так и мусульман). Ненависть моро к христианам объяснялась политикой испанцев, насильственно разъединивших филиппинские народы. Но моро не доверяли северянам[5]. Сказывались традиционная враждебность к христианскому населению, длительная изоляция южных районов, их социально-экономическая отсталость и политический застой, господство мусульманской идеологии, ориентировавшей филиппинцев-мусульман на принадлежность к «миру ислама» и культивировавшей религиозную обособленность мусульманской общины. Правители султанатов воспринимали филиппинское республиканское правительство как преемника испанской колониальной администрации и избегали вовлечения южных районов в общий процесс освободительной борьбы[6].

С похожими вызовами столкнулась и американская колониальная администрация. В то же время, формально моро чис-

лились в составе испанской колонии, и в соответствии с положениями Парижского мирного договора 1898 г. суверенитет над о. Минданао и архипелагом Сулу, так же, как и над всеми Филиппинами, передавался Испанией США. Но первое время американцы не могли себе позволить одновременно вести военные действия и с мусульманами южных районов, и с партизанами Лусона. Требовалось хотя бы временное замирение Юга. Американцы пошли на ряд уступок. В частности, в августе 1899 г. американский генерал Джон Бейтс заключил договор с султаном и рядом сулуанских дато, по которому моро признавали суверенитет США над Сулу, но одновременно американская сторона обязалась не вмешиваться во внутренние дела султаната.

В целом, появление американских оккупационных войск первоначально не вызвало особой реакции в султанатах. Американцы почти не встречали сопротивления. Правящие круги султанатов относились к вторжению США как к злу значительно меньшему по сравнению с перспективой подчинения республиканскому правительству христианского большинства. Они были готовы признать власть США взамен на доминирующие позиции в мусульманских владениях, свободу торговой деятельности моро и сохранение внутренней автономии. Первые дипломатические акции американцев давали основание для подобных надежд[7]. Более того, некоторые моро участвовали в подавлении партизанского движения против американцев на севере. Но это не означало, что американцы внушали им доверие. Просто мусульманские народы воспользовались шансом отомстить своим давним религиозным соперникам, а американцы лишь неверно истолковали такое поведение в свою пользу. Моро оказались более проницательными. Американские политики не приняли во внимание тот факт, что испанцам и трех веков не хватило, чтобы добиться подчинения мусульман[8].

Короткий мирный период уже в 1901–1902 гг. сменился растущей враждебностью моро. Американцы, задушив национально-освободительное движение на севере архипелага, взяли курс на подчинение южных районов. К тому же, многие противники дипломатических методов в США жестко раскритиковали договор Бейтса за разрешение практики рабовладения

среди моро и фактически его денонсировали. Военные стали агитировать за прямое правление[9]. Они смотрели на вождей моро как на дикарей, не готовых к гражданскому цивилизованному правлению. На этом основании американская армия установила военно-политическую власть на большей части территории Минданао и Сулу, которая сохранялась вплоть до 1913 г.[10].

В 1903 г. провинция Моро была утверждена в качестве гражданско-военного административного округа. Американская администрация ввела западную систему управления на Минданао и Сулу и начала проводить цивилизаторскую политику по ознакомлению местных мусульман с западными институтами и идеями. Продолжалась политика уступок феодальной знати. Поначалу колониальные власти воздерживались от вмешательства в сферу религии, а также в традиционную исламскую систему правосудия и религиозного образования (хотя и начали открывать школы современного типа), оставив на время эти области внутренней жизни моро под контролем султанатов.

Американцы, вводя прямое правление, старались действовать осторожно, пытаясь избежать кровопролития. Филиппинская комиссия обещала не вмешиваться в дела внутриплеменной организации и культуры и не обращать мусульман в христианство насильно. Американцы не запрещали, но и не поощряли христианских миссионеров, прибывающих проповедовать в южные районы[11].

Сторонники более жесткой лини возрадовались, когда в провинцию Моро прибыл генерал-майор Леонард Вуд, которого назначили военным губернатором южных Филиппин. Близкий друг президента Теодора Рузвельта и бывший военный губернатор оккупированной США Кубы, Вуд был реформатором по натуре. Под его руководством законодательный совет провинции Моро отменил рабовладение, заменил местный свод законов американской моделью правосудия и восстановил испанский налог - *седула*, которым облагался каждый взрослый мужчина[12].

Вуд хотел побороть беззаконие и хаос, которые, по его мнению, царили в провинции Моро. Однако он столкнулся с сильной местной оппозицией. Ликвидация рабства и традици-

онного правового кодекса нанесла удар по власти местных дато. Кроме того, сопротивление моро было обосновано и религиозными мотивами. Несмотря на заверения американцев, они страшились насильственного обращения в христианство. Американцы, вмешавшись в исламскую систему правосудия, окончательно подорвали свой авторитет и утратили доверие местного населения. Никто не гарантировал, что и христианизация не коснется моро. Введение седулы было воспринято как попытка заставить платить налоги христианскому правительству. Воинственные мусульмане фактически объявили войну американским захватчикам. Партизанское движение, постоянные засады и *хурамментадо* (джихад воинов-смертников) стали обыденным явлением на Минданао и Сулу. Но по вооружению моро значительно уступали американцам. Сабли и копья не шли ни в какое сравнение с американским огнестрельным оружием. В ходе массовых карательных операций Вуд и его солдаты уничтожили сотни моро. Такая беспрецедентная по жестокости кампания окончательно подорвала усилия по бескровному умиротворению Юга и привела к еще более кровавому инциденту. В 1906 г. сотни обозленных мусульман собрались у вулкана Буд Дажо недалеко от столицы архипелага Сулу-Холо и спрятались в укрепленном кратере потухшего вулкана. Вуд устроил беспощадную бойню, уничтожив около тысячи таусугов, включая женщин и детей[13]. Инцидент при Буд Дажо получил широкую огласку и вызвал протест со стороны антиимпериалистических кругов США, которые подвергли сомнению необходимость в проведении штурма. В результате Вуд в 1906 г. покинул свой пост. Его заменил бригадный генерал Таскер Блисс, который предпочитал дипломатию политике принуждения. Ему удалось восстановить стабильность путем отмены практики массовых карательных экспедиций и введением индивидуальной ответственности за совершение тех или иных преступлений[14].

В 1909 г. на посту военного генерал-губернатора Блисса сменил бригадный генерал Джон Першинг. Он продолжил политику Блисса и заверил вождей, что только конкретные лица, виновные в преступлениях, будут нести ответственность за содеянное. Однако следующий виток противостояния с моро был неизбежен. Связан он был, прежде всего, с вопросом всеобщего

разоружения. Идея разоружения моро витала в воздухе еще при Блиссе, однако колониальные чиновники, страшась ожесточенной реакции местных, медлили. В 1911 г. Першинг сумел добиться единодушия по этому вопросу и провозгласил новый закон о сдаче огнестрельного и холодного оружия. Многие моро, для которых оружие являлось атрибутом статуса и независимости, ответили отказом. Конфликт разгорелся с новой силой. Вновь были задействованы американские войска. Вновь моро собрались у Буд Дажо, символом мужества и стойкости своих собратьев, но Першинг нанес упреждающий удар, не дав мусульманам опомниться. Операция американских военных на этот раз прошла успешно. Потери со стороны местного населения были невелики, всего 12 человек. Однако метод повальной зачистки был повторно применен в 1913 г., когда произошла битва в кратере вулкана Буд Багсак в восточном Холо, в результате которой все спрятавшиеся мусульмане были убиты. Подавив этот последний очаг сопротивления, США полностью установили контроль над Югом. В 1913 г. провинция Моро была упразднена и заменена Округом Минданао и Сулу, который представлял собой гражданское правительство во главе с американским колониальным офицером. Моро были разоружены. Да и сами моро, когда забрезжила возможность обретения независимости от США, стали искать контактов с американцами, боясь, что с их уходом они окончательно окажутся под властью ненавистных христиан[15].

Американцы были достаточно безжалостны по отношению к моро, поэтому вряд ли они добились бы их подчинения, не проводя, наряду с жестким курсом подавления, мирную политику привлечения южных народов. Основные усилия колониальные власти традиционно направили в сферу религии и образования, призванные устранить нарастающее напряжение между военной администрацией и населением Юга. Для этого привлекались не только американские гражданские служащие, но и культурные посредники с Ближнего Востока, непосредственно знакомые с исламом и владеющие арабским языком.

В числе наиболее ярких представителей Ближнего Востока, пребывающих в колониальных Филиппинах, был Наджиб Салиби (1870-1935 гг.), ливанский врач-протестант родом из

Бейрута, а впоследствии натурализованный гражданин США. Будучи знакомым с арабским языком и исламом, он стал первым ведущим американским экспертом по мусульманским народам юга Филиппин.

Салиби окончил Сирийский протестантский колледж (сейчас Американский университет в Бейруте) и в 1896 г. эмигрировал в Нью-Йорк с целью получить диплом по медицине. Во время американо-испанской войны на Кубе работал военным врачом и набирался опыта в медицинском деле - проводил анатомические исследования по тропическим болезням и вскрывал трупы. На Кубе Салиби имел возможность следить за быстрым карьерным взлетом врача Леонарда Вуда, который стал сначала американским военным губернатором Кубы, а затем был назначен военным губернатором провинции Моро на Филиппинах. В 1901 г. Салиби оказался на юге Филиппин, в г. Малабанг на юго-западном побережье Минданао, родине магинданао. Владение Салиби арабским языком и его знания ислама признавались очень ценными. С его помощью американские военные рассчитывали ближе познакомиться с местным населением южных Филиппин.

Все свободное время Салиби посвящал знакомству с культурой моро. Он забросил врачебное дело, полностью отдавшись новому интересу. Его прикрепили к военным высшего ранга. Салиби переводил для них письма на языках моро, разъяснял статус мусульманских вождей и устанавливал с ними дружеские отношения. Наджиб был единственным американцем в армии, который мог общаться с местными народами без переводчика наряду с арабскими и афганскими шарифами[16], служившими советниками при султанах моро и многочисленных дато. Также он тесно общался с местными пандитами (исламскими клерикалами), знакомыми немного с арабским языком и исламской доктриной. Они значительно расширили познания Салиби в области культуры и традиций моро, помогли ему освоить языки таусуг и магинданао. Сирийский исследователь собирал генеалогии вождей (тарсилас), изучал историю обращения местных народов в ислам, занимался кодификацией местной системы правосудия, которая представляла собой смесь шариата и традиционных воззрений. Ученый полагал,

что восстановление и публикация истории Минданао и Сулу, а также модернизация судебного кодекса станут ключевыми элементами в возрождении моро и сохранении их религиозной свободы и достоинства.

Салиби рассматривал моро, как народ, населяющий восточную часть исламской уммы, чья цивилизация, космополитические связи и культура были либо стерты из памяти либо оклеветаны предрассудками, которые американцы унаследовали от испанцев, особенно в отношении их якобы жестокости и варварской дикости. Тем не менее, когда Салиби сравнивал ислам моро с мусульманами Османской Сирии, он обнаружил, что их ислам представляет собой не более чем видимость внешних обрядов, прикрывающую анимистические верования. Он наблюдал, как многие пандиты (санскритское название которых само по себе свидетельствовало о наличии глубоких индуистских корнях) практиковали обряды, запрещенные ортодоксальным исламом[17].

Принимая во внимание такое положение вещей, американские колониальные власти не могли не определить для себя главные цели и задачи колониальной политики в южных районах. В первую очередь необходимо было добиться замирения Юга. Стояла задача по уменьшению культурной изоляции мусульманской общины Филиппин и их интеграции в общенациональную жизнь архипелага. В то же время нельзя было откровенно покушаться на местные традиции и обычаи, тем более на такую религию как ислам, на фоне которого христианство не могло себя чувствовать уверенно, как в случае с примитивными племенными верованиями. Радикализация религиозных настроений среди мусульман считалась недопустимой. Именно Наджиб Салиби положил начало разрешению существующих противоречий между американской армией, мусульманами и христианами Филиппин.

В авг. 1903 г. Салиби был назначен гражданским инспектором школ провинции Моро. В его обязанности входило строительство школ, деление провинции на административные районы, снабжение их преподавательскими кадрами, назначение зарплат американским и местным учителям и, наконец, составление программы обучения. Он обладал достаточной свободой

действий, что обуславливалось социальными условиями и менталитетом народов, с которыми местный глава образования имел дело.

Население южной провинции было довольно пестрое и неоднородное в этническом, религиозном и языковом отношении, что осложняло работу гражданского инспектора. Провинция Моро была поделена на пять районов – Сулу, Котабато, Давао, Ланао и Замбоанга. Замбоанга, бывшая главной военно-морской базой испанцев в южной части Филиппин, была объявлена центром провинции Моро при американской администрации. Собственно, христиане, составлявшие меньшинство на Юге, были обнаружены именно там. Учитывая, что здесь благодаря иезуитам уже существовали приходские школы, работа с христианским населением в данном районе не представляла особой сложности. Однако мусульманские и другие нехристианские племена оставшихся районов, различавшиеся по социальному, моральному и интеллектуальному уровню, а также по степени готовности к адаптации к современной цивилизации, были менее благожелательно настроены в отношении государственных школ начального образования. Моро относились к современным, тем более христианским школам, с глубоким подозрением, не говоря уже о язычниках, которых вполне удовлетворял их примитивный образ жизни.

Что касается иезуитов, продолживших свою миссионерскую деятельность на Юге при американцах, то они также воспротивились открытию школ для мусульман. В 1904 г. только две из 42 школ обслуживали моро, остальные были исключительно христианскими[18]. Лишь посредничество Салиби, имевшего за своими плечами большой опыт общения с разными религиозными общинами, помогло успешно сгладить конфликт с иезуитами, выступающими против введения государственных школ.

Всего за первые пять лет американского присутствия на юге было открыто 52 школы. На них приходилось 15 американских учителей и 54 местных. Мусульманами были лишь 9 из них. Что касается учащихся, то их численность достигала 2,114. Но надо сказать, что и здесь статистика не менее показательна. Большинство учащихся − 1764 человека − были христианами,

240 – мусульманами и лишь 110 – язычниками (багобо)[19]. Соответственно, перед американцами стояла непростая задача по привлечению на свою сторону, в первую очередь, мусульманского населения.

Перед Салиби встала проблема нехватки компетентных местных преподавателей. Американские учителя, не знавшие ни слова на языках моро, не могли справиться самостоятельно. Пришлось нанимать более-менее образованных жителей Юга Филиппин и осевших в здешних местах арабов, которые взялись за составление словарей для американцев. Эти же люди принимали участие в подготовке для американцев кадров, владеющих языками таусуг и магинданао. Салиби настаивал на том, что моро, не знавшие ни английского, ни испанского, имеют право приступить к обучению на их родном диалекте. Некоторые моро, помимо своих языков, могли знать еще и несколько слов по-арабски, необходимых для чтения Корана, но, как правило, этих слов было недостаточно для глубокого понимания священной книги мусульман.

В целом, школьная система на Юге должна была соответствовать общему курсу, разработанному Бюро образования во главе с Бэрроузом, который его возглавил. Однако были кое-какие отличия от программы начальных школ в северных провинциях. Например, обучение чтению и письму велось на местных диалектах, но арабской вязью. Салиби доказывал, что обучение английскому языку детей в начальной школе бесполезно, так как большинство из них не смогут применить эти знания на практике в своих заброшенных деревнях. Определенную пользу в распространении английского языка он видел, но только для тех 4% населения, которые могли позволить себе учиться в колледжах или в университетах. Однако он находил смешным и недемократичным пропаганду среди порабощенного населения языка колонизаторов на фоне одновременных попыток привить колонизированным народам дух патриотизма и национального единства.

Большую поддержку американским начинаниям в деле просвещения Юга оказывали школы пандитов – исламских богословов, которые пользовались уважением и авторитетом в своих общинах. Бюро образования снабжало их необходимыми

книгами, включая Коран, и письменными принадлежностями. Пандиты не требовали платы за свою работу и по сути продолжали заниматься тем, чем занимались представители их круга на протяжении многих веков, а именно разъясняли местным юнцам основы ислама и учили их элементарной грамоте.

Положительная роль пандитов в делах посредничества и привлечения членов общины в начальные школы не осталась не замеченной. Салиби оказывал им большую поддержку и даже добился согласия Исполнительного совета, состоявшего из американцев, на то, чтобы Коран временно использовался в южной провинции как учебник, до тех пор, пока не будет составлена программа обучения для мусульманских школ.

Образование на Юге носило традиционный религиозный характер. В отличие от северных районов архипелага оно, во-первых, состояло в изучении основ не христианства, а ислама, распространяемых на арабском, малайском и местных языках (например, на таусуге); и, во-вторых, было инициировано не испанскими колониальными властями и католическими монахами, а исламскими миссионерами из ближневосточных и соседних мусульманских стран, путешествующих с проповедями по региону ЮВА и появившихся здесь задолго до прихода испанцев.

Среди моро был распространен арабский алфавит. Строгой регламентации знаний не было. Учебниками служили Коран и классические малайские тексты. Обязательными считались знание пяти столпов ислама (*шахада, намаз, ураза, закят, хадж*) и четырех основных понятий ислама − *имам* (духовное лицо мусульман, заведующее мечетью), *ислам*, *таухид* (догмат о единственности и единстве Аллаха), *марифат* (познание Аллаха и знание о нем). Разъяснялись термины исламской юриспруденции, в частности, *нисаб* (минимальный достаток или имущество, с которого необходимо выплачивать закят) и *узр* («извинительное состояние»[20]). Учеников приучали к систематической обработке земли как способу честно зарабатывать на жизнь и кормить семью; прививали уважение к чужой собственности; учили заботиться о женщинах и детях в соответствии с положениями Корана. Таким образом шла исламизация населения.

Распространением подобных знаний занимались пандиты. Особым спросом пандиты пользовались среди местных вождей, которые нанимали богословов для своих детей и искали у них совета как удерживать население в послушании и подчинении.

Также сведения об исламе поступали от паломников, совершивших хадж в Мекку, и от малайских ученых, которые периодически посещали мусульманскую общину на Филиппинах[21]. Но, как и в большинстве случаев, основной массе мусульманского населения эти знания были недоступны, только семьям вождей, поэтому ислам в чистом виде господствовал далеко не везде. Это не могло не радовать американцев, желающих ослабить влияние ислама в регионе. Однако более прогрессивные и дальновидные колониальные чиновники понимали, что распространение адекватных знаний об исламе среди варварских мусульманских племен облегчит их знакомство с современной цивилизацией и западными идеалами[22]. Практика общения с пандитами, оказавшимися более открытыми к восприятию новых идей, лишь подтверждала достоверность этой мысли. Однако Салиби, положивший начало ее реализации, не сумел довести до конца начатое. По отношению к Наджибу зрела «неконтролируемая антипатия» со стороны генерал-губернатора Вуда. Пропаганда двуязычного образования и критика империализма подтачивали основы американской демократии на Юге, что не могло не вызывать настороженности официальных колониальных властей. К Салиби росло недоверие, особенно после его предложения привлечь на службу его соотечественников с Ближнего Востока.

Росли и притязания Салиби на пост гражданского губернатора провинции Моро, чего военные уж никак не могли допустить. Минданао и Сулу, по факту являвшиеся периферией архипелага, служили отличной площадкой для продвижения по службе американских бойцов. Зачастую многочисленные жестокие расправы и карательные походы американских военных батальонов объяснялись не политикой устрашения, а их банальным стремлением получить новое звание. Битва у вулкана Буд Дажо являлась следствием такой установки.

Конфликт между Салиби и Вудом нарастал и в итоге к 1905 г. привел к закату политической карьеры первого. Сначала

Актом филиппинской комиссии была упразднена должность инспектора. Все полномочия в образовательной сфере перешли в руки губернатора провинции. Был положен конец двуязычному образованию. Английский стал основным языком обучения в школах. Такой поворот событий стал последней каплей для Салиби, и тот подал в отставку. Работа по продвижению демократических ценностей застопорилась. Американские военные отказывались признавать власть местных лидеров. Тот факт, что моро не имели представительства в правительстве, которое США учредили в их же интересах, препятствовал переходу к гражданскому правлению. Известно, что Салиби неоднократно в своих письмах обращался к военным губернаторам Вуду и Блиссу с просьбой позволить ему занять пост гражданского губернатора. Но Салиби до последнего воспринимался военной когортой как чужак-иностранец, этнические особенности которого, а также связи с мусульманским миром на Ближнем Востоке, вызывали недоверие. В итоге в марте 1907 г. Салиби оставил правительственную службу, переехал в Манилу и продолжил свои исследования по этнографии, лингвистике и медицине.

Но, к счастью для моро, Салиби был не единственным, кто искренне верил в то, что американское правительство должно по-отечески заботится о моро и других нехристианских племенах Филиппин. Капитан Джон Финли, военный метеоролог и губернатор округа Замбоанга, был одним из таких людей. Дух реформизма и энтузиазм капитана подтолкнули его к разработке цивилизаторских проектов в области продвижения всеобщего образования, борьбе с рабством и другими пороками отсталых народов. В то же время Финли пытался оградить моро и язычников Юга от эксплуатации христианами и китайскими торговцами путем создания подобия профсоюзов[23].

Знакомясь с укладом жизни филиппинских мусульман, американские исследователи обнаружили немало традиций и законов, не соответствующих американским принципам справедливости и гуманности. Тот же Салиби осуждал рабовладение, дискриминацию женщин и обычаи кровной мести. Народы моро практиковали бандитизм, убийства, злоупотребление алкоголем и опиумом. Причиной всех этих прегрешений Финли

видел в отсутствии истинного понимания ислама. Финли был убежден, что американцы могут положить конец этим зловредным практикам, продвигая более просвещенный ислам и распространяя его более ясное и прогрессивное толкование.

Большую поддержку Финли в этом вопросе оказал Абдулла Нуньо, один из местных мусульманских лидеров, сын известного воина и вождя о. Балангинги Сама. Под его лидерством небольшой городок Талюксангай в Замбоанге обратил на себя внимание группы арабских и малайских шейхов и хаджи. В итоге это место стало важным центром исламской пропаганды на Юге Филиппин[24].

Финли, приметивший Нуньо и впечатленный его незаурядным умом и преданностью исламу, назначил его заместителем старосты по межплеменным делам. Нуньо, в свою очередь, выразил готовность поддержать проект Финли по продвижению истинных исламских ценностей. Он активно выступал с публичными речами перед мусульманскими племенами, обличал рабство и советовал родителям отдавать детей в начальные школы. Нуньо часто сопровождал Финли в его инспекционных поездках, разговаривал с людьми и даже помогал разрешать споры. Финли, отдавая должное своему новому помощнику, называл его «самым прогрессивным лидером моро» и «Авраамом Линкольном народов моро».

Не останавливаясь на достигнутом, Нуньо и Финли пошли гораздо дальше. В ходе совместной работы они разработали проект петиции, адресованной послу Османской Империи в Вашингтоне. Петиция запрашивала духовного представителя султаната в провинцию Моро для оказания помощи в религиозных делах.

Меж тем, план двух партнеров оказался под угрозой срыва. В 1909 г. в качестве нового губернатора провинции Моро был назначен Джон Першинг, заменивший на этом посту Таскера Блисса. Между Першингом и Финли возникли непреодолимые разногласия. В итоге в 1911 г. Першинг попросил Финли оставить свой пост, на что Финли ответил отказом. Лишь после вмешательства Леонарда Вуда, командующего армией США, Финли вынужден был уйти в отставку и уехать в Америку.

Но даже находясь в Америке Финли не собирался отказываться от намеченной цели. Оставаясь преданным своему делу, он стал убеждать правительство США сотрудничать с правительством Османской империи, чтобы дать «*более просвещенные и прогрессивные знания об истинах и добродетелях ислама народам моро*». Финли представил на рассмотрение президенту США, У. Тафту, конкретный план по привлечению мусульманского духовного наставника из Османской империи в провинцию Моро сроком на 12−18 месяцев. По замыслу Финли проповедник должен был разъяснять народам моро принципы административной политики США, положения Корана и американских законов, не допускающих зловредных предубеждений. Убедив президента Тафта в том, что «*праведный мусульманин – добропорядочный гражданин» и* заручившись поддержкой высших военных кругов, Финли добился разрешения отправиться с неофициальной миссией в Османскую империю, а затем на Филиппины, где вновь он получал разрешение занять пост губернатора Замбоанги[25].

Визит Финли в Османскую империю широко освещался в американской прессе. Он успешно справился с заданием, передал петицию Мехмеду V и получил согласие султана на просьбу отправить одного из своих ведущих богословов в качестве шейх аль ислама[26] на Филиппины. Выбор пал на ученого араба из Наблуса в Палестине, математика, Саида Мохаммеда Афанди Ваджи аль Джилани.

Тем временем, в Замбоанге губернатор Першинг провинции Моро пытался всячески не допустить возвращение Финли в Замбоангу и даже обращался с этой просьбой в Военный департамент США. Торговая палата Замбоанги также приняла резолюцию против возвращения Финли и отправила ее в Военный департамент.

После прихода к власти в США демократической администрации во главе с президентом Вудро Вильсоном в окт. 1913 г. в качестве нового генерал-губернатора Филиппин в Манилу приехал Франсис Гаррисон. Военное управление сменялось гражданским. Американская армия передавала контроль над внутренними территориями филиппинским скаутам и констабулярии. Многие военные колониальные офицеры покинули

острова. В соответствии с новой политикой администрации, направленной на расширение самоуправления и дарования большей независимости Филиппинам, Гаррисон упразднил провинцию Моро как административную единицу и учредил округ Минданао и Сулу, назначив в качестве губернатора Франка Карпентера. Эта административная перестановка окончательно закрыла двери возвращению Финли на пост губернатора Замбоанги[27].

Несмотря на кадровую чехарду на Минданао, договоренность с Османской империей оставалась в силе, и уже в январе 1914 г. Ваджи аль Джилани прибыл через Сингапур в порт Замбоанга с сотней паломников, возвращающихся из Мекки. Он был тепло встречен Финли, Нуньо и другими представителями местной мусульманской интеллигенции. Финли организовал серию публичных встреч в Талюксангае, Басилане и других городах Замбоанги, на которых Ваджи аль Джилани читал проповедь о том, что значит на самом деле быть «добропорядочным гражданином и мусульманином».

Но далеко не все в администрации губернатора Минданао были в восторге от прибытия шейх аль ислама. В частности, начальник констабулярии докладывал Карпентеру, что религиозный энтузиазм, вызванный проповедями аль Джилани, может усилить влияние хаджи и имамов. Опасаясь, что Ваджи аль Джилани станет серьезной угрозой в мусульманских районах на юге, Карпентер запретил аль Джилани и Финли выезжать за пределы Замбоанги. Карпентер фактически вынудил обоих покинуть Замбоангу и уехать в Манилу, после чего Гаррисон отправил аль Джилани на родину в Стамбул.

Что касается судьбы Нуньо, он продолжал работать в новом округе Минданао и Сулу. Тем временем, на Минданао зрел раскол. Филиппинские националисты в Замбоанге стали активно проводить кампании за независимость Филиппин. Мусульманским же лидерам, наоборот, было выгодно американское присутствие, и Нуньо был одним из сторонников этого лагеря. Когда в 1916 г. был издан Закон Джонса, который провозглашал подготовку Филиппин к автономному правлению, Нуньо представил генерал-губернатору страны Гаррисону петицию, в которой просил, чтобы Минданао и Сулу не попадали под про-

возглашенную автономию и оставались под управлением США. Гаррисон не пошел на это, но обещал, что исламу, в случае принятия закона об автономии, ничего не угрожает. Нуньо принял это. До конца своих дней Нуньо пропагандировал ислам в провинциях Ланао и Замбоанга. В 1918 г. он скончался в возрасте 70 лет[28].

Как видно, Нуньо пытался распространить религиозные основы среди мусульман в провинции Моро так, чтобы они соответствовали потребностям новых политических и социальных условий, сложившихся под управлением американской администрации. Нуньо рассчитывал установить контакты с центрами по изучению ислама за пределами Минданао и Сулу, заручившись поддержкой американской администрации.

Нуньо, как человек, совершивший хадж и много путешествующий, был хорошо осведомлен о могуществе западных держав и их военном и экономическом превосходстве. Поэтому, вполне возможно, что Нуньо хотел установить тесные отношения с остальным мусульманским миром, чтобы вместе противостоять Западу, используя религию в качестве связующего звена и духовной скрепы. Подарки Османской империи, переданные еще аль Джилани и выставленные в мечети Талюксангая, служили и до сих пор служат напоминанием о связях с мусульманским миром южных Филиппин. В то же время Нуньо принимал покровительство США, обещавших не вмешиваться в религиозную жизнь Юга. Только так, балансируя между двумя центрами силы, можно было претендовать на реальную независимость своего региона.

Хотя филиппинским мусульманам и не удалось создать более современную и просвещенную исламскую концепцию, как их современникам на Ближнем Востоке − исламским реформистам, они успешно впитывали западные знания и идеи, пытаясь распространить ислам и развить свою собственную идентичность в качестве настоящих мусульман, имеющих отношение к мировой умме.

Что касается отношения моро к событиям, произошедшим в 1913 г. при переходе от военного к гражданскому правительству, то большинство слабо понимало суть изменений. По факту, американские власти признавали ошибочность политики,

проводимой до этого. Если раньше моро воспринимались отдельно от христианских народов Филиппин, то под новым гражданским режимом в рамках процесса филиппинизациии их объявляли филиппинцами. Провинция Моро переименовывалась в округ Сулу и Минданао с однозначной целью − подвергнуть забвению слово «моро». Несмотря на заверения американцев, попытки урезать свободу вероисповедания продолжались на том основании, что моро не являются настоящими мусульманами, и их понимание ислама поверхностно, вследствие чего они смогут быстро от него отказаться. Наиболее просвещенные круги моро тоже признавали, что они не являются истинными последователями ислама. Однако, всецело понимая последствия зависимости своего края от США, они были готовы воспринимать идеи Корана, чтобы заручиться поддержкой мировой уммы. Поэтому долго и упорно вместе с сочувствующими колониальными чиновниками они продолжали запрашивать мусульманских проповедников с Ближнего Востока. В ответ на обвинения в том, что моро не являются настоящими мусульманами, они справедливо замечали, что среди христиан тоже нет единства, и далеко не все из них чтят заветы Христа[29].

Тем не менее, американцы, учитывая растущий арабский национализм на Ближнем Востоке, опасались, что связи с этим дальним регионом повлияют на рост в потребности филиппинского самоопределения. Запрет на проповедников и иммигрантов был связан именно с желанием ограничить контакты филиппинских мусульман с возможными «подрывниками» стабильности извне. Активно внедрялось изучение английского языка в школах. Чтобы ослабить влияние ислама на Сулу и Минданао, вводилась практика выделения государственных стипендий представителям мусульманской молодежи для обучения в высших учебных заведениях Манилы и США. Ограничения подвергся и хадж. В нем американские власти усматривали не только угрозу возможного подъема ислама, но и социально-экономическую угрозу. Многие мусульмане часто впадали в нищету, тратя все накопленные средства на паломничество в Мекку, что многие американцы рассматривали как большую проблему, так как это препятствовало развитию торговли на островах.

Продолжилась практика переселения христиан Лусона на Минданао[30]. Американцы стремились интегрировать мусульман в общенациональную жизнь страны, однако они только способствовали углубляющемуся расколу между Севером и Югом. Впоследствии их политика в отношении мусульман, заложившая мину замедленного действия и подхваченная независимым христианским правительством во второй половине XX в., дала о себе знать.

[1]https://ru.wikipedia.org/wiki/Филиппинцы
[2] Левтонова Ю.О.. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979. С. 25
[3] Кабеев В.. Остров моро. Очередной виток конфликта на Филиппинах. // "Коммерсантъ Власть". №4, 03.02.2014. С. 32
[4] Илья Полонский. Филиппинские партизаны: две гражданские войны на одну страну «семи тысяч островов». 28.08.2014 //Военное обозрение
[5]Jonh Finley. The Mohammedan problem in the Philippines II, July 1, 1916 // The Journal of Race Development. P. 33
[6] Левтонова Ю.О.. История Филиппин. Краткий очерк. С.142
[7] Левтонова Ю.О.. История Филиппин XX век, М., 2011 С. 123
[8] Jonh Finley. P.33
[9] Charles Byler. Pacifying the Moros: American Military Government in the Southern Philippines, 1899-1913 // Military Review May-June 2005 P. 41
[10] Kawashima Midori. The “White Man’s Burden” and the Islamic Movement in the Philippines: The Petition of Zamboanga Muslim Leaders to the Ottoman Empire in 1912. Monograph Series No. 17, 2014. p. 3
[11] Charles Byler. P. 41-42
[12]Ibid. P. 42
[13] https://en.wikipedia.org/wiki/First_Battle_of_Bud_Dajo
[14] Charles Byler. P.43
[15] Charles Byler. P. 43-44
[16] Почётный титул мусульман, передаваемый по мужской и женской линиям. В доисламской Аравии представитель знатного рода, градоправитель или вождь племени
[17] Timothy Marr. Diasporic Intelligences in the American Philippine Empire: The Transnational Career of Dr. Najeeb Mitry Saleeby // Mashriq And Mahjar: Journal Of Middle East Migration Studies // Mashriq & Mahjar 2, No. 1 (2014). P. 78-106
[18] Timothy Marr. P. 78-106
[19] Kawashima Midori. P. 4

[20] У мусульман болезнь не является уважительной причиной для пропуска молитв. Мусульманин может пропустить молитву лишь тогда, когда вследствие болезни он потеряет сознание, память или лишится рассудка или же не прекращается какое-либо выделение, нарушающее омовение, на промежуток исполнения одной молитвы (кровотечение из носа). Такой человек становится обладателем «извинительного состояния».
[21] Kawashima Midori. P.17-18
[22] Jonh Finley. P.41
[23] Kawashima Midori. P.6
[24] Ibid. P.20
[25] Ibid. P. 7-8
[26] Титул высшего должностного лица по вопросам ислама в ряде исламских государств. Титул присваивался ведущим богословам, которые досконально знали исламскую правовую традицию и могли применять религиозные нормы к новым, ранее не трактовавшимся случаям. Также шейх-уль-ислам был обязан обладать моральным авторитетом в умме.
[27] Ibid. P. 10
[28] Ibid. P.12
[29] Jonh Finley. P.31
[30] Левтонова Ю.О. История Филиппин XX век. С. 123

© ***Милославская Т.П.***
ИВ РАН

ИСТОКИ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА

Спецификой ислама как религии является то, что он формировался как государственная религия, в нем отсутствует «институт церкви». Он формировался и как «тоталитарная религия», которая охватывает все стороны бытия людей – от личной жизни до внешней политики. Таким образом, ислам более всего приспособлен выступать регулятором всей жизни мусульманского общества, что в нынешнее время дает возможность исламистам аргументировать в пользу политизации ислама.

Современный исламизм (или фундаментализм) не является единой цельной системой мировоззрения, а представляет собой конгломерат различных теорий, взглядов на роль ислама в современной жизни. Основой для них явилась идеология Братьев-мусульман, одной из крупнейших организаций Ближнего и Среднего Востока. Ассоциация Братьев-мусульман была основана в 1928 г. Хасаном аль-Банной (убит англичанами в 1949 г.). Отделения и секции Братьев-мусульман существовали во многих странах Ближнего и Среднего Востока. Основные идеи концепции Братьев-мусульман базируются на трех основных положениях

– ислам - универсальный регулятор всех сторон жизни и деятельности как отдельного индивиду, так и общества в целом;

– исламская концепция нации - форма наднациональной общности всех мусульман;

– ислам – призыв к братству всех народов и классов.

Важное место в теории и практике Братьев-мусульман занимает положение о формах и методах деятельности, наибольшее значение имеет так называемая концепция джихада, разработанная Хасаном аль-Банной. Джихад рассматривался как вариант *иджтихада* (араб. выносить самостоятельное суждение) и объявлялся Братьями одним из столпов веры, обязанностью

каждого мусульманина. Джихад трактовался аль-Банной как борьба всеми возможными средствами ради осуществления целей и миссии ислама – от идеологической борьбы до прямого террора.

Идеолог Братства Саид Кутб синтезировал идеи аль-Банны и пакистанского идеолога Маудули и сформировал собственную концепцию исламского экстремизма, которая несколько отличалась от классических воззрений Братьев-мусульман. Свои последние работы, посвященные этой идее он написал в тюрьме – «Под сенью Корана» (Фи зыляляли-ль - Куран) и «Вехи на пути» (Маалим фи-т-тарик). Собственно именно в этих двух работах сформулированы все основные положения исламского экстремизма (Саид Кутб был казнен в 1966 г.)

В рядах Братства произошел раскол не только идеологически, но и организационно на две фракции – умеренных и собственно экстремистов. Расхождения собственно Братьев-мусульман и исламских экстремистов касались вопросов о *такфире* (араб. обвинение в неверии) и способах борьбы. По мнению аль-Банны, его борьба внутри страны рассматривалась как борьба настоящих мусульман с плохими мусульманами (заблудшими), а не с неверными. В стратегии борьбы за исламское общество захват политической власти в стране аль-Банна рассматривал как заключительный этап, которому должна предшествовать длительная и кропотливая работа по формированию у большинства населения исламского мировоззрения.

Исламские экстремисты рассматривали своих противников как «неверных», не отдавая предпочтения длительному воспитанию истинно исламского мировоззрения.

Важным для понимания исламского экстремизма является понятие *хакимийя* (высшая власть Аллаха над миром) согласно которому установление законов, не соответствующих шариату, считаются нарушением *хакимийи* Аллаха и присвоением его власти.

Суть *хакимийи* для исламских экстремистов заключается в том, что никто из «сотворенных Аллахом» не может устанавливать иные законы, чем те, которые были установлены Аллахом, то есть люди не наделены законодательной властью, а

имеют лишь только исполнительную. Этот принцип отрицает любую форму правления, кроме теократии. Принцип *хакимийи* исламские экстремисты считают одним из основных критериев разделения между исламским обществом и обществом *джахилийи* (неверие, или время неведения). *Хакимийя* является одним из основных принципов политической теории современного исламского экстремизма.

В целом логика экстремистов сводится к тому, что цель, поставленная Аллахом перед человечеством, – создать и поддерживать на земле общество, построенное согласно ниспосланным законам. Так как существующие сейчас общества исламскими не являются, то необходимо привести их в соответствие с исламом, для чего политическая власть в стране должна оказаться в руках истинных мусульман.

Каким должно быть исламское государство – наименее разработанная часть идеологии как у исламских экстремистов, так и у Братьев-мусульман. Так Саид Кутб в своей работе «Вехи на пути» изображая идеальное общественное устройство, основным критерием называет *шахаду* (формула, содержащая изложение двух основных догматов ислама, или форма исповедания – «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад – пророк его»). Сфера действия шариата не ограничивается юридическими вопросами, а включает в себя межличностные отношения, образ жизни, ценности, привычки и традиции.

С точки зрения Братьев-мусульман идеалом политической системы общества является халифат, путь к созданию которого они видели в последовательном осуществлении культурного, политического и экономического сотрудничества между мусульманскими странами. Следующим шагом должно быть создание «союза исламских наций» и избрание имама в качестве «объединительного средства». Халифат рассматривался Братьями не как форма правления, а как сущность власти в мусульманской общине. Такая межгосударственная общность, по их мнению, призвана осуществлять исламский путь развития, противопоставляя мусульманский мир остальному человечеству. В этой концепции четко прослеживается деление мира на *дар аль-харб* и *дар аль-ислам* (территория ислама и территория войны). По мнению аль-Банны, государства, которые могли бы

входить в халифат, должны были отвечать трем главным принципам: Коран должен составлять основу конституции, правление осуществляется посредством совещательного совета (*шура*), исполнительные органы должны быть ограничены учением ислама и «желаниями людей».

В отношении стратегии и методов борьбы исламские экстремисты не имеют единой и общей системы. Здесь можно выделить несколько доктрин. Хасан аль-Банна выделяет три стадии борьбы: начальную, организационную и насильственную.

На начальной стадии в основном просветительская и благотворительная деятельность. Здесь организация занимается внедрением самых общих исламских принципов в массовое сознание. На организационной стадии происходит построение организационной структуры и тренировка членов, в основном, с применением суфийских методик. Целью этой стадии является создание будущего воина (*муджахеда*), который должен обладать военными навыками и быть готов подчиниться любому приказу. Насильственная стадия включает в себя призыв к джихаду и реальное воплощение его – борьбу за установление исламского порядка. Данная система содержит три уровня деятельности – пропаганда, подготовка кадров и практическая борьба.

С. Кутб исходил из двух стадий борьбы, считая, что современное общество невозможно перевоспитать. И представлял себе борьбу во имя ислама не в категориях народного восстания, а в виде гражданской войны небольшого сообщества «истинных мусульман» против «неверного» общества. «Авангард» истинных мусульман, по С. Кутбу, не может противостоять остальному обществу (обществу *джахилийи*) и должен отделить себя от общества, обособиться от него, пробыть какое-то время в изоляции. Это как раз та черта, которая способствует фанатизму, что является признаком экстремистских групп, придерживающихся этой стратегии.

На второй стадии для выживания группы нужен период накопления сил, чтобы далее добиваться возникновения исламского обществу в миниатюре. «Авангард» по С. Кутбу должен готовиться к тотальной и безжалостной борьбе с *джахилийей*.

Суть стратегии третьего типа – создать законспирированную разветвленную организацию, завербовать себе как можно больше сторонников преимущественно в армии и госаппарате, подготовить захват власти и после этого заняться исламизацией общества.

Несмотря на различия в стратегии, все исламские экстремистские группы выделяют два основных метода борьбы – пропаганда и *джихад.*

С. Кутб выделяет три основных характерных черт *джихада:*

– *джихад* не временная стадия, а вечное состояние, *джихад* продолжается до Страшного суда;

– *джихад* не знает национальных границ, географических барьеров, расовых ограничений;

– *джихад* есть борьба не оборонительная, а наступательная, агрессивная.

С этой трактовкой джихада соглашается большинство экстремистских групп и организаций, и в соответствии с этим они решают вопрос о допустимости насилия и террора.

Еще одной отличительной чертой современного исламского экстремизма является упор на разрушение, на уничтожение существующего общества, а не на строительство. Свою основную задачу исламские экстремисты видят в том, чтобы снести до основания все неисламское, чтобы расчистить место для будущего истинно мусульманского общества.

Все исламские экстремистские группы активно занимаются вербовкой новых членов. Специфика заключается в том, что в процессе вербовки большое значение придается родственным и дружеским связям, выделяются посетители мечетей. Они организуют общества по изучению Корана, проявляют благотворительность, раздавая одежду и продукты. Большое внимание уделяется военнослужащим. Причины, заставляющие людей вступать в экстремистские исламские организации, – духовная пустота, разочарование, экономические трудности, проблемы личного характера. Притягательная сила идей исламского экстремизма – предельная простота и ясность предлагаемых решений, а радикализм – выбор пути их решения и возможность быстрых перемен.

Идеологическая обработка рекрутов для экстремистских групп направлена на воспитание у них двух качеств: готовность к повиновению и готовность к самопожертвованию. По мнению С. Кутба – дух покорности является неотъемлемой частью «истиной веры». Готовность к самопожертвованию – возможность сразу попасть в рай. Стремление к мученической гибели освящается Кораном, то есть пасть в битве за веру – удача и лучшая из судеб для мусульманина. Кроме этого важным элементом идеологической обработки рекрутов, характерным для большинства экстремистских групп, становится максимально возможная изоляция от общества, – в результате разрыва связей с внешним миром человек легче поддается психологической и идеологической обработке. Кроме этого лидер и идеолог группы получает монопольную власть над членами группировки.

Результатом психологической обработки является также выработка у рекрутов однообразного мышления. В ход идут одни и те же цитаты из Корана, часто рекруты не слишком разбираются в классическом исламе, кроме заученных базовых принципов экстремизма.

Отношение многочисленных экстремистских групп собственно к Братьям-мусульманам неоднозначное, как бы «организация хорошо начала, но плохо кончила», тем не менее, они благоговеют перед идеологами Братства Хасаном аль-Банной и Саидом Кутбом (погибшим в борьбе за веру) и соглашаются с большей частью их идеологии.

Вторая половина XX века характерна огромным ростом исламских группировок разного толка, примером и истоком идей для которых была Ассоциация Братьев-мусульман. Подвергаясь репрессиям, организации распадались, сливались, эмигрировали и, тем не менее, как капля ртути, распадаясь на мельчайшие капельки, сливались опять, образуя уже международную террористическую сеть. Во время афганской войны принимали участие на стороне муджахедов члены многих террористических групп из арабских стран и даже из Юго-Восточной Азии. Так называемые «ветераны» афганской войны, возвратившись на родину, становились наставниками и кураторами для подготовки новых рекрутов боевых отрядов исламских экстремистских организаций. Следующей «трениро-

вочной площадкой» для боевиков стала война в Чечне. А война в Сирии уже показала, какое количество боевиков со всего мира собрало под свои знамена «Исламское государство».

Какой площадкой для подготовки кадров может оказаться следующая попытка создать халифат трудно даже себе представить.

Самыми защищенными и стабильными являются мусульманские государства, в которых власть принадлежит королю или султану (Саудовская Аравия, Бруней, Катар, Марокко, Иордания) и самыми уязвимыми – разрушенные войной Ливия, Ирак, Сирия, Афганистан, Йемен. Постепенное выдавливание боевиков «Исламского государства» из Сирии нагружает другие страны взрывоопасными элементами, в том числе и Россию. Под прицелом остается и Европа, где огромные потоки беженцев из арабских и африканских стран, а также Афганистана, пока выражают протест против нечеловеческих условий жизни, но исламские экстремисты уже показали себя. Что дальше?

Люди, вооруженные опытом войны и идеями создания собственного «справедливого исламского государства» никуда не денутся, идеология существует, «пророки» и наставники есть. Это бесконечно тлеющие угли, которые при определенных условиях могут опять загореться.

Использованная литература:

Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М., Наука, 1988.

Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., Наука, 1990.

Милославская Т.П. Изучение деятельности Ассоциации братьев-мусульман (обзор источников и литературы). В сб. История и идеология стран Востока. М., Наука, 1978. С. 109-119.

Милославская Т.П. Начальный этап деятельности ассоциации «Братьев-мусульман». В сб. Религии мира. История и современность М., Наука 1982. С. 86-98.

Милославская Т.П. Деятельность «Братьев-мусульман» в странах Востока. В сб. Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., «Наука», 1982. С.7—24.

Милославская Т.П. «Иль-Ихван аль-муслимин». Ислам, краткий справочник. М., Наука, 1983. С.67-69 (в соавторстве с Шариповой Р.М.).

Милославская Т.П. Роль движения «Братьев-мусульман» в общественно-политических процессах стран Ближнего и Среднего Востока. В сб. Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1985, ИВ АН, вып.3, ч.1. С.99-104 (ДСП).

Милославская Т.П. Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» в сб. Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока М., Наука, 1986. С.5-40 (в соавторстве с Г.В.Милославским)

Милославская Т.П. Братья-мусульмане. Африка. Энциклопедический справочник. М., Советская Энциклопедия, 1986. С. 367.

Милославская Т.П. Аль-ихван аль-муслимун. Энциклопедический словарь М., Наука, 1991. С. 117.

Милославский Г.В. Интеграционные процессы в мусульманском мире. М., Наука, 1991.

Аль-Банна Х. Музвккират ад-даава ва-д-даийа, Аль-Кахира, б.г.

Аль-Банна Х. Маджмуат ар-рисаиль, Бейрут, б.г.

Qutb S. Islam the Religion of the Future. New Delhi, 1974

Qutd S. Milestones on the Road, New Delhi, 1981

Qutb S. The Characteristics on the Islamic Concept, New Delhi, 1984

© ***Шмелева И.Н.***
ИСАА МГУ

ТЕАТР *БАСАК:* СИНТЕТИЧЕСКИЙ ВИД КХМЕРСКОГО ТЕАТРА

В 20-х гг. XX в. на территории Южного Вьетнама, на берегах реки Басак в общине этнических кхмеров складывается новая форма музыкального театра. На протяжении своей почти столетней истории этот театр имел несколько названий – *трынг кхлок, йуке* и *басак*, которые используются и в настоящее время. История формирования театра изложена кхмерскими и вьетнамскими театральными деятелями с некоторыми расхождениями[1]. Согласно кхмерским источникам она представляется следующим образом: инициаторами создания новой театральной формы выступили хорошо образованные кхмеры – знатоки литературы и театра, а главным вдохновителем стал г-н Суо – бывший настоятель одного из кхмерских храмов вьетнамской провинции Чавинь. Среди основателей и меценатов театра называют также братьев Ли Каня и Ли Суона. Театр формировался в крестьянской среде и был рассчитан на вкусы самой массовой аудитории. Первая театральная труппа состояла из непрофессиональных исполнителей, в основном прихожан местного буддийского храма, зачастую неграмотных, традиционно заучивавших текст со слов своих наставников, но при этом владевших даром импровизации. Этот театр был изначально ориентирован, с одной стороны, на сохранение и популяризацию традиционной кхмерской культуры, а с другой стороны, на расширение репертуара и поиски новой сценической формы.

Вновь созданный театр первоначально получил название *локхаон трынг кхлок*, что буквально значит «театр опор для бутылочных тыкв», поскольку примитивный павильон для представления напоминал сооружение из жердей для выращивания тыкв.

Основу театра составили фольклорные мелодии, песни, традиционные танцы кхмеров, а также комические сценки.

Представления устраивались во время буддийского Нового года. Сценическое пространство было организовано примитивно: занавес и декорации отсутствовали. Очевидно, стилистически первые представления *локхаон трынг кхлок* напоминали народные театры Юго-Восточной Азии, в частности вьетнамский театр *тео*.

К 30-м гг. XX в., или несколько раньше, театр *трынг кхлок,* видимо, несколько модернизированный, получил название *йуке* (вьет. dù kê). Этимология этого слова неизвестна. В Камбодже полагают, что название театра означает «наследие прошлого», «наследие былого», и при написании этого слова по-кхмерски иногда используют специфическую орфографию, которая позволяет переводить *йуке* именно таким образом[1]. Но вероятно, это ложная этимология. Во Вьетнаме предполагают, что *йу* восходит к китайскому слову со значением «танцевать», а *ке* – имя одного из бывших наставников этого театра. Можно также заметить созвучие с названием еще одного кхмерского театра, а именно *йике*, кстати, имеющего ряд общих черт с *йуке*. Однако трудно сказать, насколько это совпадение неслучайно[2].

Театр *йуке* создавался кхмерами, для которых сохранение своей традиционной культуры всегда имело очень большое значение. Но в условиях XX в. репертуар различных форм традиционного кхмерского театра, ограниченного почти исключительно исполнением сцен из *Рамаяны*, уже не мог удовлетворять зрителей. К тому же и сама сценическая форма, когда все компоненты, составляющие театральное действо – музыка, танец, слово, воспроизводятся разными исполнителями, слишком сковывала актеров жесткими правилами и условностями. Кхмеры, создавшие театр *йуке,* жили среди вьетнамцев и не могли не испытать воздействие вьетнамской и китайской, а также, хотя и в меньшей степени, западной сценической культуры, с которой к этому времени познакомились в ЮВА. Наиболее заметным стало влияние вьетнамского музыкального театра *кай лыонг*, который завоевал к тому времени большую

[1] Yūrkerti ← yūr «далекий», «давний»; kerti «наследие», «слава».

популярность на юге Вьетнама. Нововведения, принятые театром *йуке* проявились, прежде всего, в использовании новой сценической формы, заимствованной главным образом из вьетнамского театра и южно-китайской оперы. Надо сказать, что и в самой Камбодже к этому времени появляются новые формы музыкального театра, также очевидно оказавшие влияние на *йуке*. В результате была создана музыкальная драма, в которой пение перемежается прозаическими и стихотворными диалогами и монологами героев, танцами, пантомимой и сценками поединков.

В 1930 г. труппа *йуке* дала первое представление на территории Камбоджи. Начиная с этого времени в Камбодже предпочитают называть этот театр *локхаон басак* по наименованию района, где он зародился, но во Вьетнаме по-прежнему пользуются термином *йуке*.

После первого представления, устроенного в Камбодже, руководители театра значительно его модернизировали. Скорее всего, именно под влиянием вьетнамского музыкального театра *кай лыонг* появилось более сложное оформление сценического пространства – меняющиеся задники, занавес и более сложный реквизит. А из кхмерского театра были заимствованы некоторые движения и мелодии.

До Второй мировой войны труппы театра *басак* свободно перемещались между Вьетнамом и Камбоджей, но затем несколько трупп осели в Камбодже.

В зависимости от аудитории актеры использовали разные языки. Когда спектакль разыгрывался перед чисто кхмерской аудиторией, использовали кхмерский язык, если среди зрителей присутствовали вьетнамцы или китайцы, говорили на смеси кхмерского и соответственно вьетнамского или китайского языков.

Начиная с 50-гг. прошлого столетия, с перерывами на войны, этот театр постепенно набирает популярность как во Вьетнаме, так и в Камбодже. В 60-е гг. в Камбодже появилась профессиональная труппа при Университете изящных искусств. В настоящее время в Пномпене есть несколько профессиональных, а в провинции любительских трупп. Во Вьетнаме непрофессиональные труппы практически исчезли, но суще-

ствует несколько трупп, поддерживаемых государством, в том числе молодых актеров готовят в Университете провинции Чавинь.

В итоге театр *басак* стал результатом соединения компонентов музыкального, певческого и танцевального искусства Камбоджи и Вьетнама, театром, подготовленным различными театральными формами этих стран, в том числе и народными. Он включил в себя многое из них, создав своеобразное синтетическое искусство. Уникальность *локхаон басак* состоит в том, что в этом театре почти в равных пропорциях смешаны компоненты вьетнамского и кхмерского театра – музыкальные инструменты, мелодии, костюмы, грим, жесты, и все эти компоненты сосуществуют параллельно. Например, костюмы, грим, жесты, мимика мужских персонажей – героев-принцев и демонических существ – аналогичны тому, что можно видеть в южно-китайской и вьетнамской опере, а движения, танец и костюм героинь-принцесс следуют традициям классического кхмерского балета. Характерным признаком театра *басак* являются телодвижения мужских персонажей и сценки поединков – рукопашных боев или сражений с разными видами оружия в стиле южно-китайской оперы.

Новизна сценической формы хотя и повлияла на выбор сюжетов, но лишь в незначительной степени. Несмотря на то, что не существует правил, которые ограничивали бы выбор сюжета, тем не менее, создание сценариев на современные темы остается большой проблемой театра, как во Вьетнаме, так и в Камбодже. Оставаясь верным традиции, *локхаон басак* попрежнему отдает предпочтение сюжетам, заимствованным из джатак, легенд, сказок и *сатра лбаенг* – кхмерских стихотворных романов классической литературы. Адаптации нескольких вьетнамских произведений и пьес *кай лыонг* успеха не имели. Сюжет большинства пьес для *локхаон басак* не является в полной мере актом индивидуального творчества драматурга, он только приспосабливает известное произведение для сцены и вносит в него изменения, добавляя или убирая отдельные мотивы. Его талант определяется тем, насколько умело он это делает. В результате общий дух оригинала, пафос любого спектакля, который составляет непременная победа добра над злом

и непреложный закон кармы, сохраняется всегда, хотя и утрачивается яркость религиозно-дидактической направленности, традиционной для кхмерской литературы.

Тексты драм *локхаон басак,* как и в любом традиционном театре Камбоджи, никогда не публикуются, но очевидно, что в рукописном виде они имеются в театральных труппах. В Пномпене и Южном Вьетнаме в последние годы от импровизации в *локхаон басак* отказались, актеры заучивают текст наизусть, но в камбоджийской провинции сохраняются любительские труппы, которые остаются импровизационными. Однако во всех труппах молодые актеры по-прежнему заучивают текст со слов наставника.

Соответственно сюжету традиционный набор персонажей представлен принцами и принцессами, их слугами и служанками, министрами и военачальниками, простолюдинами, злокозненными демонами, животными и различными мифологическими существами. Все действующие лица четко делятся на «положительных» и «отрицательных», или в кхмерской терминологии – на «созидательных» и «противоборствующих». Обязательными персонажами для всех представлений театра *басак* являются шуты. Актеров, как в любом традиционном театре, готовят для исполнения определенного амплуа. Выбор амплуа зависит от внешности актера, тембра голоса, вокальных способностей. Самыми сложными считаются роли шутов.

Тип персонажа определяет манеру произносить текст, танцевать, двигаться на сцене, а также костюм и грим. Лица героев покрывает бело-розовый грим, наличие зеленого цвета в гриме считается признаком магических способностей персонажа. Самый сложный грим характерен для демонов – черно-белое с красными мазками лицо и нарисованными клыками. Нанесение грима требует не менее одного часа.

Композиция пьесы следует определенному канону, она должна быть «уравновешена»: в каждой пьесе присутствуют сцены, вызывающие и грустные, и радостные чувства, также обязательными являются комические сцены. Согласно традиции представлению предшествует обязательная церемония обращения к духам и наставникам театра. Но она, во всяком случае, в настоящее время несколько короче и проще, чем в других

театрах Камбоджи. Далее следуют несколько традиционных песен, выступление шутов и лишь затем разыгрывается само представление.

Эклектичность театральной формы позволила *локхаон басак* с легкостью заимствовать элементы других театров и даже кино: отдельные мотивы, мелодии и песни, танцевальные движения, жесты, элементы костюма и грима. Согласно кхмерскому театральному деятелю Петь Тум Кровылу, в театре *басак* используют 155 стандартных мелодий, из них 28 характерны только для этого театра, 89 заимствованы из других театров Камбоджи, 22 вьетнамские и китайские мелодии и 16 западных. Вьетнамские источники указывают в общей сложности 163 мелодии, среди которых, кроме кхмерских, вьетнамских и китайских, упоминают также малайские и бирманские мелодии[3]. Из китайских фильмов были переняты некоторые телодвижения, из индийских – жесты и элементы грима. Распространенным мотивом, усвоенным, скорее всего из китайских фильмов, стали эпизоды с переодеванием героини в мужской костюм, что не было характерно для кхмерской традиционной литературы. Усваивая элементы других форм камбоджийского театра (например, *мохаори, йике,* разговорного театра и др.), *локхаон басак* иногда сближается с ними, иногда постепенно вытесняет их со сцены.

Под влиянием западного театра была сокращена продолжительность спектаклей. Если раньше представление могло продолжаться 3 или 7 дней, то сейчас не более 3-4 и даже 2 часов.

Таким образом, если в отношении сценической организации театр *басак* довольно гибок и достаточно легко допускает инновации, то в отношении драматического материала он гораздо более консервативен. Последнее обстоятельство вызывает особое беспокойство театральных деятелей и Камбоджи, и Вьетнама. Руководители *локхаон басак* считают включение в репертуар театра пьес на актуальные темы чрезвычайно важным для его развития и, главное, для сохранения популярности, особенно среди молодежи. В настоящее время театральные деятели обеих стран прикладывают много усилий для сохранения этого театра: обучают молодых актеров, организуют регуляр-

ные фестивали. Министерство культуры и информации Вьетнама признало театр *йуке* достоянием национального искусства и предложило ЮНЕСКО включить его в список явлений нематериального культурного наследия.

Можно сказать, что успех театра *басак* в течение многих лет определяли два главных фактора: с одной стороны новизна сценической формы, при этом рассчитанной на очень широкого зрителя, с другой стороны включение его в систему традиционных эстетических ценностей народов Юго-Восточной Азии.

Список литературы

Nepote J., Khing Hoc Dy. Chinese Literary Influence on Cambodia in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Literary Migrations: Traditional Chinese Fiction in Asia (17th-20th Centuries) / ed. Claudine Salmon. Institute of Southeast Asian, 2013. P. 223–224.

Pech, Tum Kravel. Yīke niṅ lakhon pasak'. Phnom Penh: Royal University of Fine Arts, 1997. 69 p.

Dù kê theatrical arts. / Department of Cultural Heritage. URL: http://ww.vava.org.vn/du-ke-theatrical-arts-102 (дата обращения: 23.11.2016).

Prabhab kaṃṇoet niṅ pravatt silp: lakhon pāsak'. // Kohsantepheapdaily [Электронный ресурс]. 18 дек. 2013. URL: https://kohsantepheapdaily.com.kh/ article/ 86259. html (дата обращения 20.10.2016).

pravatt lakhon pāsak'. Дата обновления 13 апр. 2010 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=aTbJM7UjfYw (дата обращения: 14.09.2015).

Sân khấu Dù Kê của đồng bào Khmer – TTXVN // Báo Mới. [Электронный ресурс]. 26 дек. 2013 г. URL: http://www.baomoi.com/san-khau-du-ke...Khmer /.../12761090.epi (дата обращения: 20.11.2016).

[1] Pech Tum Kravel. Yīke niṅ lakhon pasak' Phnom Penh : Royal University of Fine Arts, 1997. P. 33-37; Sân khấu Dù Kê của đồng bào Khmer – TTXVN // Báo Mới. 26 дек. 2013 г. URL: www.baomoi.com/san-khau-du-ke...khmer/.../12761090.epi (дата обращения: 20.11.2016).

[2] Sân khấu Dù kê, dì kê / Tạp chí Khoa học Trường Đại học Trà Vinh. 13. 03.2014. URL: www.cantholib.org.vn/Database/Content/788.pdf (дата обращения: 20.11.2016).

[3] Pech Tum Kravel. Yīke niṅ lakhon basak'. P. 49–57; Dù kê theatrical arts. / Department of Cultural Heritage. URL: http://ww.vava.org.vn/du-ke-theatrical-arts-102 (дата обращения: 23.11.2016).

© ***Кукушкина Е.С.***
ИСАА МГУ

К ИТОГАМ ОСЕННЕ-ЗИМНЕГО ЦИКЛА ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНОГО СЕМИНАРА ОБЩЕСТВА «НУСАНТАРА»

23 декабря 2016 г. завершило полугодичный цикл своих заседаний Общество «Нусантара» (ранее – «Малайско-индонезийские чтения»), объединяющее отечественных исследователей региона малайского мира, или Нусантары. Общество, которое в 2017 г. отметит свое 50-летие, с сентября по май ежемесячно проводит научные семинары в Институте стран Азии и Африки МГУ, издает сборники статей, организует научные мероприятия. Участники семинара – специалисты по истории, языкам, культуре, экономике Индонезии, Малайзии, Сингапура, Брунея, Филиппин и ряда других районов, население которых говорит на австронезийских языках и имеет типологически сходные черты истории общественно-политического и культурного развития.

На семинаре 22 сентября 2016 г. ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук *А.О. Захаров* представил доклад *«История Юго-Восточной Азии в трудах В.А. Тюрина (1933–2015)»*. Выступление содержало последовательный и глубокий анализ вклада В.А.Тюрина в изучение истории государств Малайского мира.

Выдающийся российский историк-малаист, доктор исторических наук, профессор, автор многих статей и монографий В.А. Тюрин в своих работах уделил внимание практически всем периодам развития региона ЮВА, в первую очередь Индонезии и Малайзии. А.О.Захаров очертил круг научных интересов ученого, особо выделив несколько тем: социально-политической истории Нусантары в Новое время, колониализма и антиколониальной борьбы народов региона, политической и экономической истории Малайзии и Индонезии, а также исторического процесса в Юго-Восточной Азии, в том числе с точки зрения типологии местных обществ.

Докладчик показал динамику оценок, данных в разное время В.А. Тюриным событиям и явлениям истории народов Малайского мира, подчеркнул новаторство его научного подхода, строгость работы с фактами и широкий охват любой изучаемой проблемы, умение не только анализировать исторический процесс, но при необходимости рассказывать о его участниках как о личностях. Эти качества были присущи всем работам историка: «Завоевание Малайи Англией» (1960), «С крестом и мушкетом» (в соавторстве с И.В. Можейко и Л.А. Седовым), особенно ценимой автором «Ачехской войне» (1970), «Истории Индонезии» (2004) и др., вплоть до увидевшей свет в 2010 г. «Истории Малайзии» (в соавторстве с В.А. Цыгановым).

А.О. Захаров особо остановился на работах В.А. Тюрина, посвященных типологии обществ ЮВА. В этих трудах были выделены, с одной стороны, разные типы раннеклассовых обществ региона и варианты их государственности, а с другой – общие черты, объединявшие данные общества (последний аспект рассмотрен в Истории Юго-Восточной Азии», написанной в соавторстве с Д.В. Мосяковым).

Т.В. Ефремов (ИСАА МГУ) избрал актуальную и малоизученную тему *«Активность политических партий Индонезии в Интернете»*. В докладе отмечалось, что достаточно активными в виртуальном пространстве на данный момент являются лишь пять партий страны, что не имеет пока прямой соотнесенности с их успехами на политической арене, поскольку за партийными новостями регулярно следит относительно небольшое количество пользователей. Докладчик объяснил такое положение вещей географическими особенностями страны. Островной характер рельефа является главной причиной неразвитости интернет-инфраструктуры, приводящей к высокой стоимости соединения и недостаточной скорости подключения.

По мнению Т.В. Ефремова, подобная ситуация может сильно измениться в будущем, поскольку правительство стремится последовательно решать проблему интернет-сообщения, а Индонезия уже сейчас находится на 5-м месте по числу пользователей в Азии и на 8-м месте в мире.

Октябрьское заседание семинара Общества «Нусантара» открыла кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН *Л.В. Горяева*, выступив с сообщением *«Конференция Британского общества изучения Юго-Восточной Азии (ASEASUK)»*. Научный форум, состоявшийся в Лондоне в сентябре этого года, собрал 285 докладчиков, выступавших в 43 секциях. Согласно сложившейся практике, объектом обсуждения стал ареал британской сферы влияния (и британского колониального владычества в прошлом).

Характерной чертой конференций ASEASUK ввиду их междисциплинарного характера является отсутствие единой тематики. Тем не менее Л.В. Горяева выделила ряд особенностей тематического спектра нынешнего мероприятия. Подавляющее большинство докладов было сделано в русле традиционного страноведения, без выходов на проблемы современности. Гуманитарно-филологический подход в целом преобладал над социально-политическим. Утрачивает актуальность ряд востребованных в недавнем прошлом подходов, в частности гендерный.

Больше всего выступлений было посвящено теневому театру региона, рукописному наследию и инструментам его сохранения и курирования, новым литературным тенденциям. Культурная тематика конференции в значительной степени была сосредоточена на мерах по поддержанию наследия прошлого, вопросах традиционной музыки, искусства и образования.

Проблемы политики затрагивались с точки зрения спорных моментов во взаимоотношениях стран ЮВА (например, неустановленные границы), взаимодействия религии и государства, положения национальных и религиозных меньшинств и т.п. Актуальная во всем мире исламская проблематика рассматривалась в плане описания конкретных срезов жизнедеятельности тех или иных общин.

В докладе кандидата исторических наук *В.А. Погадаева* прослеживался магистральный путь развития политики Малайзии после ухода с поста четвертого премьер-министра Махатхира Мохамада, архитектора совершенного страной экономического чуда. Тема выступления (*«Конец эры Махатхира»*)

отразила сложные процессы политического и общественного развития государства после смены власти. По мнению В.А. Погадаева, ни принявший от Махатхира обязанности премьера Абдулла Ахмад Бадави, ни сменивший его Наджиб Тун Абдул Разак не смогли достойно продолжить деятельность предшественника.

Абдулла свернул ряд начатых Махатхиром амбициозных проектов, частично пересмотрел установленные им экономические приоритеты, перестал обеспечивать интересы близких прежнему лидеру бизнес-кругов, отошел от авторитарных принципов руководства. В результате возглавляемая им правительственная коалиция Национальный фронт стала утрачивать позиции, и Абдулла был вынужден уйти, в том числе под давлением сохраняющего влиятельность Махатхира.

Нынешний руководитель Малайзии Наджиб Тун Разак еще сильнее ухудшил положение правящей партии, став наименее популярным главой государства за всю его историю. Неудачная экономическая политика и громкий коррупционный скандал вызвали раскол в Национальном фронте. Из его состава вышла Объединенная партия коренного населения (Parti Pribumi Bersatu Malaysia), идеологом которой является Махатхир Мохамад.

Оппозиция получила реальный шанс бороться за власть впервые с момента обретения страной независимости. Наряду с опытными и новыми политическими партиями, которые находятся в оппозиции к действующему правительству, значительную роль стало играть молодое общественное движение *Bersih* («Чистота»), выступающее за справедливые выборы. Однако в рядах оппозиции также отсутствует единство, происходят конфликты и размежевание сил, поэтому говорить о реальной перспективе ее успеха в ближайшем будущем вряд ли возможно.

В.А. Погадаев также кратко остановился на ситуации в сфере культуры Малайзии, положении малайского языка, изучении русского языка в местных университетах.

Заседание общества «Нусантара», прошедшее в ноябре, было посвящено самым злободневным тенденциям политического развития региона. *Н.А. Старостин* (МГИМО МИД РФ) представил сообщение *«Международный терроризм и страны*

Юго-Восточной Азии». Докладчик подчеркнул давнюю актуальность проблемы терроризма для стран региона, который экстремисты всегда рассматривали как источник людских ресурсов и потенциальный ареал распространения своего влияния. В последнее время здесь наблюдается возрастание террористической опасности. Н.А. Старостин указал на возросшую активность экстремистских группировок в виде проведения терактов, существование в структуре организации ИГ (запрещена в РФ) формирования, составленного из малайзийцев и индонезийцев, появление первого интернет-издания ИГ на малайском (индонезийском) языке. Возрастание интенсивности вербовки жителей региона связано с последними поражениями ИГ в Сирии и Ираке.

Докладчик остановился на особенностях конкретных стран, сталкивающихся с террористической угрозой. В Индонезии активизация террористических формирований сопровождается расколом на сторонников ИГ и Аль-Каиды и смещением акцента их деятельности. Если раньше она была направлена в первую очередь против США и их союзников, то после 2010 г. мишенью стали индонезийские правительственные органы, полиция, армия. В Малайзии наблюдается проникновение идей джихада в структуры госбезопасности и сотрудничество экстремистских группировок с преступными синдикатами, торгующими людьми, которые способствуют переправке боевиков через границы. На Филиппинах также происходит распространение радикальной идеологии среди мусульманского населения южных провинций, что вынудило власти признать наличие террористической угрозы в стране.

По словам Н.А. Старостина, изменение ситуации в Сирии сильно подорвало позиции террористов, что может вынудить их к перемещению террористической активности в Юго-Восточную Азию, в особенности в районы этноконфессиональных конфликтов. Большую роль в предотвращении такого сценария может сыграть традиционное неприятие терроризма населением региона.

Второй доклад *«Индонезия: политический кризис?»* был представлен главным научным сотрудником ИВ РАН, доктором политических наук *А.Ю. Друговым*. Объектом рассмотре-

ния стали последние события в стране, в ходе которых армия обнаружила стремление сдерживать определенные идеологические сдвиги, допущенные с момента прихода к власти президента Джоко Видодо (Джокови).

Примером этих сдвигов стал курс на пересмотр оценки государственного переворота 1965 г., который привел к массовым репрессиям в отношении коммунистов. Президент обозначил стремление к примирению с репрессированными, что вызвало резкую реакцию со стороны исламских фундаменталистов и военных. А.Ю. Другов указал, что разоблачение мифа о коммунистическом мятеже и роли армии в перевороте разрушает ее образ хранителя национальных устоев.

Столь же ярко реакционную позицию военные заняли в конфликте вокруг исполняющего обязанности мэра Джакарты. Первый китаец-христианин на этом посту Басуки Чахайя Пурнама (~~А. Хок~~ Ахок) выступил с заявлением, истолкованным фундаменталистами как оскорбление ислама. Следствием этого стали акции протеста в Джакарте, а против ~~А Хока~~ Ахока было возбуждено уголовное дело. В рядах противников мэра оказались представители партий правящей коалиции. Президент Джоко Видодо не смог занять достаточно взвешенную и решительную позицию. Докладчик особо отметил, что в момент возникшей напряженности армия активно взаимодействует с исламскими организациями и претендует на то, чтобы выступать единственной силой, способной взять на себя лидерство и обеспечить сплоченность общества и страны. По предположению А.Ю. Другова, данные события могут означать начало новых, возможно, болезненных процессов в общественно-политической жизни Индонезии.

Заключительное, декабрьское заседание Общества «Нусантара» было посвящено интересному и весьма проблемному региону в составе Индонезии – Западной Новой Гвинее. Вопрос межэтнических отношений по сей день имеет здесь особую остроту. Факторы, породившие весьма сложную ситуацию, рассматривались в сообщении *А.С. Абрамовой* (ИСАА МГУ) *«Социально-политические причины сепаратизма в Индонезии на примере Западной Новой Гвинеи».*

В сообщении прослеживались исторические корни сепаратистских устремлений местного папуасского населения со времен владычества голландцев, которые намеревались сохранить здесь колониальный плацдарм после провозглашения независимости Нидерландской Ост-Индии. С этой целью местным жителям прививался национализм, мешавший им почувствовать себя потенциальной частью Индонезии. Этому способствовала политика индонезийских властей в отношении Западной Новой Гвинеи, из которой выкачивались природные ресурсы на фоне подавления националистической идеологии и общей индонезиезации.

В результате в Западной Новой Гвинее до сих пор сохраняются сепаратистские настроения и движения. Среди факторов, подпитывающих сепаратизм, А.С. Абрамова отметила антропологические и культурно-религиозные различия между местными папуасскими народами и населением прочих районов страны, а также демографические проблемы, связанные с притоком мигрантов с других островов Индонезии. Развитию и дальнейшему подъему сепаратизма, по мнению докладчика, мешает этническая пестрота региона (250 коренных народностей и языков), которая ведет к отсутствию единства религиозной и политической культуры. Положение обостряют коррупция, бюрократия, превышение полномочий со стороны армии, экономический произвол иностранных компаний.

Несмотря на очевидную межэтническую напряженность, А.С. Абрамова отметила изменение характера деятельности сепаратистских организаций в настоящее время. Их борьба отчасти утратила активность, что объясняется, помимо разобщенности участников, отсутствием поддержки со стороны мирового сообщества, которое не желает подогревать внутригосударственный конфликт в Индонезии.

Д.и.н. *В.В. Сумский* (директор Центра АСЕАН МГИМО МИД РФ) представил доклад *«Странная история Джона Кеннеди, Аллена Даллеса и Западного Ириана (по мотивам последней книги новозеландского исследователя Грега Полгрейна)*». Докладчик познакомил аудиторию с результатами последних разысканий относительно мотивов и характера деятельности США в регионе.

По данным Г. Полгрейна, нежелание голландцев предоставить Западной Новой Гвинее независимость в составе Индонезии было следствием обнаружения в этой части колонии богатейших залежей полезных ископаемых. Геологоразведочные работы в значительной мере финансировались американскими компаниями, контролируемыми семейством Рокфеллеров. За организацией экспедиции стоял будущий основатель и директор ЦРУ А. Даллес, целью которого было добиться максимальной открытости Индонезии Соединенным Штатам, чтобы американские компании (прежде всего Рокфеллеры) смогли беспрепятственно эксплуатировать местные ресурсы. Способ достижения этого результата состоял в разжигании и поддержании мятежей на внешних островах страны, и в утверждении политического влияния армии с ее проамериканскими настроениями. Армия у власти должна была обеспечить массовый заход в Индонезию американского капитала.

Г. Полгрейн напрямую связывает физическое устранение президента Дж. Кеннеди в 1963 г. с его антиколониальной позицией, отрицавшей доктрину Даллеса. Не вполне соглашаясь с Г. Полгрейном в том, что убийство Кеннеди было вызвано исключительно его отношением к индонезийскому вопросу, В.В. Сумский подчеркнул, что в течение его срока пребывания в должности произошел раскол интересов в среде американского крупного капитала с ущемлением позиций династии Рокфеллеров, с которой был связан Даллес. Позднее последний оказал решающее влияние на формулировки выводов комиссии по расследованию убийства. В Западной Новой Гвинее плодами усилий А. Даллеса стал практически неконтролируемый произвол компаний США, который в целом продолжается доныне.

© ***Панарина Д.С.***
ИВ РАН

ВСТРЕЧА с ДЕЛЕГАЦИЕЙ РЕСПУБЛИКИ ФИЛИППИНЫ в ИВ РАН 26 мая 2017 г.

26 мая 2017 г. в Институте востоковедения РАН прошла встреча заведующего Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН Мосякова Д.В. и сотрудника Центра, эксперта по Филиппинам Панариной Д.С. с иностранными гостями с Филиппин, прибывшими в Москву в рамках официального визита филиппинского президента Родриго Дутерте в составе его делегации. Гости института, Эльба С. Крус (Atty. Elba S. Cruz, PhD, MNSA), глава и генеральный директор Академии развития Филиппин (Development Academy of the Philippines), доктор и обладательница магистерской степени по программе обеспечения национальной безопасности и ее коллега по Академии Мерлиса М. Макинано (Merliza M. Makinano), исполнительный директор в Центре институционального маркетинга рассказали о вопросах, являющихся самыми актуальными для Филиппин на сегодняшний день.

Слева направо: *Мерлиса М. Макинано, Эльба С. Крус, Д.В. Мосяков, Д.С. Панарина. (ИВ РАН, 26.05.2017)*

Детально обсуждались проблема исламистских меньшинств «моро» и ситуация с захватом террористами города Марави на южном о. Минданао. Госпожа Крус и госпожа Макинано отдельно коснулись перспектив возможного сотрудничества между Россией и Филиппинами, в частности, и в первую очередь именно на о. Минданао, как самой богатой ресурсами части страны. Гости выразили надежду также на установление более тесных связей между нашими странами в научных кругах и отметили, что Филиппинам необходимы как исследователи-теоретики, так и практики. Все присутствовавшие на встрече безусловно согласились, что обмен опытом между Россией и Филиппинами по многим вопросам, и главное, - по вопросу обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом, будет чрезвычайно полезен обеим сторонам.

В целом филиппинские представители заинтересованы в широком сотрудничестве в самых различных сферах, в том числе и в бизнесе, торговле и общении напрямую между гражданами наших государств. Госпожа Крус и госпожа Макинано также рассказали о работе Академии развития Филиппин, которая в первую очередь нацелена на улучшение жизни на Филиппинах во всех областях.

Кроме того, на встрече присутствовал Вальтер Азат Сабирович, генеральный директор компании *Walter Business Innovations*, специализирующейся на бизнес-консалтинге и менеджменте, который также выказал интерес к сотрудничеству.

Со своей стороны, Мосяков Д.В. и Панарина Д.С. рассказали о работе Центра, об основных мероприятиях и достижениях в области изучения Юго-Восточной Азии, отдельно коснулись вопроса территориальных конфликтов в Южно-Китайском море, поделились научными планами Центра на будущее, пригласили филиппинских гостей к всестороннему сотрудничество и заручились их дальнейшей поддержкой.

Была выдвинута и одобрена идея по проведению совместного научного мероприятия (конференции) с участием филиппинских и российских специалистов. Тематика конференции подробно не оговаривалась, однако, безусловно, на обсуждение должны быть вынесены самые актуальные вопросы региона, важные как для Филиппин и России, так и для других стран Юго-Восточной Азии.

Мазырин В.М. *Новый этап экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии*

В статье дан анализ ключевых компонентов экономического сообщества АСЕАН (ЭСА): формирования общего рынка товаров и услуг, превращения ЮВА в экономически конкурентоспособный регион, преодоления разрыва в экономическом развитии членов АСЕАН, углубления интеграции в мировую экономику. Показаны содержание, динамика и трудности каждого из компонентов этого процесса за 10 прошедших лет. Оценены общее состояние и перспективы региональной интеграции стран АСЕАН.

Ключевые слова: *Экономическое сообщество АСЕАН (ЭСА), общий рынок товаров и услуг, международная конкурентоспособность, разрыв в экономическом развитии, состояние и перспективы региональной интеграции, асеаноцентричность, зоны свободной торговли*

Рогожин А.А. *Экономическое сотрудничество стран ЮВА и США – современное состояние и перспективы*

В настоящее время экономическое сотрудничество стран ЮВА и США осуществляется лишь на двусторонней основе и, как показывают приведённые докладчиком расчёты, оно в целом благоприятно для них. В первую очередь это касается торговли: её отличает стабильность и постоянно растущее положительное сальдо для стран региона Товарная структура взаимной торговли вполне благоприятна для стран ЮВА: в их экспорте в США 75% составляют машины, оборудование и готовые промышленные изделия, а в импорте из США почти 80% – это машины, оборудование, транспортные средства и химтовары. Инвестиции США в странах АСЕАН стабильно высоки. Перспективы экономических отношений стран ЮВА можно считать благоприятными.

Ключевые слова: *ЮВА, США, экономическое сотрудничество, торговля, инвестиции*

Канаев Е.А. *Проблема Южно-Китайского моря: новые категории анализа*

В статье предпринята попытка расширить методологическую базу анализа проблемы Южно-Китайского моря, добавив в него категории «сила» и «ответственность» и проведя их сопоставление на различных этапах эволюции противоречий. Залогом успеха в выработке новаторских подходов к проблеме и удержании ее в контролируемых рамках должна стать перезагрузка мышления экспертов и лиц, принимающих политические решения, на основе роста значимости категории «ответственность».

Ключевые слова: *Южно-Китайское море, международный арбитраж, Китай, США, АСЕАН, сила, ответственность*

Бэ Бумки. *Китай, территориальные споры на морях Восточной Азии и Морской шелковый путь XXI века*

Констатируя и обосновывая рост глобальной составляющей морских территориальных споров Восточной Азии с участием Китая – в первую очередь, проблемы Южно-Китайского моря и Восточно-Китайского моря – автор анализирует потенциал Морского шелкового пути XXI в. с точки зрения его возможности снизить остроту этих проблем. Вывод об объективной ограниченности этого потенциала дополнен рассмотрением направлений и мер сотрудничества, развитие которых способно компенсировать недостатки МШП с позитивным мультиплицирующим эффектом для безопасности и сотрудничества на морских рубежах Восточной Азии.

Ключевые слова: *Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, Морской шелковый путь XXI века, Арктика, безопасность, сотрудничество*

Муратшина К.Г., Иванова А.Е. *Сотрудничество Китая со странами ЮВА в сфере образования как проявление политики «мягкой силы» и средство решения ключевых внешнеполитических задач*

В статье рассматриваются основные направления, факторы и результаты взаимодействия в образовательной сфере между КНР и государствами ЮВА. Для Китая данное направление сотрудничества является важной составляющей его политики распространения «мягкой силы» в регионе. КНР постепенно догоняет Соединенные Штаты Америки, на которые приходится основная доля образовательных обменов и образовательной миграции из ЮВА. Кроме США и КНР, связи в сфере образования с регионом активно развивают Япония, Австралия, Индия, страны ЕС. Наиболее серьезной проблемой в этой ситуации стала «утечка мозгов» из государств ЮВА за рубеж.

Ключевые слова: *Китай, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, образование, гуманитарное сотрудничество, США, Япония, Австралия, Индия, «мягкая сила», «утечка мозгов»*

Рогожина Н.Г. *Финансирование терроризма в странах Юго-Восточной Азии*

Автор анализирует источники финансирования терроризма в регионе, которые подразделяются на несколько категорий. Среди них выделяется самофинансирование как наиболее важный и представляющим серьезную опасность источник финансирования терроризма, имеющий потенциал для роста. Каналом поставок средств террористам являются некоторые НКО. Деньги поступают также от отдельных доноров и организаций из-за границы. Что касается прямой финансовой поддержки террористов в ЮВА со стороны ИГИЛ, то пока нет данных, подтверждающих наличие между ними финансовой взаимосвязи. Автор отмечает, что особенностью современного терроризма в ЮВА является исполь-

зование им разных каналов финансирования, что осложняет борьбу с ним, которая требует межрегионального сотрудничества между странами региона и укрепления связей государства с частными структурами.
Ключевые слова: *Юго-Восточная Азия, терроризм, источники финансирования терроризма, «волки одиночки», ИГИЛ*

Лебедева Н.Б. *Индия – АСЕАН: двадцать пять лет спустя (грани отношений и внешние факторы)*

В статье даётся анализ основных итогов и проблем 25-летних взаимодействий Индии и АСЕАН, а также перспектив их развития. Показаны некоторые новые возможности в рамках объявленного премьером Н.Моди курса «Делай в Индии», «Цифровая Индия», «Умелая Индия» «Умные города». Большое внимание уделено стратегической сфере и роли Индии в ЮКМ, где она принадлежит ко второму эшелону сдерживания Китая. Исходя из собственных интересов в мире и интересов АСЕАН, США, стремясь активнее использовать Индию, в частности в ЮКМ, в 2016 г. было подписано соглашение по военной логистике (ЛЕМОА) и ряд военно-технологических договорённостей (о статусе главного партнёра, предоставлении военной техники на уровне стран НАТО и Израиля, возможной передаче списанного, но действующего авианосца и др.).
Ключевые слова: *Индия, АСЕАН, Н. Моди, курс «Делай в Индии», США, Китай, ЮКМ. ЛЕМОА*

Попов А.В. *Центральный Сулавеси*

В статье автор анализирует нынешнюю социально-экономическую ситуацию в индонезийской провинции Центральный Сулавеси, этнический состав населения и историю ее формирования. Большое внимание было также уделено существующим культурным традициям местного населения и проблемам межрелигиозных отношений в провинции.
Ключевые слова: *Палу, каили, никель, малео, Посо*

Петрова О.Л. *Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений*

В статье рассматриваются проблемы китайского меньшинства в Индонезии, его роль и особенности развития в социально-экономической структуре страны. Особое внимание уделено смягчению антикитайских настроений в 2000-е гг. по сравнению с укреплением и переплетением антикитайских движений и антихристианских настроений в 1990-х гг. Показано, что, несмотря на значительное влияние китайской диаспоры в экономике Индонезии, она не препятствует росту мусульманского предпринимательства. Анализируются результаты губернаторских выборов, позволившие занять пост губернатора Джакарты этническому китайцу и христианину Басуки Чахая Пурнама «Ахоку». Рассматриваются последствия судебного разбирательства в отношении Ахока и итогов новых губернаторских выборов 2017 г.

Ключевые слова: *Индонезия, китайское меньшинство, выборы губернатора Джакарты, Басуки Чахая Пурнама «Ахок», антикитайские настроения*

Ефимова Л. М. *Российско-индонезийские отношения: исламский вектор*

Целью статьи является анализ исламского вектора современных российско-индонезийских отношений. Впервые в отечественном и зарубежном индонезиеведении детально проанализированы основные составляющие взаимодействия между исламскими кругами России и Индонезии. В статье подчёркивается возрастающее значение политического, антитеррористического сотрудничество и связей в сфере мусульманского образования. В статье подчёркивается, что российским и индонезийским мусульманам отводится роль важного дополнительного связующего звена между Россией и Индонезией. Сотрудничество по мусульманской линии является одним из методов «мягкой силы» во внешней политике РФ.

Ключевые слова: *Индонезия, Россия, исламский вектор, российско-индонезийские отношения, «мягкая сила» во внешней политике.*

Бектимирова Н.Н. *Новые акценты во внешнеполитической стратегии Камбоджи*

Важнейшее место среди внешнеполитических приоритетов Камбоджи традиционно занимали отношения с США, которые при администрации Б. Обамы получили новый импульс и достигли существенного подъема. Однако с приходом к власти администрации Д. Трампа у Камбоджи возникли определенные трения в отношениях с США. Возникновение антиамериканских мотивов во внешнеполитической деятельности правящих кругов Камбоджи обусловлено целом рядом причин как внешнего, так и внутреннего характера. К наиболее важным, в первую очередь, следует отнести приближение в Камбодже очередного избирательного цикла.

Ключевые слова: *Камбоджа, США, двусторонние отношения, финансовый долг, антиамериканская риторика, совместные военные учения, репатриация*

Муранова А.П. *Мьянма: активизация экономической деятельности США, 2011-2016 гг.*

В статье рассматриваются формы экономических связей США и Мьянмы в последнее пятилетие. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что торговые отношения развиваются очень быстро, но инвестиционная деятельность встречается с большими трудностями.

Ключевые слова: *Мьянма, США, экспорт, импорт, инвестиции*

Соколов А.А. ***С****овременная образовательная миграция из Вьетнама: возможности и вызовы*

В статье раскрывается современная образовательная миграция из СРВ, анализируются причины её роста, виды, направления, возможности и риски. Она является составной частью процесса интернационализации образования в этой стране и важным элементом реагирования на экономические процессы, происходящие как в самом Вьетнаме, так и за его пределами.

Ключевые слова: *миграция, Вьетнам, высшее образование, студенты, качество образования, обучение за границей*

Новакова О.В. *Политика Коммунистической партии Вьетнама по отношению к Вьетнамской Католической Церкви в годы политики «обновления» (1986-2016)*

Тема религиозной политики КПВ в XXI в. до настоящего времени остается одной из самых закрытых и сложных для исследования. Это относится не только к католической общине, но и к буддийской сангхе, к «новой» религии – каодаизм и т.д.

Однако, известные события на рубеже XX - XXI вв., изменившие ситуацию в мире, привели к провозглашению КПВ нового политического курса – политики «обновления». В данной статье предпринята попытка исследовать, каким образом этот новый политический курс проявился в политике КПВ по отношению к Вьетнамской Католической Церкви (ВКЦ), а также ответную реакцию руководства ВКЦ на эту новую политику.

Ключевые слова: *политика «обновления», новый имидж Вьетнама, католическая церковь, епископ, храм, вьетнамские католики*

Рубан Л.С. *«ПЕТРОНАС» – энергетический лидер Малайзии*

В статье автор делает анализ энергетической ситуации в Малайзии за период с 2006 по 2016. Автор использует мнения экспертов для характеристики деловой активности компании «ПЕТРОНАС» в нефтегазовой сфере, производстве сжиженного природного газа и электроэнергетике в Малайзии и других странах. Автор показывает развитие нефтегазовой отрасли в Малайзии, ресурсную базу углеводородов в стране и ее изменение, разведку и добычу нефти и газа, их экспорт за рубеж, развитие нефтехимии и нефтепереработки, трубопроводного транспорта и танкерного флота в этой стране, лидером энергетики которой является компания ПЕТРОНАС. Также анализируется зарубежная деятельность компании в более чем 30 странах мира (в АТР, Африке, Европе, Северной и Латинской Америке, Каспийском регионе и Центральной Азии и др.).

Ключевые слова: *Малайзия, «ПЕТРОНАС», Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, нефтегазовые ресурсы, СПГ*

Пракапович Н.В. *США и политика «умиротворения» Юга Филиппин (1901-1913 гг.)*

Противостояние моро и христианского правительства на Филиппинах имеет давнюю историю. Менялись колониальные хозяева, однако жители южных районов упорно продолжали отстаивать свое право на независимое существование, умело приспосабливаясь к изменяющимся условиям и требованиям духа времени. Американская политика «умиротворения», продемонстрировавшая свою быстродейственность в северных и центральных районах архипелага, проводилась не столь последовательно на Юге, в результате чего оказалась менее эффективна. Об этом свидетельствует тот факт, что замирение американскими военными провинции Моро продлилось на 12 лет дольше, чем замирение провинций Лусона. Собственно, об этом и повествует данная статья.

Ключевые слова: *моро, военные, исламские миссионеры, образование, колониализм, США, политика умиротворения*

Милославская Т.П. *Истоки радикального ислама*

Истоком идей и методов радикального ислама являются в основном труды идеологов Ассоциации Братьев-мусульман. Построение организационной структуры и методы подготовки боевиков также были заложены основателем Ассоциации Хасаном аль-Банной. Дальнейшая разработка собственно методов террористической деятельности в большей мере принадлежит Саиду Кутбу. Разветвленная сеть ячеек и секций Братьев-мусульман по всему исламскому миру сделала возможным создание огромного количества подобных организаций, что сегодня продолжает питать ряды «Исламского государства» и других террористических групп в Сирии.

Ключевые слова: *радикальный ислам, Братья-мусульмане, Саид Кутб, Исламское государство*

Шмелева И.Н. *Басак: синтетическая форма кхмерского театра*

Театр *басак (локхаон басак)*, зародившийся в 20-х гг. XX в. на территории Южного Вьетнама в общине этнических кхмеров, представляет собой своеобразное синтетическое искусство, результат соединения компонентов музыкального, певческого и танцевального искусства Камбоджи и Вьетнама.

В течение многих лет успех театра *басак* определяют два главных фактора: новизна сценической формы, рассчитанная на массового зрителя, и включение его в систему традиционных эстетических ценностей народов Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: *локхаон басак, синтетический театр, искусство Вьетнама и Камбоджи, традиционное искусство*

Dr. Vladimir Mazurin. *The new stage of the South-East Asia'n countries economic integration*

The paper gives the analyses of the key elements of the Economic Community of ASEAN (ECA): the formation of a common market of goods and services, turning ASEAN into an economically competitive region, bridging the gap in the economic development of countries- members of ASEAN, the further integration in the world economy. The author shows the contents, dynamics and challenges of each of the components of this process over the past 10 years. He also assesses the general condition and prospects of the regional integration of ASEAN countries.

Keywords: *Economic Community of ASEAN (ECA), common market of goods and services, international competition, gap in economic development, state and prospects of regional integration, free trade zones*

Dr. Alexander Rogozhin. *Economic Cooperation between the SEA Countries and the USA – Current State and Prospects*

Currently, economic cooperation between the Southeast Asian countries and the United States is carried out only on a bilateral basis and, as shown by the calculations presented by the author, it is generally favorable for them. First of all, this concerns trade: it is characterized by stability and an ever growing surplus for the countries of the region. The commodity structure of mutual trade is quite favorable for Southeast Asian countries: in their exports to the USA, 75% are machinery and transport equipment, as well as finished industrial products, and in imports from the United States almost 80% are machinery and transport equipment, as well as chemical goods. The US investments in the ASEAN countries are consistently high. Prospects of economic relations of Southeast Asian countries can be considered favorable.

Keywords: *SEA, USA, economic cooperation, trade, investments*

Dr. Evgeny Kanaev. *The South China Sea Issue: New Categories of Analysis*

The article attempts to expand the methodological approach to the South China Sea issue by exploring the categories of "power" and "responsibility" and making their comparison at different stages of the problem. In the development of novel approach to the contradictions and keeping them manageable, the prerequisite for success is the re-set of mentality of experts and policy-makers increasing the significance of the category "responsibility".

Keywords: *the South China Sea, international arbitrage, China, the US, ASEAN, power, responsibility*

PhD student Bae Bumki. *China, maritime territorial disputes in East Asia and Maritime Silk Road of the 21 Century*

Emphasizing and substantiating the rise of the global dimension in East Asia's maritime territorial disputes in which China is involved – primarily, the South China Sea and the East China Sea issues – the author analyses the potential of the Maritime Silk Road of the 21st Century (MSR) through the

prism of its potential to make the contradictions less intensive. Directions and measures that can produce positive multiplier effect upon maritime security and cooperation in East Asia supplement the conclusion about the objective limitations of MSR.

Keywords: *South China Sea, East China Sea, Maritime Silk Road of the 21st Century, Arctic, security, cooperation*

Dr. Ksenia Muratshina, Anna Ivanova. *China's cooperation with the Southeast Asian countries in the field of education as a manifestation of the policy of "soft power" and a means of resolving key foreign policy tasks*

The paper analyses the key aspects, factors and results of China – Southeast Asia interaction in educational field. For China, this is an essential soft power component of its policy in the region. Furthermore, China is gradually catching up with the dynamics of the United States' influence build-up. However, the greatest part of educational exchanges and educational migration from SEA is still related to the USA. At the same time, Japan, Australia, India and others are developing their educational ties with SEA, too. As a result, the problem of brain-drain occurred, becoming the most serious challenge the region has faced in this sphere so far.

Keywords: *China, Southeast Asia, ASEAN, education, humanitarian cooperation, the USA, Japan, Australia, India, soft power, brain drain*

Dr. Nataliya Rogozhina. *Financing Terrorism in South East Asia*

The article analyses the sources of financing terrorism in South East Asia, that could be subdivided into several categories. Self-financing is the most important source of financing terrorism that poses the actual threat to regional security. NPO could also provide the channel for transferring financial resources to terrorists. Financial resources to terrorists in South East Asia may be transferred from foreign supporters. At present there is only single evidence of ISIS providing financial support to terrorists in South East Asia. The author notes that terrorists usage of different sources and channels of financing their activity presents the challenges for effective combating this threat and dictate the urgent necessity for states and private structures to cooperate.

Keywords: *South East Asia, terrorism, financing terrorism, "lone wolves", ISIS*

Dr. Nina Lebedeva. *India - ASEAN: twenty-five years later (the faces of relations and external factors)*

The article analyses the main results and problems in interactions between India and ASEAN during 25 years, as well perspectives of its development. The paper shows some new possibilities of its development in N.Modi course "Make in India", "Digital India", "Skill India", "Smart cities". Great attention is paid to strategic sphere and the role of India in SCS, where it belongs to the second echelon in containing China. Proceeding from its own interests in the world and interests of ASEAN, the USA strives to more active involvement of India, especially in SCS. In 2016 the US signed with India the

LEMOA agreement and several military- technological arrangements (on the status of main partner, arms sales on the level of NATO and Israel etc.).

Keywords: *India, ASEAN, N.Modi, course "Act in India", epy USA, China, SCS, LEMOA*

Dr. Alexander Popov. *Central Sulawesi*

In the paper the author analyses the current socio-economic situation in the Indonesian province of Central Sulawesi, the ethnic composition of its population and the history of its formation. Great attention was also paid to the existing cultural traditions of the local population and the problems of interreligious relations in the province.

Keywords: *Palu, kaili, nickel, maleo, Pozo*

Olga Petrova. *The situation of the Chinese minority in Indonesia in the light of Indonesian-Chinese relations*

The paper examines the problems of the Chinese minority in Indonesia, its role and its development features in the socio-economic structure of the country. Particular attention is paid to mitigating anti-Chinese sentiments in the 2000s compared with the strengthening and interweaving of anti-Chinese movements with anti-Christian sentiments in the 1990s. The author states that despite the significant influence of the Chinese diaspora in the Indonesian economy, it does not hinder the growth of Muslim entrepreneurship. The article introduces results of the governor election with allowed to take the post of governor of Jakarta to an ethnic Chinese and a Christian Basuki «Ahok» Tjahaja Purnama. The results of the gubernatorial elections are analyzed, which enabled the ethnic Chinese and Christian Basuki Chakhaya Purnam "Ahoku" to become governor of Jakarta. The consequences of the trial regarding Ahok and the results of the new gubernatorial elections of 2017 are considered.

Keywords: *Indonesia, Chinese minority, Jakarta governor election, Basuki «Ahok» Tjahaja Purnama, Anti-Chinese sentiments*

Dr. Larisa Efimova. *Russian – Indonesian Relartions: Islamic Vector.*

Islamic aspect of Russian-Indonesian relations became an important element of Russian policy in the Islamic world. One of the basics is cooperation in the political sphere. A growing significance acquires regular meetings between Moslem religious leaders of both countries. Cooperation in education develops fruitfully, Islamic aspect of Russian-Indonesian relations represents an important additional channel connecting Moscow and Jakarta.

Keywords: *Russian –Indonesian relations, Islamic vector of foreign policy, Islamic education, moderate Islam, Islamic world.*

Dr. Nadezhda Bektimirova. *New Dimensions in Cambodia's Foreign Policy*

Bilateral relations with the USA have always been one of Cambodia's foreign policy priorities. Under B.Obama's administration they were particularly strengthened. But with the arrival of D.Trump's administration tensions

have surfaced in Cambodia-USA relations. Cambodia unilaterally cancelled joint military exercises «Angkor Sentinel». Prime Minister Hun Sen's rhetoric took on a distinctly anti-American tone. In addition, Cambodia refused to accept Khmer citizens deported from the USA. The emergence of anti-Americanism in Cambodia's foreign policy can be traced to a host of internal and external factors. Chief among them is the imminence of a new electoral cycle.

Keywords: *Cambodia, USA, bilateral relations, financial debt, anti-American rhetoric, joint military exercises, repatriation*

Dr. Anna Muranova. *Myanmar: the intensification of economic activities of the USA, 2011-2016.*

The author examines the forms of economic activities of the US and Myanmar over the last five years. The statistical data indicate that trade relations are developing very quickly but investmrnt activity meets with great difficulties.

Keywords: *Myanmar, U.S.A., export, import, investment*

Dr. Anatoly Sokolov. *Contemporary Educational Migration from Vietnam: Opportunities and Challenges*

The article reveals contemporary educational migration from the Socialist Republic of Vietnam, and analyzes the reasons for its growth, types, trends, opportunities and risks. It is an integral part of the process of internationalization of education in this country and an important element of responding to economic processes taking place both in Vietnam and beyond.

Keywords: *migration, Vietnam, higher education, students, quality of education, training abroad.*

Dr. Oksana Novakova. *The CPV attitude towards Vietnamese Catholic Church during the «renewal policy» (1986-2016)*

The topic of religious policy of the CPV in the 21st century remains one of the most complicated ones. It applies not only to a Catholic community, but to a Buddhist sangha, to a «new» religion – Caodaism, etc.However, the well-known events at the turn of the 20th and 21st centuries, which changed the situation in the world, led to the proclamation of the «renewal policy» by the CPV. The article attempts to explore how this new policy influenced the CPV attitude towards the Vietnamese Catholic Church (VCC). It also elaborates on how the Catholic leadership reacted to this policy.

Keywords: *the «renewal policy», the new image of Vietnam, the Catholic Church, a bishop, a temple, Vietnamese Catholics*

Dr. Larissa S. Ruban. *PETRONAS – Energy Leader of Malaysia*

In the article the author gives an analyses of energy situation in Malaysia from 2006 to 2016. The author uses the experts' opinions to characterize the business activities of PETRONAS in the oil and gas, liquefied natural gas and electricity sectors in Malaysia and other countries. The author shows the development of the oil and gas industry in Malaysia, the resource base of hy-

drocarbons in the country and its change, the exploration and production of oil and gas, their export abroad, the development of petrochemicals and refining, pipeline transport and tanker fleet in this country, whose energy leader is PETRONAS. Also, the company's foreign operations are analyzed in more than 30 countries of the world (in the Asia-Pacific region, Africa, Europe, North and Latin America, the Caspian region and Central Asia, etc.).

Keywords: *Malaysia, PETRONAS, Asia-Pacific Region, North-East Asia, South-East Asia, oil and gas resources, LNG*

Nina Prakapovich. *The USA and the policy of "pacification" of the South of the Philippines (1901-1913)*

Confrontation between the Moro and the Christian government in the Philippines has a long history. The colonial masters were replacing each other, but residents of the southern regions stubbornly continued to defend their rights to independent existence, skilfully adapting to changing conditions and the requirements of the zeitgeist. The US policy of "pacification" had demonstrated its effectiveness in the northern and central areas of the archipelago before, but it was carried out not so consistently in the South, which resulted in much lower efficiency. This is evidenced by the fact that the US military pacification of the Moro province lasted 12 years longer than the pacification of the provinces of Luzon. Actually, this is what this article is about.

Keywords: *Moro, military, Islamic missionaries, education, colonialism, The USA, pacification*

Tatyana Miloslavskaya. *The origins of radical Islam*

The source of ideas and methods of radical Islam are mainly the works of ideologists of the Muslim Brotherhood Association. The construction of the organizational structure and methods of training the militants were also laid by the founder of the Association, Hasan Al-Banna. The further development of the actual methods of terrorist activity is largely due to Said Qutb. The ramified network of cells and sections of the Muslim Brotherhood throughout the Islamic world made it possible to create a huge number of such organizations, which today continues to fuel the ranks of the "Islamic state" and other terrorist groups in Syria.

Keywords: *radical Islam, Muslim Brotherhoo, Said Qutb, Islamic state*

Dr. Irina Shmeleva. *Bassak: a synthetic form of Khmer theatre*

The bassak theatre (lokhaon bassak) that originated in the 1920s in the community of ethnic Khmers in South Vietnam is a unique synthetic form of art and is the result of elements of musical, vocal and dance art of Cambodia and Vietnam fusion. The success of the bassak theatre for long years has been determined by two major factors: on the one hand, the novelty of the scenic form oriented to a very wide audience and, on the other, its appurtenance to the system of traditional aesthetic values of the peoples of South East Asia.

Keywords: *lokhaon bassak, synthetic theatre, the art of Vietnam and Cambodia, traditional art*

Бектимирова Надежда Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ

Бэ Бумки - аспирант Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова.

Иванова Анна Евгеньевна - бакалавр по специальности «международные отношения», УрФУ

Канаев Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М.Примакова

Кукушкина Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ

Лебедева Нина Борисовна - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований ИВ РАН

Мазырин Владимир Моисеевич – доктор экономических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН, доцент

Милославская Татьяна Павловна – младший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Муранова Анна Петровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических проблем ИВ РАН

Муратшина Ксения Геннадьевна - кандидат исторических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», департамент (факультет) международных отношений, кафедра теории и истории международных отношений, доцент

Новакова Оксана Владимировна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ДВ и ЮВА ИСАА МГУ, руководитель Центра изучения современных проблем ЮВА и АТР ИСАА МГУ

Панарина Дарья Сергеевна – кандидат культурологических наук, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Петрова Ольга Леонидовна – младший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Попов Александр Вячеславович - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Пракапович Н.В. – магистрант ИСАА МГУ

Рогожин Александр Александрович - кандидат экономических наук, доцент, зав. Сектором социально-экономических проблем ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, ведущий научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации

Рогожина Наталия Григорьевна – ведущий научный сотрудник Центра проблем модернизации и развития ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, доктор политических наук, доцент

Рубан Лариса Семеновна – доктор социологических наук, профессор, Директор Центра глобальных исследований «Восток-Запад» Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

Соколов Анатолий Алексеевич - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Шмелева Ирина Николаевна - старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ